М. М. Кабешитовъ.

Моя жизнь и воспоминанія.

Бывшаго до шести лѣтъ дворяниномъ, потомъ двадцать лѣтъ крѣпостнымъ.

СУМЫ.
Типо-литографія К. М. Пашкова.
1906.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 17 марта 1906 года.

Нѣсколько словъ въ видѣ предисловія.

Въ первый періодъ моей жизни была ~~доля~~ романическаго: до шести лѣтъ я и мать моя по ея мужу и моему отцу считали себя дворянами и жили въ довольствѣ. На седьмомъ году жизнь моя не только ухудшилась, но была періодомъ тяжелыхъ страданій. По изложеннымъ ниже событіямъ, брошенный отцомъ, я съ матерью стали крѣпостными свѣтлѣйшихъ Волконскихъ, хотя добрыхъ и гуманныхъ владѣльцевъ; но все таки двадцать лѣтъ лучшаго возраста прошли въ крѣпостной зависимости. Къ тому же послѣ смерти матери въ 14 лѣтъ остался круглымъ сиротою безъ всякихъ средствъ. По выдающимся-ли моимъ способностямъ и трудолюбію, или по счастію въ 15 лѣтъ я былъ сдѣланъ писаремъ, потомъ конторщикомъ и контролеромъ письменной отчетности отъ 16 имѣній, далѣе помощникомъ управляющаго, а потомъ и управляющимъ. Но въ эти промежутки времени я по обязанностямъ, получая разныя командировки, объѣздилъ почти всю Россію и въ этихъ поѣздкахъ, исполняя разныя порученія, встрѣчался со многими интересными лицами нерѣдко далеко непохвальной репутаціи. Въ 1853 г. я былъ увольненъ, какъ вольноотпущенный. Съ этого времени, занимаясь безпрерывно съ большой любовью сельскимъ хозяйствомъ, сталъ получать за свои труды и сочиненія медали и разныя награды и по представленію разныхъ обществъ сельскихъ хозяйствъ и комитета выставокъ, получилъ сначала личное, а потомъ потомственное почетное гражданство.

Съ 21 года моей жизни я началъ вести дневникъ, записывая въ немъ все происходящее со мною и съ окружающей меня средою. Въ шестидесятыхъ годахъ я уничтожилъ этотъ дневникъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что во время моего, описаннаго ниже отъѣзда въ С-.Петербургъ, онъ, взятый у меня

безъ моего согласія товарищами, ходилъ по рукамъ и былъ мнѣ возвращенъ въ разстрепанномъ видѣ безъ нѣсколькихъ листовъ, и во вторыхъ по ложному стыду о прожитомъ мною крѣпостномъ званіи. Имѣя теперь дневникъ я могъ бы описать мою жизнь въ которой было не мало выдающихся событій живѣе и картиннѣе.

I.

Званіе моей матери, ея замужество. Первый ея мужъ.—Мое рожденіе и жизнь до 6 лѣтъ—Графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій.—Волконскіе и ихъ гуманныя отношенія къ крестьянамъ.—Перемѣна управляющаго.—Новый управляющій Зернхаузинъ и его жестокость съ крестьянами.

Мать моя была изъ крестьянской крѣпостной среды, изъ состоятельнаго семейства, изъ коего было не мало приказчиковъ и бурмистровъ. Она молодой и красивой дѣвушкой вышла замужъ за берейтора большого коннаго завода, учрежденнаго въ 22—23 году прошлаго столѣтія княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Волконскимъ (декабристомъ) въ имѣніи сестры его Софіи Григорьевны, урожденной Волконской и вышедшей замужъ за князя Петра Михайловича Волконскаго, извѣстнаго любимца трехъ Императоровъ, умершаго фельдмаршаломъ. Отецъ перваго мужа моей матери, Кобштейнъ, былъ одинъ изъ подвижниковъ Бирона. Будучи вмѣстѣ съ нимъ сосланъ въ Ярославскую губернію, гдѣ женился на крѣпостной дѣвушкѣ Волконскихъ, чрезъ что, по тогдашнимъ законамъ, потерялъ свободное званіе и сдѣлался крѣпостнымъ. Сынъ его Яковъ былъ ученымъ берейторомъ и поступилъ въ Саратовскую губернію и Сердобскій уѣздъ въ вышесказанный конный заводъ. Будучи вдовъ женился на моей матери; онъ чрезъ три года умеръ; изуродованный лошадьми, оставивъ матери сына и дочь, которые были помѣщены въ ученіе. Отъ перваго брака дочь, мужа моей матери, была взята въ Петербургъ, гдѣ сдѣлалась любимицею княгини Волконской, статсъ-дамы Императрицы. Она въ судьбѣ моей играла нѣкоторую, впрочемъ незначительную роль, но все таки я буду упоминать о ней въ моихъ воспоминаніяхъ.

Въ имѣніе, гдѣ жила моя мать, Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, с. Софійское, Репѣевка тожъ въ то время молодая и красивая вдова, пріѣхалъ управляющій уже не молодой, вдовый, титулярный совѣтникъ. По словамъ матери, да и по тѣмъ обстоятельствамъ, какихъ я коснусь ниже, мать была тайно повѣнчана старымъ мѣстнымъ священникомъ, пріятелемъ отца; но, кажется, этотъ бракъ въ метрику не былъ записанъ. *)

Отъ этого брака родился я въ 1827 г. Отецъ мой меня очень любилъ и безконечно баловалъ: одѣвалъ роскошно и возилъ съ собою по знакомымъ сосѣдямъ помѣщикамъ, какъ сына.

Такимъ образомъ мы съ матерью прожили въ довольствѣ и нѣгѣ шесть съ небольшимъ лѣтъ. Мать моя неустанно и добросовѣстно исполняла обязанности домашней и наружной хозяйки, не измѣняя образа жизни. Мнѣ минуло шесть лѣтъ, какъ пріѣхалъ въ сказанное имѣніе новый управляющій нѣмецъ, смѣнившій моего отца, В. Ѳ. Зернихаузинъ, близкій человѣкъ къ графу Л. А. Перовскому, въ то время гофмейстеру и сенатору. Онъ, гр. Перовскій, какъ говорили тогда, будучи креатурою Волконскихъ, принялъ обязанность безотчетнаго управляющаго всѣхъ имѣній свѣтлѣйшихъ Волконскихъ. Отецъ мой тотчасъ-же послѣ сдачи имѣнія новому управляющему выѣхалъ изъ него, купилъ у сосѣдняго помѣщика Слѣпцова въ дер. Дубовкѣ пустовавшій домикъ и, кажется, оставался въ хорошихъ отношеніяхъ съ новымъ управляющимъ года полтора. Отецъ взялъ меня съ собою, а мать моя оставалась на прежнемъ мѣстѣ хозяйкою.

Отступая нѣсколько отъ описанія жизни моей и моей матери, не могу отказать себѣ въ удовольствіи помянуть добрымъ словомъ Волконскихъ.

Они, Волконскіе, всегда были добрыми и даже гуманными со своими крѣпостными крестьянами. По ихъ распоряженію крестьяне обязаны были на барщинѣ рабо-

*) Я уже сказалъ, что кто бы не женился на крѣпостной женщинѣ—терялъ свободныя права и даже дворянство.

тать не болѣе трехъ дней въ недѣлю; воскресныя и праздничныя работы безусловно воспрещались; Пасха праздновалась цѣлую недѣлю. Кандидатовъ въ бурмистры выбирали сами крестьяне, управляющій только утверждалъ одного изъ кандидатовъ: управляющіе могли наказывать крестьянъ только по доказанной винѣ, не болѣе 25 ударами розогъ; одно лицо могло быть наказано два раза по 25 ударовъ, при третьей винѣ наказаніе усиливалось до 50 ударовъ, всякое наказаніе записывалось въ журналъ; при четвертой винѣ виновный записывался въ особый журналъ и объ немъ должно быть донесено съ описаніемъ вины въ главную Петербургскую контору. Оттуда уже ожидали распоряженія, какъ поступить съ виновнымъ. Большею частію такихъ виновныхъ высылали въ другія имѣнія, а иногда, смотря по винѣ, отдавали въ солдаты.

Крестьяне такъ боялись записи въ черный журналъ (по ихъ выраженію „черная журнава"), что въ большинствѣ случаевъ виновные просили наказать ихъ какъ угодно, лишь только не записывать въ ненавистную „черную журнаву", такъ они его боялись. Въ этомъ случаѣ отъ виновнаго отбиралась подписка и тогда ужъ имъ доставалось безъ счета.

Управляющіе, конечно, несмотря на строгія предписанія владѣльцевъ, ухитрялись обходить ихъ: то трехъдневные отбывки замѣнялись иногда довольно большими уроками,—напримѣръ мужъ и жена обязаны въ три дня сжать*) и связать десятину ржи копенъ въ 20, то въ воскресенье выгоняютъ поголовно возить снопы въ видѣ помочи, только съ угощеніемъ чаркою водкой, кашицею и т. п., а также при наказаніяхъ вмѣсто 25 давали по 50 и болѣе розогъ, считая, что дали только 25. Но все таки крестьяне Волконскихъ были лучшими въ уѣздѣ, какъ по трудолюбію, расторопности и честности, а потому также и по благосостоянію. Имъ завидовали и на нихъ указывали, какъ на образцовыхъ хозяевъ. Все это было при прежнихъ управляющихъ.

*) И только сжать, а не скосить, кошеніе тогда не допускалось.

Новый управляющій, флотскій офицеръ изъ нѣмцевъ, нашелъ крестьянъ, по его мнѣнію, избалованными, а имѣніе приносящимъ мало дохода. Пошли перемѣны: онъ не стѣснялся измѣнять все въ корнѣ, опираясь на своего патрона, графа Л. А. Перовскаго.

Вотъ первый замѣчательный случай, иллюстрирующій измѣненія кроткихъ и гуманныхъ отношеній: новый управляющій, не соображаясь съ обычаями, погодою и дорогою, вѣроятнѣе совсѣмъ не зная, какъ нѣмецъ, когда будетъ Пасха въ томъ году, запродалъ по дорогой цѣнѣ на срокъ съ неустойкою овесъ въ Саратовъ, отстоящій отъ имѣнія въ 200 верстахъ. Пасха была тогда ранняя, сколько помню 23 марта, хотя санный путь стоялъ еще порядочный, но, не смотря на Пасху и на начавшійся уже портиться зимній путь, управляющій, чтобы устоять въ срокѣ доставки и не платить крупной неустойки, рѣшилъ доставить овесъ въ Саратовъ. Онъ велѣлъ насыпать овесъ на подводы на третій день Пасхи, кажется, въ день Благовѣщенія Господня, а на четвертый день выѣзжать съ овсомъ въ Саратовъ. Пришло къ нему нѣсколько почетныхъ стариковъ, прося униженно отложить насыпку и отправку овса во время Пасхи, доказывая, что въ день Благовѣщенія „даже птица гнѣзда не дѣлаетъ“. Стариковъ этихъ управляющій прогналъ, приказалъ рѣшительно насыпать овесъ и на четвертый день Пасхи въ среду выѣзжать въ Саратовъ.

Требовалось отъ каждаго тягла по конной подводѣ на саняхъ: тяглъ было 300 съ чѣмъ-то, которые могли набрать овса около 7000 пудовъ. Начались волненія и въ среду на Пасхѣ вмѣсто требуемыхъ подводъ почти все село привалило въ контору и, упавъ на колѣни, стало просить, чтобы отмѣнить отправку овса до другого времени, какъ по уваженію къ великому празднику, такъ и по начинавшемуся портиться пути. Управляющій, созвавъ дворню, приказалъ палками отогнать крестьянъ отъ конторы. Они немного пошумѣли и всѣмъ сходомъ пошли въ церковь, въ которой звонили въ это время къ обѣднѣ въ большой колоколъ, какъ бываетъ каждый день во всю

пасхальную недѣлю, на отрѣзъ объявивъ, что до понедѣльника Фоминой недѣли не выѣдутъ насыпать овесъ. Этотъ отказъ призналъ управляющій бунтомъ: полетѣли посланные къ исправнику и становому приставу, которые явились въ тотъ-же день къ вечеру. Къ нимъ вызваны были почетные старики. Эти послѣдніе, не убоясь властей, рѣшительно объявили, что крестьяне не выѣдутъ и завтра насыпать овесъ, указывая на праздникъ и на опасность начавшагося портиться саннаго пути.

Этихъ стариковъ тотчасъ-же высѣкли и погрозили, что завтра всѣхъ перепорятъ, кто не явится насыпать овесъ, а въ крайности вызовутъ войско.

Крестьяне, невидѣвшіе у себя такого погрома никогда, рѣшились пожаловаться въ Петербургъ, но уступили требованію, благоразумно на пятый день Пасхи насыпали овесъ, а на шестой выѣхали въ Саратовъ.

Проѣхавъ верстъ 100 и не могши далѣе ѣхать на саняхъ по испортившемуся пути, оставили овесъ на саняхъ, размѣстивъ его по постоялымъ дворамъ подъ присмотромъ провожавшаго ихъ смотрителя и нѣсколькихъ крестьянъ. Возвратившіеся верхомъ крестьяне были тотчасъ приведены передъ грозные очи управляющаго. Ярости его не было границъ: онъ безъ разбора билъ крестьянъ по лицу, таскалъ ихъ за бороды и за волосы, а тѣхъ, кто осмѣливался хоть слово сказать, тутъ же наказывалъ розгами.

Будучи высокаго роста, тучнаго тѣлосложенія, необыкновенной силы (вѣсилъ онъ 8 пуд.) при ударѣ по лицу вышибъ нѣсколько зубовъ, и вырвалъ бороду на чисто, онъ до того разсвирѣпѣлъ, что съ нимъ чуть не случился ударъ. Холодная со льдомъ вода, піявки и тому подобныя средства скоро возвратили его къ прежнему здоровью и къ прежнему тиранству.

Управляющій пріѣхалъ въ имѣніе съ пятью, или шестью душами своихъ крѣпостныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ посланъ провожатымъ съ овсомъ, отправленнымъ на Пасху въ Саратовъ, какъ болѣе надежный человѣкъ. Послѣ возвращенія крестьянъ былъ посланъ другой смо-

тритель къ оставленному овсу, а прежній крѣпостной управляющаго возвратился на свою бѣду. Его управляющій такъ жестоко наказалъ, что никто изъ живущихъ не видѣлъ и, можетъ быть, не слышалъ объ такомъ безчеловѣчномъ наказаніи.

Въ примѣръ-ли крестьянамъ свѣтлѣйшихъ, собранныхъ въ кругъ мѣста наказанія, или по прирожденной лютости, этотъ несчастный провожатый безъ рубашки былъ въ однихъ портахъ повѣшенъ на спину самого высокаго и здороваго изъ крестьянъ; руки наказываемаго были обогнуты вокругъ шеи крестьянина и завязаны, а ноги привязаны къ ногамъ его и началось безчеловѣчное истязаніе*) длинными, распаренными, березовыми прутьями; наказываемый кричалъ, стоналъ, визжалъ, вопилъ и всѣ, кто могъ попрятались кто куда попало. Сколько времени продолжалось это наказаніе, сколько дано ударовъ никто сказать не можетъ.

По окончаніи наказанія управляющій сказалъ присутствующимъ, что и вы также будете наказываемы, если кто нибудь не исполнитъ приказанія моего. „Забудьте о прежнемъ баловствѣ.“

Наказаннаго подъ руки отвели въ больницу, а державшій его на плечахъ крестьянинъ проболѣлъ горячкою нѣсколько недѣль.

II.

Перемѣна жизни матери и моей къ худшему.—Переѣздъ на нашу новую квартиру, гдѣ въ большой избѣ отведенъ намъ одинъ изъ трехъ угловъ.—Паекъ положенный намъ.—Наставленія матери.—Женщины, бывшія въ услуженіи у матери и ея знакомая.—Поѣздка моя къ отцу и его неисполнившіяся обѣщанія.

Описанный выше случай безчеловѣчнаго наказанія своего человѣка, никогда не виданный въ с. Софійскомъ и даже ни о чемъ подобномъ не слыхали старики.

---

*) Предъ крестьяниномъ, державшимъ наказыемаго была, поставлена садовая лѣстница, за которую онъ могъ держаться руками.

Эта жестокость управляющаго была роковымъ событіемъ въ жизни моей матери и моей, а потому я такъ подробно его и описываю.

Крестьяне о поступкахъ и жестокостяхъ Зернихаузина рѣшились написать въ Петербургъ Л. А. Перовскому, бывшему, какъ сказалъ выше, безотчетнымъ управляющимъ всѣхъ имѣній кн. Волконскихъ.

Управляющій Зернихаузинъ былъ назначенъ въ Саратовское имѣніе Л. А. Перовскимъ, какъ близко извѣстный ему.

Ясно, что изъ прошенія крестьянъ ничего путняго не могло выйти. Для совѣта и написанія прошенія они обратились къ моему отцу, всегда къ нимъ относившемуся хорошо. Сколько онъ не урезонивалъ крестьянъ, сколько не внушалъ имъ, что управляющій былъ назначенъ Перовскимъ, и что поэтому всякая просьба къ послѣднему только ухудшитъ ихъ бѣдственное положеніе, но они настаивали на написаніи прошенія. По добротѣ отца упросили наконецъ его, и онъ, подъ большимъ секретомъ, рѣшилъ написать имъ просьбу. Вѣроятно эта просьба имѣла нѣкоторое дѣйствіе и надо полагать, что управляющій получилъ замѣчаніе, послѣ котораго онъ вскорѣ выѣхалъ въ Петербургъ на почтовыхъ. Какъ уже онъ тамъ уладилъ, это осталось неизвѣстнымъ, но онъ навѣрно узналъ тамъ по слогу, что просьба (хотя она была написана не рукою моего отца) составлена моимъ отцомъ. Потомъ, по возвращеніи изъ Петербурга, онъ на нѣкоторое время какъ бы присмирѣлъ, но не надолго: за малѣйшую вину опять жестоко наказывалъ, назначая оффиціально для записки въ журналъ. только по 25 и 50 розогъ, но сѣкъ сколько влезетъ, приговаривая:

— Вотъ вамъ просьба, напишите еще сошлю въ степныя имѣнія, или отдамъ въ солдаты.

Конечно всѣ оробѣли и молча сносили его неистовыя жестокости, усиливавшіяся крещендо. Крестьянъ, смотря по надобности начали выгонять на барщину вмѣсто трехъ дней въ недѣлю, по четыре и рѣдкій празд-

никъ проходилъ безъ работъ на владѣльцевъ. Конечно доходы быстро возрасли.

Спустя очень короткое время послѣ возвращенія изъ Петербурга г. Зернихаузиномъ былъ присланъ за мною къ отцу на лошади конюхъ съ письмомъ. Отецъ, получивъ письмо, поблѣднѣлъ и со слезами въ голосѣ говоритъ мнѣ:

— Дѣлать нечего, поѣзжай, чтобы болѣе его не озлобить. Послѣ моего пріѣзда къ матери насъ обоихъ позвали въ контору, гдѣ находился Зернихаузинъ. При входѣ нашемъ въ контору онъ поднялся во весь свой громадный ростъ и грозно сказалъ:

— Знаешь-ли, что какъ-ты, такъ и сынъ твой — крѣпостные Волконскихъ, а потому наравнѣ съ дворовыми я тебѣ дамъ уголъ и ты будешь получать такой же паекъ, какъ и всѣ: по 1 п. 30 ф. ржаной муки и по 30 ф. крупы, а этотъ барчукъ, при чемъ онъ указалъ на меня, будетъ получать половину этого пайка и онъ долженъ ходить въ школу, какъ и другіе дворовые. Не думай, что ты, какъ говорятъ, обвѣнчана старымъ дуракомъ попомъ въ церкви и занесена въ здѣшнюю метрику: ни ты, ни сынъ твой туда не записаны, а если-бы и были записаны, то согласно закона и отецъ былъ-бы обращенъ въ крѣпостные; такіе случаи у насъ на Руси бывали. Сынъ его, живописецъ въ Петербургѣ, просилъ меня разлучить его съ вами.

Онъ тутъ-же сказалъ приказчику: „назначте имъ такую то избу, тамъ теперь только двѣ семьи живутъ, а они будутъ третьи,“ прибавилъ:

— Завтра же переселяйтесь въ эту избу, а ты барчукъ немедленно начинай ходить въ школу.

На другой день утромъ, часовъ 9—10 въ половинѣ февраля мы съ своимъ скарбомъ на трехъ саняхъ подъѣзжали къ новой нашей квартирѣ. Снаружи она была большая деревянная изба, крытая соломой. Внутреннее расположеніе меня поразило, такъ-какъ я въ первый разъ видѣлъ такое размѣщеніе: въ трехъ углахъ стояли три высокихъ (до 2 арш.) и широкихъ кровати. Двѣ изъ нихъ заняты были постелями. На одной сидѣлъ старикъ, впос-

лѣдствіи оказавшійся моимъ лучшимъ другомъ; на третьей кровати такой-же высоты были настланы доски: эта послѣдняя была назначена для насъ передъ ней стояла скамейка для влезанія на кровать; четвертый уголъ избы былъ занятъ большой варистой печью, служившей общею кухнею для всѣхъ трехъ семействъ; вокругъ стѣнъ были лавки и стояло два стола. На печи сидѣло двое маленькихъ дѣтей; подъ каждой изъ двухъ кроватей было привязано по молодому теленку и сверхъ того подъ одной, въ особой перегородкѣ, посажены два небольшихъ ягненка. Нечего и говорить, каково было наше впечатлѣніе и каковъ былъ запахъ!

Когда начали вносить наши пожитки, я стоялъ и плакалъ. Застелили третью, предназначенную намъ, кровать, сложили по лавкамъ и на полу наши пожитки и поставили большой сундукъ.

Мать, немного управившись, грустная и усталая сѣла на лавку, я подошелъ къ ней плача и говорю:

— Мама, что мы будемъ дѣлать въ этой избѣ?

— Будемъ трудиться, молиться Богу и будемъ жить такъ, какъ многіе другіе живутъ. Видишь—сколько избъ кругомъ и въ каждой живетъ по три семьи. Далъ-бы Богъ намъ насущный кусокъ хлѣба и онъ былъ-бы не такой, какой мы видѣли у крестьянъ съ лебедою и пескомъ, а то проживемъ; лишь ты не шали, не огорчай меня, какъ прежде, ходи къ каждой службѣ въ церковь, почитай старшихъ и молись усердно Богу: вѣрь, Богъ не оставитъ.

Эти слова были ея завѣтомъ и какъ-бы заповѣдью отъ Бога и я усердно старался исполнять ихъ и исполнять ихъ въ точности до одной самой горькой минуты въ моей жизни, о которой разскажу ниже и до того времени, пока не окунулся съ головою въ развращенную среду дворни. Но и теперь въ горькую минуту жизни я припоминаю эти слова. Вскорѣ послѣ переѣзда на нашу новую квартиру пришли къ намъ служащія у матери и ея знакомыя 4 женщины, помогли матери разобраться,

утѣшали ее, обѣщаясь во всемъ помогать ей, и исполняли свято обѣщаніе. О нихъ я скажу ниже.

Вечеромъ поздно пріѣхалъ отъ отца его кучеръ. Мать, хотя со страхомъ, чтобы не узналъ управляющій, все таки отпустила меня съ тѣмъ, чтобы кучеръ привезъ обратно скорѣе, такъ какъ на завтра мнѣ нужно было идти въ деревенскую школу. Отецъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ со слезами, прижалъ къ своему сердцу и все время рыдалъ, какъ ребенокъ, пока я разсказывалъ ему все, что слышалъ отъ управляющаго, какъ провели мы съ матерью два послѣднихъ дня.

Онъ утѣшалъ меня, говоря, что надняхъ поѣдетъ въ Петербургъ и станетъ тамъ слезно просить Л. А. Перовскаго объ облегченіи нашей участи и надѣялся, что достигнетъ этого, потому что сынъ его давалъ уроки живописи дѣтямъ брата графа Василія Алексѣевича Перовскаго.

Онъ въ то время не зналъ, что сынъ его просилъ Зернихаузина разлучить отца съ нами. Въ морозную полночь отецъ отправилъ меня съ своимъ кучеромъ къ матери. При разставаніи онъ, плача, крѣпко прижалъ меня къ своей груди и поручилъ, чтобы мать еще хотя разъ въ недѣлю отпускала меня къ нему.

Вотъ горькое начало моего печальнаго отрочества, и за нимъ слѣдовало 20 лѣтъ крѣпостной тяготы.

III.

Поступленіе мое въ школу стараго рутиннаго образца.—Наружное описаніе ея.—Учитель и ученики.—Занятія мои и другихъ учениковъ.—Первыя книги.—Дѣтскіе рисунки мои.—Вліяніе мое среди учениковъ.—Работы въ огородѣ.—Похвала и подарокъ управляющаго и наша съ матерью радость.—Разставанія съ отцомъ и его послѣднія отношенія къ намъ.

На другой день мнѣ нужно было, согласно приказанія управляющаго, идти въ школу. Мать боялась не исполнить его приказанія и какъ меня ни убѣждала, я самъ

не хотѣлъ идти и такимъ образомъ принуждена была вести сама. При входѣ въ школу, которая представляла длинную комнату на кирпичномъ полу, изрытомъ ямами, загаженную до безобразія, я увидѣлъ поставленные во всю длину столы и передъ ними на скамейкахъ сидѣло около 20 учениковъ. По комнатѣ съ костылемъ ходилъ какой-то хромой человѣкъ лѣтъ тридцати, къ тому-же онъ былъ страшно косъ. Вся обстановка школы и самый учитель такъ запечатлѣлись въ моей памяти, что я въ 76 лѣтъ, какъ будто-бы вчера ее видѣлъ. Учитель, когда-то, по тогдашнему бывшій хорошимъ писаремъ въ конторѣ, какъ оказалось послѣ, на охотѣ простудился и ему свело одну ногу и при болѣзни отъ простуды скосило глаза. Вообще онъ для меня, кажется, по случаю подарковъ матери, оказался очень добрымъ и аттестовалъ меня всегда съ хорошей стороны.

Первые два ученика по букварю учили буквы такъ: азъ-буки-вѣди—и т. д. и они должны выучить и запомнить въ день четыре, или пять буквъ; вторые три, или четыре ученика учили склады:—буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва, третьи упражнялись складами въ три, или четыре буквы напр.: буки-арцы-азъ-бра и т. д.; двое, или трое читали славянскій букварь; двое читало часословъ, человѣка четыре псалтырь. Каждый изъ нихъ долженъ былъ выучить страницу или двѣ и порядочно къ вечеру прочитать; двое писали на аспидныхъ доскахъ цифры, для изученія которыхъ должны подрядъ написать до десятка тысячъ, или каждо-дневно двѣ—три тысячи знаковъ; человѣка два писали на бумагѣ съ прописей по крупному. По какой то большой гражданской азбукѣ, которую я, къ сожалѣнію, не сохранилъ, и послѣ до новыхъ азбукъ нигдѣ не встрѣчалъ, отецъ выучилъ незамѣтно для меня порядочно читать.

Мать спросила учителя, что-же онъ будетъ дѣлать, когда онъ порядочно читаетъ.

— Да знаетъ-ли онъ читать часословъ, или псалтырь? посмотримъ—сказалъ учитель.

По славянски я очень плохо читалъ, а потому меня посадили читать часословъ, задавъ на первый день двѣ страницы. Я скоро ихъ преодолѣлъ, а уже чрезъ нѣсколько дней порядочно читалъ и по славянски. Опять оказалось нечего дѣлать, такъ-какъ систему цифръ я тоже зналъ и послѣ двухъ—трехъ дней могъ писать и выговаривать до милліона, т. е. до 7 знаковъ.

— Ну—братъ, я уже не знаю, что съ тобою дѣлать, ты все знаешь, а чего не знаешь, то быстро заучиваешь, и, указывая на учениковъ, говорилъ:—не такъ, какъ эти оболтусы.

— Да что-же мнѣ дѣлать? спрашиваю я.

— Помогай мнѣ, указывая ученикамъ, а у меня есть своя книжка: „Житіе Алексѣя человѣка Божьяго," читай ее.

Это для меня было высшимъ наслажденіемъ и я эту книгу, отпечатанную по-славянски, прочиталъ подрядъ раза четыре.

Потомъ учитель досталъ изъ церкви для меня „Исторію Іосифа Прекраснаго", этою книгою я зачитывался и какъ онѣ обѣ написаны были по-славянски, я этимъ вмѣстѣ выучился и хорошо читать по-церковному, какъ тогда говорили. Учитель сказалъ матери, чтобы она купила мнѣ на базарѣ какихъ нибудь книгъ.

На первомъ базарѣ, по неимѣнію другихъ, куплены были сказки: „Бова Королевичъ", Еруслanъ Лазаревичъ" и „Илья Муромецъ". Я ихъ быстро проглотилъ и удержалъ въ памяти ихъ содержаніе даже до сего времени.

По заведеннымъ порядкамъ и по моей молодости мнѣ не давали писать, жалѣя бумаги, грифилей и аспидной доски, и такимъ образомъ у меня все таки оставалось много времени. Чтобы пополнить это время я началъ брать въ школу имѣющіяся у меня дѣтскія краски и цвѣтные карандаши и отъ нечего дѣлать кое-что началъ марать ими. Въ углу школы стоялъ образъ Св. Николая Чудотворца; я началъ списывать съ него копіи, и, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ и изорванныхъ мною ко-

пій, наконецъ мнѣ удалось написать что-то похоже на образъ св. Николая.

Потомъ я рисовалъ коней, подражая находящимся на оберткѣ сказки.

Это удивило не только товарищей, но и самого учителя. Всѣ товарищи ученики просили написать имъ по какой нибудь картинкѣ. Это отчасти льстило моему самолюбію, а отчасти приносило матеріальную пользу, получаемую натурою: ученики начали носить мнѣ яйца и сдобныя пышки. Тогда-же подъ какимъ либо деревомъ на лугу я прочитывалъ ученикамъ какую-либо сказку, или разсказывалъ изъ памяти: житіе Алексѣя Божьяго человѣка, Іосифа Прекраснаго, или какую нибудь сказку.

Чрезъ все это я сдѣлался между большинствомъ учениковъ авторитетомъ. Они завидовали мнѣ и начали ревностнѣе учиться: я болѣе старательнымъ не только указывалъ, но и училъ по моей большой азбукѣ по граждански. Учитель, а главное родители были довольны моимъ вліяніемъ на товарищей, всегда въ праздники посылали ко мнѣ дѣтей, а меня всегда угощали самымъ лучшимъ, что имѣли.

Когда мы начали съ матерью обрабатывать, данный намъ клочекъ земли подъ огородъ, нѣкоторые изъ учениковъ помогали намъ.

Прозвищами, данными ими мнѣ прежде „желтоколенецъ“, „сухія голенища“ преслѣдовали меня только большіе ученики изъ зависти. Такіе-то нѣсколько учениковъ большихъ и плохихъ меня часто преслѣдовали, а иногда по прежнему давали подзатыльники; но за это имъ жестоко доставалось отъ учителя и отъ моихъ товарищей малышей.

Мать, видя мои успѣхи, говорила: вотъ видишь, Богъ не оставляетъ тебя за то, что ты усердно молишься ему и слушаешь меня; ты теперь между учениками занимаешь первое мѣсто. Такъ будетъ и въ дальнѣйшей жизни и мнѣ легче будетъ переносить горе, а можетъ быть, ты на старости будешь мнѣ помощникъ и кормилецъ.

Но надеждѣ этой, какъ увидимъ ниже, не удалось осуществиться. Вѣроятно, учитель сказалъ объ моихъ успѣхахъ и хорошемъ вліяніи на учениковъ управляющему и онъ какъ-то заглянулъ въ школу, и прежде всего заставилъ меня читать, и я, не смотря на страхъ, охватывающій меня, всегда при видѣ его, почти бѣгло прочиталъ по граждански, какъ тогда говорили, и по церковному (по славянскому часослову).

Управляющій погладилъ меня по головѣ, похвалилъ, прибавивъ: онъ слыхалъ, что я усердно посѣщаю церковь а потому буду архіереемъ, далъ мнѣ гривенникъ.

Радости моей и матери не было границъ. Съ тѣхъ поръ за мною осталось прозвище „архирея“. Въ устахъ моихъ товарищей прозвище архирея обратилось въ бранное слово съ прибавленіемъ сухихъ, немазанныхъ, такъ-какъ я былъ худъ и тонокъ.

Разсказавъ о первыхъ шагахъ моихъ въ школѣ, я пропустилъ сказать о томъ, какъ я разстался съ отцомъ.

Я послѣ перваго посѣщенія былъ у него еще раза три или четыре. Меня возилъ къ нему по ночамъ мужъ моей сестры берейторъ, вѣроятно по просьбѣ матери, или по его добротѣ. Хотя дѣйствительно онъ былъ добрый человѣкъ, но онъ все таки, когда привозилъ меня, получалъ отъ отца подарки деньгами и вещами.

При всякомъ свиданіи съ нимъ онъ разспрашивалъ меня о всемъ, утиралъ текущія по щекамъ слезы; но въ послѣднее свиданіе онъ по прежнему горько плакалъ, а я въ буквальномъ смыслѣ ревѣлъ. Ни подарки его, ни конфекты, ничто меня не утѣшало. При выѣздѣ его я не былъ: мать сказала мнѣ на третій день послѣ послѣдняго свиданія, что отецъ уѣхалъ въ Москву. Оттуда онъ мамѣ писалъ часто и присылалъ небольшія деньги; потомъ письма приходили рѣже, а посылки совсѣмъ прекратились.

IV.

Наша жизнь, какъ обыкновенныхъ дворовыхъ.—Помощь трехъ женщинъ, прежнихъ слугъ матери.—Покупка коровы и постройка хлѣва.—Огородъ.—Ласковый поступокъ жены управляющаго.—Жажда чтенія, для удовлетворенія ея исполняю обязанности пономаря.—Подарокъ священной исторіи сосѣднимъ помѣщикомъ. Безчеловѣчное наказаніе ученика и его брата конторщика за незначительныя проступки.

Такимъ образомъ началась наша жизнь съ матерью, какъ обыкновенныхъ дворовыхъ, третьимъ семействомъ въ третьемъ углу избы. Мать должна была, подобно прочимъ нашимъ сожильцамъ, цѣлую третью недѣлю рубить дрова, топить печку, щипать изъ осиновыхъ, распаренныхъ въ печи, кряжковъ лучину, свѣтить ее въ деревянномъ поставцѣ съ тремя желѣзными въ видѣ вилъ держаками.

Если-бы не три вышеупомянутыя женщины, пособившія намъ при первомъ переѣздѣ въ нашъ уголъ, и моя няня Павловна, не помогали матери, то, конечно, она не могла-бы выдержать всей этой тяготы. Онѣ—эти женщины—запечатлѣлись въ моей памяти и я храню до сего времени отрадныя воспоминанія о нихъ и буду говорить еще, какъ о добрыхъ феяхъ.

Продовольствіе мы получали наравнѣ со всѣми дворовыми: намъ обоимъ выдавали по 2 п. муки ржаной, по 1 п. крупы и по 1 р. денегъ въ мѣсяцъ. Сначала мы были лишены и молока: своей коровы не было. Корову мать могла купить, но ни помѣщенія, ни корма для нея не было. Въ то время былъ бурмистромъ какой-то дальній родственникъ матери, любимецъ бывшаго управляющаго, моего отца, и за умъ, и за расторопность пользующагося расположеніемъ и теперешняго. Онъ выпросилъ для необходимыхъ построекъ хворосту, кольевъ и другого лѣса. Нанятыми людьми былъ выстроенъ довольно просторный плетневый хлѣвъ для коровы, и корма и такая-же маленькая постройка для кладовой, въ срединѣ которой былъ вырытъ погребъ.

По сдѣланіи этихъ построекъ была матерью куплена корова и намъ былъ, по милости того-же бурмистра, отве-

денъ довольно просторный огородъ на хорошемъ мѣстѣ, въ который изъ выше лежащаго пруда по канавкѣ могла для поливки протекать вода, и отведенъ среди другихъ дворовыхъ участокъ для сѣнокоса; такимъ образомъ мы имѣли все, что имѣли дворовые.

Такъ-какъ дворовыхъ женщинъ у Волконскихъ ни на какія работы не употребляли, то мать моя исключительно занялась мною. Я же по прежнему ходилъ въ школу, въ которой положительно мнѣ учиться было нечему и меня всего захватила жажда чтенія.

Однажды меня пожелала видѣть жена управляющаго, барыня небольшого роста, красавица лицомъ: она была казачка православная, а мужъ, управляющій—лютеранинъ. Кажется, она была несчастлива въ замужествѣ съ человѣкомъ жестокимъ и почти извергомъ. Ссоры и крики ихъ были слышны за стѣнами дома.

Явившись къ ней прямо изъ школы и получивъ изъ рукъ ея книгу „Англійскаго Милорда“ съ приказаніемъ прочитать указанное мѣсто. При чтеніи она глядѣла на меня съ удивленіемъ и участіемъ, разспрашивала объ нашей жизни, одарила разными сладостями и тихонько всунула мнѣ въ руки рубль съ крестомъ, шепнувши на ухо: купи себѣ книгъ, я слыхала, что ты охотникъ читать.

Получивъ книгу и, увидавъ у себя первый разъ въ рукахъ рубль съ крестомъ, я отъ радости, ничего не помня, кинулся ей въ ноги. Радости моей не было границъ: я бѣжалъ къ моей матери, не чувствуя земли подъ собою. Мать была не менѣе моего рада, сказала, что этотъ полученный тобою первый рубль долженъ бы быть сохраненнымъ на память, а потому на него не было куплено книгъ, но я его не видѣлъ больше, вѣрно онъ былъ употребленъ на нужды, а ихъ было такъ много.

Чтобы пользоваться книгами изъ церковной библіотеки, кстати скажу щедро снабженной Волконскими, я началъ прислуживать во время служенія въ алтарѣ: подавалъ кадило, выходилъ со свѣчами и т. п. Въ церкви Св. Софіи я исполнялъ какъ-бы обязанности пономаря. Въ эту церковь ѣздилъ сосѣдній помѣщикъ Андрей Пав-

ловичъ Кулябко, становившійся всегда въ алтарѣ. Съ отцомъ онъ былъ знакомъ: мы часто бывали у него въ домѣ.

Однажды по окончаніи службы онъ спрашиваетъ меня:

— Кто назначилъ тебя на должность пономаря?

Я отвѣтилъ ему,— самъ началъ служить, даже просилъ объ этомъ батюшку для того, чтобы онъ позволилъ мнѣ пользоваться книгами изъ церковной библіотеки.

— Развѣ ты такой большой охотникъ читать и много читаешь?

— Хотѣлъ-бы читать да нечего, вотъ я и беру житіе святыхъ изъ церковной библіотеки и другія книги.

Андрей Павловичъ записалъ что-то карандашомъ въ своей небольшой памятной книжкѣ.

Чрезъ нѣсколько времени онъ пріѣхалъ опять въ церковь.

Читались только часы и онъ вызвалъ меня изъ алтаря на клиросъ и здѣсь развернулъ большую книгу оказавшуюся „Священною Исторіею въ лицахъ“.

— Это вотъ тебѣ, читай на долго хватитъ.

Взглянувъ бѣгло на картинки и на объемъ книги, я замеръ отъ радости. Онъ не допустилъ меня бухнуться въ ноги и я тогда началъ цѣловать его въ руки, слезы капали изъ моихъ глазъ, онъ утеръ ихъ своимъ платкомъ и сказалъ кое-что въ утѣшеніе, но я отъ радости его не понялъ.

Я эту съ виду большую книгу кажется окончилъ въ недѣлю. Въ каждой статьѣ, или повѣствованіи о священномъ событіи находились ссылки на библію и тутъ у меня явилось страшное желаніе увидать и почитать библію; но я не скоро могъ удовлетворить своего любопытства. Книгу священной исторіи я быстро прочиталъ. Учитель тоже первый разъ увидавшій ее, заинтересовался ею и тоже читалъ съ увлеченіемъ.

Мальчикамъ ученикамъ, ко мнѣ расположеннымъ, я долженъ былъ въ школѣ, съ дозволенія учителя, прочитывать ее. Только ученики большіе по возрасту, плохіе по успѣхамъ, дурные по поведенію, большею частію ма-

менькины сынки, относились ко мнѣ враждебно, на каждомъ шагу преслѣдуя меня прозвищемъ „архиредки“ и гдѣ нибудь въ углу задавали мнѣ затрещины. Но когда увидавъ это, мои приверженцы, большею частію малюки бросались на нихъ скопомъ, какъ стая борзыхъ собакъ и колотили ихъ чѣмъ попало: завязывался кулачный бой, кончавшійся кровопролитіемъ, т. е. разбитіемъ мордъ, носа и т. п.

Въ это-же время случилось слѣдующее прискорбное происшествіе.

Дорога изъ школы къ нашей избѣ, или скорѣй къ углу, шла между двумя большими господскими садами, огороженными частоколомъ. Послѣ дождя по дорогѣ была грязь. По одной дорогѣ со мною ходили два-три школьника и между нами одинъ большой шалунъ, прозванный Иваномъ Бураномъ. Я не замѣтилъ его, но вдругъ сзади получилъ такой сильный толчекъ въ шею, что шея затрещала, въ глазахъ кружки заходили и я полетѣлъ лицомъ въ грязь. Обидчикъ побѣжалъ такъ, что пока я всталъ его и слѣдъ простылъ. Но въ это время въ саду была барыня, жена управляющаго; она вышла изъ сада, приказала своей дѣвушкѣ меня немного очистить и спросила, кто это меня ударилъ. Я сказалъ, что это братъ конторщика Полубояринова. Ступай умойся, а я скажу мужу.

Къ вечеру вошелъ въ школу самъ управляющій и за нимъ два человѣка несли пучки березовыхъ розогъ. У всего училища и учителя душа ушла въ пятки. Съ грознымъ видомъ онъ взошелъ въ школу, никому ничего не говоря, закричалъ своимъ громовымъ голосомъ:

— Полубояриновъ Иванъ выходи сюда; онъ вышелъ, а управляющій говоритъ пришедшимъ съ нимъ людямъ:

— Положите его на скамейку и держите. Обращаясь къ виновному онъ прибавилъ, что ты вѣрно надѣялся на брата своего конторщика и на твою мать избаловавшую тебя. Нѣтъ братъ у меня потачки не будетъ, за что ты ударилъ Кабештова на дорогѣ? Въ училищѣ объ этомъ никто не зналъ, такъ-какъ я не привыкъ гоняться за толчкомъ. Положили бѣднаго Полубояринова

(Ивана Бурана) на скамью, одинъ изъ пришедшихъ держалъ его голову, а другой за ноги; управляющій приказалъ учителю изъ свопхъ рукъ дать 50 ударовъ, прибавляя, да смотри горячихъ, а то я тебя разложу.

Выйдя изъ училища, онъ сѣлъ на лавочку у открытаго окна и спдѣлъ, пока продолжалось наказаніе. Я буквально трепеталъ въ это время какъ осиновый листъ и не знаю, какъ удержался отъ слезъ и реву. Боже мой! Что я въ эти минуты передумалъ: вѣдь и меня, какъ дворового мальчика, могутъ также наказать. Лучше-бы Буранъ меня избилъ, какъ зналъ, лишь-бы не видѣть такого наказанія. Нѣтъ, думалъ я, не буду шалить, лучше молиться Богу, вѣрить и надѣяться на него, навѣрно Богъ помплуетъ.

Великое дѣло надежда: пначе хоть руки на себя накладывай.

Послѣ наказанія опять управляющій входитъ въ училище и какъ-бы въ утѣшеніе говоритъ:

— Ты надѣялся на братца конторщика и на мать. Знай-же, чтобы сбавить съ васъ фонаберію и брату скоро достанется.

И именно скоро досталось и брату.

Управляющій купилъ въ Саратовѣ домъ, который одною стороною главнымъ фасадомъ выходилъ на лучшую Нѣмецкую улицу, а другою на Грошевую, гдѣ ютились дома терпимости и другіе притоны. На первое время конторщикъ Полубояриновъ, адресуя письмо въ Саратовъ Его В. Б. В. Ѳ. Зернихаузину, написалъ на конвертѣ вмѣсто Нѣмецкой—на Грошевой улицѣ. И этого было довольно!

Возвращается г. Зернихаузинъ изъ Саратова и конторщикъ франтъ съ хохломъ на головѣ въ модномъ сюртукѣ, сынъ бывшаго управляющаго изъ крѣпостныхъ, былъ наказанъ розгами какъ и самый обыкновенный смертный. Какъ велико было наказаніе, сказать не могу, но думаю, что оно было не легко, такъ-какъ съ легкимъ наказаніемъ по мнѣнію г. управляющаго не стоило марать рукъ.

Къ этому-же времени, т. е. къ пребыванію моему, втеченіе двухъ съ чѣмъ то лѣтъ въ упомянутой школѣ относится и слѣдующее трагическое событіе.

V.

Зернихаузинъ, по счастливой случайности, спасшійся отъ убійства его крѣпостнымъ человѣкомъ.—Его непонятный и эксцентричный поступокъ съ человѣкомъ умышлявшимъ лишить его жизни.—Теченіе жизни послѣ этого событія и ловеласничество Зернихаузина.—Конскій заводъ чистокровныхъ саксонскихъ лошадей и его участь.

У Зернихаузина, какъ я сказалъ выше, были крѣпостные люди, взятые за женой. Одинъ изъ нихъ, извѣстный подъ именемъ Левушки, былъ поваромъ. Сынъ его Николай, который былъ посланъ два года назадъ на Пасху съ транспортомъ овса, недовезеннымъ до Саратова и возвращенный оттуда, какъ было описано выше, былъ наказанъ варварскимъ образомъ висячимъ на крестьянинѣ. А между тѣмъ этотъ Николай былъ гдѣ-то обученъ фельдшеромъ, а также и цырульническому мастерству, завѣдывалъ аптекою, собираемою Зернихаузинымъ изъ разныхъ травъ, настоекъ и перегнанными черезъ кубъ водами. Онъ, Николай вмѣстѣ былъ и личный камердинеръ Зернихаузина. Будучи красивъ лицомъ и строенъ, скоро забывалъ наказаніе, по прежнему одѣвался франтомъ.

Выпала для Николая какая то болѣе несчастная недѣля: Зернихаузинъ будучи не въ ладахъ съ супругою, золъ былъ болѣе обыкновеннаго, билъ его каждый день по нѣскольку разъ и раза два въ недѣлю отсылалъ на конюшню, для наказанія розгами. Вѣроятно отцу его Левушкѣ стало не втерпежъ жалко сына и когда Зернихаузинъ одинъ разъ пошелъ во второй этажъ, гдѣ были двѣ комнаты, занятыя аптекою, незамѣтнымъ образомъ пробрался туда же и Левушка съ сапожнымъ ножемъ подъ фартукомъ.

Зернихаузинъ въ то время былъ на балконѣ второго этажа. Левушка напалъ на него, предполагая отточеннымъ ножемъ, какъ онъ говорилъ послѣ, хватить его въ толстое брюхо. Зернихаузинъ вовремя успѣлъ рукою ухватить ножъ и началась борьба. Руки съ ножемъ поднялись выше головъ; кровь изъ руки Зернихаузина лилась на его лицо и платье. Левушка, видя что не достигаетъ цѣли зарѣзать, рѣшился спихнуть его со второго этажа на землю, но Зернихаузину, обладающему большою силою, къ тому-же посчастливилось задѣть ногою за балясину перилъ.

Во все время борьбы, маленькая собачка Зернихаузина отчаянно лаяла и кусала Левушку за голыя икры, такъ какъ на ногахъ у него были опорки.

Какъ отчаянный лай собаки, такъ и борьба и крикъ на балконѣ при свѣтѣ дня всполошили весь домъ. Балконъ, гдѣ происходила борьба, былъ противъ училища и чуть-ли не первый учитель выбѣжалъ изъ училища, закричавъ: „Караулъ, барина рѣжетъ на балконѣ Левушка.“

Нѣсколько человѣкъ вбѣжали на балконъ, связали Левушку, его отвели въ контору, на шею надѣли тяжелую колодку, а на ноги и руки кандалы и посадили на конюшнѣ въ каменный почти глухой съ большимъ замкомъ станокъ, гдѣ когда-то стоялъ дорогой, выписанный изъ-заграницы жеребецъ.

Пріѣзжали сосѣди помѣщики съ соболѣзнованіями и поздравленіями по случаю избавленія Зернихаузина отъ явной опасности; но полагаю скорѣе изъ любопытства, такъ какъ г. Зернихаузинъ не пользовался ни чьимъ сочувствіемъ. Онъ благодарилъ за поздравленія; но о событіи хранилъ глубокое молчаніе.

Предупредительный и усердный исправникъ пріѣхалъ даже съ двумя полицейскими, чтобы арестовать Левушку и посадить въ острогъ.

Зернихаузинъ поблагодарилъ исправника, но отдѣлался отъ него также молчаніемъ о подробностяхъ опасности грозившей ему. Всѣ удивлялись этому; заключеніе Левушки продолжалось около трехъ недѣль. Всѣ предполагали,

что Зернихаузинъ леча порѣзанную руку, придумываетъ какую либо особую ему кару: думали, что онъ безъ суда накажетъ его до полусмерти и потомъ сошлетъ въ Сибирь.

Но вышло иначе, странное и непонятное явленіе. Зернихаузинъ велѣлъ вымыть все бѣлье облитое кровью во время борьбы съ Левушкою, запечатать его въ особый ящикъ и написать на немъ: „положить меня въ гробъ въ этомъ бѣльѣ.“

Левушка, конечно, былъ наказанъ больно, но, сравнительно, не такъ жестоко, какъ сынъ его возвратившійся изъ посылки съ транспортомъ овса недовезеннаго до Саратова. Послѣ наказанія Левушки Зернихаузинъ отпустилъ его на оброкъ.

Года черезъ два Левушка опять служилъ у него поваромъ. Сынъ его Николай вскорѣ былъ женатъ на хорошенькой дворовой дѣвушкѣ и поселенъ на квартирѣ внѣ дома, исполняя по прежнему свои обязанности личнаго камердинера и аптекаря, а обязанности горничной исполняла жена его.

Жена-же управляющаго начала жить болѣе въ Саратовѣ и пріѣзжала весною всего мѣсяца на два, а иногда и на три.

Тогда я ничего не соображалъ, но послѣ, вспоминая эти событія думаю, что во всѣхъ ихъ играла ревность управляющаго къ женѣ и красавцу камердинеру Николаю. Послѣ женитьбы Николая и отъѣзда жены управляющаго почти для постояннаго жительства въ Саратовѣ, ему улыбнулась лучшая жизнь: побои уменьшились, хотя все таки доставалось, стали перепадать подарки и онъ часто командировался въ дальнія поѣздки съ выгодными порученіями. По словамъ служащихъ, нѣкоторымъ улучшеніямъ жизни Николай обязанъ молодой миловидной женѣ своей Наташѣ простенькой, даже глуповатой. За нею усердно приволокнулся Зернихаузинъ и говорили, что она волею, или неволею отдалась ему. Да и не могло быть иначе. Конечно эти незначительныя событія я описываю не по собственнымъ убѣжденіямъ, для которыхъ я былъ молодъ, а по разговорамъ слышаннымъ мною въ то

время и послѣ они уже возобновились въ моей памяти, а болѣе для того, чтобы охарактеризовать жизнь тогдашнихъ управляющихъ и дворни.

Къ тому-же времени относится другое событіе.

Въ этомъ имѣніи когда-то былъ большой конскій заводъ, основанный, какъ сказано выше, въ двадцатыхъ годахъ братомъ княгини Волконской, С. Г. Волконскимъ (декабристомъ.) Для него было выстроено громадное зданіе, частію каменное, частію деревянное съ манежомъ, теплыми конюшнями и другими постройками. Къ описываемому мною времени заводъ сократился, полагаю, чуть-ли не уменьшился вдвое. Хотя я помню, что когда мнѣ было около 15 лѣтъ и я занимался въ конторѣ, то и тогда еще висѣло на стѣнѣ въ рамкѣ за стекломъ распоряженіе въ родѣ слѣдующаго. „Ни какой другой крови кромѣ саксонской въ заводъ не допускать ни подъ какимъ видомъ. Лучшихъ лошадей каждогодно отправлять въ Петербургъ.“

Подписано распоряженіе было такъ: „Князь Сергѣй Волконскій.“

VI.

Большое количество праздной дворни, въ особенности женщинъ.—Отдача дворовыхъ дѣвицъ въ Саратовъ на фабрику, горькая жизнь ихъ на фабрикѣ и возвращеніе.—Развращеніе ихъ на фабрикѣ и распространеніе его въ дворнѣ и въ сосѣднихъ имѣніяхъ.

Не смотря на значительное сокращеніе завода, служащихъ при немъ не уменьшали. Мужчинъ,—большихъ конюховъ иногда назначали въ лѣсничіе, садовники, дворники и т. п., но все таки вообще дворня была очень велика и праздна. Сколько помню было около 10 избъ, въ каждой изъ нихъ по три семейства дворовыхъ. Дворовыя женщины не употреблялись ни на какія работы, на нихъ не накидывалось никакихъ уроковъ пряжи, тканья или вязанья, какъ у другихъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Брались только по двѣ въ недѣлю въ домъ

управляющаго для стирки бѣлья и на кухню. Такъ-какъ ихъ было много, то очередь приходилась чрезъ нѣсколько недѣль.

Праздность была почти что абсолютная. Управляющій обратилъ на это вниманіе и порѣшилъ съ согласія, или безъ согласія главной Петербургской конторы, около 28 душъ взрослыхъ дѣвушекъ и бездѣтныхъ вдовъ отправить въ Саратовъ, на сарпинскую и суконную фабрику, какого то нѣмца, фамилію котораго не помню.

Въ числѣ ихъ была красавица Анюта, сирота безъ матери 16 лѣтъ. Она была любимица моей матери и почти каждый день училась у меня грамотѣ, заслушиваясь моего чтенія, лаская меня, помогала моей матери по огороду и дому; я ее любилъ, какъ сестру. Фабричныя условія были слѣдующія: пища, одежда и обувь фабриканта, плата деньгами по 2 р. въ мѣсяцъ изъ конхъ $1^1/_2$ р. поступало въ контору имѣнія какъ оброкъ, а 50 к. отдавались на руки, въ будущемъ обѣщана прибавка

При проводахъ ихъ поднялся такой плачъ и ревъ, какъ-будто-бы ихъ отправляли на смерть и я горько и много плакалъ по хорошенькой Анютѣ.

Дѣйствительно, если отправленныя женщины не всѣ перемерли, то были обречены на нравственную смерть. Ихъ одѣли въ пестрядинные сарафаны, грубыя рубашки и тяжелые большаки, называемые котами.

Работа была тяжелая, не менѣе 14 часовъ въ сутки, содержаніе скудное. Но самое главное никакого присмотра за поведеніемъ ихъ не было, а потому не болѣе, какъ въ $1^1/_2$ года почти буквально всѣ развратились: одна бѣжала съ татариномъ въ Казань, откуда была возвращена чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ этапнымъ порядкомъ беременною, другая судилась за скрытіе плода, но была оправдана, третья съ опасною болѣзнею лежала въ больницѣ.

Года чрезъ два съ половиною, какой-то молодой петербургскій господинъ изъ любопытства, или по порученію осматривалъ фабрику и узнавъ, что почти всѣ молодыя работницы женщины были изъ крѣпостныхъ, отданныхъ туда, или самими господами, или управляющими.

Этотъ господинъ узнавъ отъ нихъ объ невыносимо-горькомъ ихъ житьѣ и бытьѣ, о тиранническихъ наказаніяхъ нѣмецкими приставниками, о развратѣ.

При чемъ онъ узналъ, что среди этихъ несчастныхъ есть и крѣпостныя дѣвушки свѣтлѣйшей княгини С. Г. Волконской.

Разсказы этого господина объ отвратительномъ положеніи фабричныхъ рабочихъ достигли до ушей княгини С. Г. Волконской, или графа Перовскаго, тогда кажется уже министра удѣловъ. Онъ сообщилъ объ этомъ управляющему Саратовскою удѣльною конторою, сколько помню генералу Свѣчину.

Тотъ провѣрилъ сообщеніе объ положеніи дѣвушекъ на фабрикѣ, донесъ въ Петербургъ и оттуда послѣдовало распоряженіе возвратить всѣхъ дѣвушекъ и вдовъ въ родное село.

Изъ 28 душъ возвратились, кажется, только 22: двѣ померли, нѣсколько было въ безъизвѣстной отлучкѣ, одна лежала въ больницѣ и т. д.

Послѣ возвращенія въ свои дома вся дворня ликовала, но не къ добру: изъ нихъ только двѣ вышли замужъ. Веселилась и пѣла только одна Анюта, какъ пташка вырвавшаяся изъ неволи, а остальныя внесли развратъ. въ болѣе или менѣе патріархальную жизнь не смотря на праздность сравнительно почти не развращенную до сего дворню.

Любимица наша Анюта, развившись и обратясь въ совершенную красавицу, попала въ услуженіе семейству нѣмца фабриканта и возвратилась неразвращенною, но она не миновала рукъ Зернихаузина. Она послѣ возвращенія была взята горничною въ домъ управляющаго. Тамошняя прекрасная весна была во всемъ своемъ уборѣ: все цвѣло, благоухало и пѣло, и тутъ сколько помню въ день Вознесенія часа въ два послѣ обѣда мы съ матерью сидѣли въ своемъ плетневомъ чуланчикѣ, куда выходили на все лѣто, прибѣжала Анюта трепещущая, вся въ слезахъ, упавъ на колѣни, уткнулась въ платье матери и навзрыдъ рыдала.

Мать подняла ея лицо спрашивая: „Что съ тобою Анюта?“

— Пропала я, тетенька, совсѣмъ пропала!

— Да что съ тобою разскажи?

— Погибла я, погибла, боюсь разсказывать, ты меня прогонишь!

Мать начала догадываться, цѣлуя ее въ голову съ глубокимъ участіемъ и говоря: „говори, дитя мое, все разскажи,“ она и безъ словъ совершенно поняла, что съ нею случилось, выслала меня изъ чуланчика, но я подслушивалъ у дверей, и Анюта горько плача разсказала:

— Злодѣй—Зернихаузинъ не отпустилъ меня къ обѣднѣ, но за то услалъ тихо отъ меня всѣхъ въ церковь. Когда я послѣ уборки чего то оглянулась и онъ, извергъ—злодѣй, стоялъ сзади меня, глядя такими страшными глазами. Я испугавшись закричала хотѣла убѣжать, но онъ ухватилъ меня и совершилъ..... Послѣ чего всунулъ мнѣ въ руку какія то деньги, но я швырнула ихъ на полъ и стремглавъ побѣжала въ садъ, а оттуда въ рощу и упавъ сколько пролежала тамъ не помню.

Мать упала на колѣни передъ образомъ и, заливаясь слезами, пропзнесла:

— Милосердный Боже и Пресвятая Владычица не оставьте ее въ жизни!

И, дѣйствительно, Анюта была счастливою въ жизни, вскорѣ выйдя замужъ за садовника, питомца воспитательнаго дома, присланнаго изъ Петербурга. Она была вѣрною женою, хорошей хозяйкою и образцовой матерью.

Сосѣдніе мелкіе помѣщики, корнеты, подпоручики и служащіе изъ сосѣднихъ большихъ имѣній, приказчики, конторщики и пр. обзавелись въ этой несчастной дворнѣ любовницами, начались гульни, пьянства, появились не законорожденныя дѣти. Изъ всѣхъ незаконорожденныхъ дѣтей только одного взялъ отецъ помѣщикъ и, обучивъ его, сдѣлалъ порядочнымъ человѣкомъ. Всякій примѣръ заразителенъ, но въ особенности дурной; молодыя дѣвушки только-что развившіяся и вдовы не бывшія на фабрикѣ, тоже пустились въ развратъ, начался разладъ въ семей-

ствахъ: жены измѣняли мужьямъ, мужья били ихъ до полусмерти. Управляющій, будучи самъ сладострастнымъ развратникомъ, и какъ-бы въ отмщеніе за то, что взяли съ фабрики дѣвушекъ, вопреки его распоряженію, смотрѣлъ на это сквозь пальцы:

— Взяли дескать съ фабрики и теперь кормите этихъ дармоѣдовъ и любуйтесь поголовнымъ развратомъ.

Самый, такъ сказать, разгаръ разврата я видѣлъ, когда мнѣ было тринадцать лѣтъ. Въ это время я уже сознательно присматривался къ этому страшному разврату и узналъ о причинахъ его

VII.

Дальнѣйшая наша жизнь съ матерью.—Четыре женщины наши хранительницы изъ прежней прислуги.—Моя няня Павловна.—Отношенія къ намъ другихъ дворовыхъ.

До сего времени я говорилъ о личныхъ впечатлѣніяхъ моей школьной жизни и о постороннихъ выдающихся событіяхъ оставшихся въ моей памяти. Теперь долженъ сказать объ нашей общей съ матерью жизни.

Какъ въ эти первые два съ половиною года круто измѣнившіе нашу хорошую жизнь, на невыразимо тяжелую, такъ и въ дальнѣйшее время до четырнадцатилѣтняго моего возраста. Жизнь наша была по прежнему тяжелая и мы къ ней сначала съ трудомъ привыкали, а потомъ, такъ сказать, втянулись въ нее. Въ первыя же тяжелыя минуты, постигшаго насъ горя, облегчали наше несчастье четыре женщины; онѣ и въ остальное время были нашими утѣшительницами, или скорѣе святыми хранительницами, а потому и оставили въ моей памяти глубокій неизгладимый слѣдъ благодарности. До сего времени имена ихъ для меня священны и теперь поминаю ихъ въ моихъ грѣшныхъ молитвахъ.

Первая изъ нихъ была моя няня Авдотья Павловна, прозванная Кирсанихой, по мужу Кирсанфу, когда-то быв-

шему въ Петербургѣ кондитеромъ, сама же А. П. была прачкою. Послѣ смерти мужа Авдотья Павловна (мы и всѣ другіе ее называли Павловной) не имѣвшая дѣтей была отправлена изъ Петербурга въ Саратовское имѣніе, гдѣ въ видѣ пенсіи назначили ей 1 1/2 пуда муки ржаной, 30 ф. крупъ и 1 р. въ мѣсяцъ жалованья. Она нянчила, или лучше ходила за мною до шестилѣтняго возраста. Не имѣя своихъ дѣтей, умершихъ въ юности, любовь ея ко мнѣ была безгранична и я къ ней привязался до того, что любилъ ее, какъ мать. Прибытіе новаго управляющаго и быстрая перемѣна въ нашей жизни разлучила насъ, но разлучила не окончательно. Управляющій далъ ей уголъ въ небольшой избушкѣ вмѣстѣ съ другою старухою, бывшею горничною еще у старыхъ Волконскихъ. Павловна сама несчастная и старая явилась первою утѣшительницею моей матери и меня.

Я каждый день долженъ былъ ходить въ школу, но учиться въ ней было нечему и я полюбилъ чтеніе предавшись ему безраздѣльно. Няня прдолжала ухаживать за мною и далѣе. Все—что она доставала, какъ нибудь: напр. книгу, яйцо, яблоко, пряникъ — приносила мнѣ. Моя дружба съ нею не прекращалась до самой ея смерти.

Я будучи уже восемнадцати лѣтъ и получая нѣкорыя средства, чтобы не огорчить ея, являлся къ ней каждое воскресенье и праздникъ. Она больше сидѣла на печи и я долженъ былъ влѣзать туда и цѣловать ее. Радости ея не было границъ. Мнѣ-же долженъ сказать откровенно не всегда пріятно было это дѣлать, — во первыхъ потому, что мои товарищи смѣялись надъ этимъ, во вторыхъ потому, что она нюхая табакъ не всегда чисто держала себя. Но я, не смотря ни на что, свято исполнялъ эти обязанности. Она говорила, что когда-либо въ праздникъ не приду къ ней, то она всю ночь не спитъ и на другой день нездорова. Въ послѣднее время на моей обязанности лежало доставлять ей нюхательный табакъ и дешевые носовые платки.

Вторая женщина была не молодая солдатка Соломонида Петровна, служившая у отца кухаркою и помогав-

шая матери по хозяйству. У нея была своя небольшая усадьба во дворѣ у брата.

Соломонида Петровна приходила къ матери почти каждую недѣлю и была у насъ дня по два, по три, помогая матери въ хозяйствѣ: мыла бѣлье, полола на огородѣ и т. п. Но она мнѣ принесла много пользы въ моей дальнѣйшей жизни, послѣ смерти моей матери она была ангеломъ хранителемъ. Я быть можетъ о ней скажу въ своемъ мѣстѣ еще.

Третьей нашей утѣшительницею была старушка попадья, моя крестная мать, къ которой мы заходили съ матерью каждое воскресенье послѣ обѣда чай пить. У нея только разъ въ недѣлю по воскресеньямъ ставился самоваръ, подарокъ моего отца. Въ каждомъ затруднительномъ случаѣ въ нашей жизни мать обращалась за совѣтомъ къ ней; онѣ видѣлись раза два въ недѣлю. Кромѣ совѣтовъ она помогала намъ въ особенности съѣстными припасами: сытниками, одаривала яблоками и медомъ, такъ-какъ у нихъ былъ хорошій садъ и порядочный пчельникъ, туда я имѣлъ безпрепятственный входъ. Въ ихъ семействѣ я послѣ находилъ отраду, а отъ дѣтей и внучатъ ея учившихся въ семинаріи почерпалъ первыя начала Закона Божьяго и грамматики. Быть можетъ я опишу ниже жизнь тогдашняго духовенства и семинаристовъ.

Четвертая женщина, будучи горничной у отца и матери, не оставлявшая насъ, была молодая солдатка вдова, изъ мѣщанъ. Послѣ смерти мужа у ней была усадьба съ садикомъ и огородомъ и двѣ три десятины земли. Эта усадьба была отъ нашей квартиры въ верстахъ трехъ, а потому она большую часть времени проводила у насъ: обшивала и обмывала насъ и своимъ веселымъ нравомъ не давала матери тосковать, а со мною играла, какъ равная по лѣтамъ до упаду. Я-же лично послѣ постигшаго меня несчастья очень часто находилъ отраду въ ея чистенькой горенкѣ и небольшомъ саду.

Вотъ эти четыре женщины были нашими феями и утѣшительницами въ нашей горькой жизни: Три изъ нихъ были прежде прислугами у матери, какъ хозяйки и

экономки довольно сложнаго хозяйства. Изъ этого я заключаю, что во время нашей счастливой жизни мать была хороша съ ними. Какъ-же относились къ намъ дворовые и остальные служащіе этой громадной дворни?

Сколько помню кровныхъ обидъ намъ не было, хотя въ мать женщины изъ лучшей такъ сказать части дворни, т. е. жены высшихъ служащихъ, приказчиковъ, конюховъ, лѣсничихъ и т. п., пускали шпильки за глаза, а иногда и въ глаза. Но она выносила терпѣливо, хотя не могла не возмущаться подобными поступками. Ко мнѣ-же, кромѣ выше упомянутаго семейства Полубояриновыхъ, почти всѣ относились хорошо, и можно сказать, что большинство меня любило. Конечно наша жизнь окружена была многими лишеніями, но мать, по присущему ей терпѣнію, и виду не показывала, что намъ нелегко живется. Я-же видя ее всегда покойной, по юности и по усиленному занятію чтеніемъ, то же не помню большихъ лишеній. Съ учителемъ былъ на самой короткой ногѣ

Я полагаю, что на меня не посѣтуютъ читатели, что я такъ много написалъ о четырехъ простыхъ женщинахъ, но онѣ играли очень важную роль въ моей дальнѣйшей жизни.

VIII.

Перемѣна училища.—Новый учитель мой.—Педагогическія познанія его и система ученія; наказанія учениковъ въ особенности въ базарные дни.—Его семейная жизнь.—Скандальные поступки и перебранки съ супругою.—Ученіе чичеру (цифрамъ) торговца.—Посторонніе работы учениковъ.—Мои успѣхи.—Конецъ ученія.

Года чрезъ два съ половиною произошла въ моей жизни перемѣна, не скажу важная, такъ-какъ изъ слѣдующей жизни ничего въ особенности полезнаго я не вынесъ, хотя и поступилъ къ частному учителю у коего училось нѣсколько мальчиковъ—учениковъ постороннихъ и изъ нашей дворни, болѣе зажиточныхъ родителей. Мать,

видя, что въ посѣщаемой мною школѣ мнѣ болѣе учиться нечему и я напрасно трачу время, рѣшилась пойти къ управляющему и попросить у него дозволенія взять изъ общей школы и опредѣлить въ частную, къ Василію Назаровичу Постникову. Управляющій одобрилъ ея намѣреніе прибавивъ, что у новаго учителя я выучусь немногому, развѣ ариѳметикѣ, такъ-какъ Постниковъ въ ней кое-что мараковалъ, а при стараніи можно выучиться хорошо писать.

Мой второй учитель В. Н. Постниковъ, былъ когда то дворецкимъ при московскомъ домѣ Волконскихъ. За что онъ былъ лишенъ этого званія я не добился, хотя полагаю, что за любовь къ Бахусу, которому онъ частенько таки поклонялся и теперь. Но онъ лишился мѣста, вѣроятно, не съ позоромъ, — ему выстроили избу съ двумя отдѣленіями, съ дворикомъ и дали при ней огородъ, на которомъ при помощи учениковъ развелъ садикъ. Педагогическія его познанія были очень ограниченны; каллиграфически онъ писалъ сносно и отъ насъ добивался этого, но правописанія и въ зубъ не зналъ, такъ, напримѣръ, въ началѣ каждой страницы заставлялъ насъ писать прописныя буквы, объ знакахъ препинанія и помину не было: различія между буквами е и ѣ никто не зналъ и не слыхалъ ни слова. Ученіе это было самое примитивное: преподаваніе мы должны были писать по двѣ страницы въ день сначала крупными буквами, потомъ средними и наконецъ мелкими; далѣе мы учили сокращенный катихизисъ въ зубрячку, небольшими уроками и должны были заучивать нѣкоторыя стихотворенія напр. оду Державина „Богъ“ и при постороннихъ посѣтителяхъ читать ихъ, что чаще выпадало на мою долю. Болѣе всего удѣлялось времени на ариѳметику и упражненіе на обыкновенныхъ счетахъ, а еще болѣе на работу на его огородѣ, на сборъ ягодъ въ окружающихъ господскихъ рощахъ и лѣсахъ. Будучи незлымъ по природѣ, но тѣмъ не менѣе на разныя наказанія былъ нескупъ, въ особенности, по базарнымъ днямъ, бывшимъ въ понедѣльники, съ кото-

рыхъ онъ возвращался всегда выпивши, а иногда и вполнѣ пьянымъ, а по вторникамъ на похмелье.

Въ эти дни наказанія шли безъ разбора, такъ себѣ для того, чтобы показать себя и сорвать злобу на комъ-нибудь вмѣсто своей благовѣрной Лукерьи Ѳедоровны. Съ нею чуть не каждую недѣлю по понедѣльникамъ и вторникамъ были страшныя перепалки, хотя никогда недоходившія до рукопашной, и я это думаю потому, что супруга была моложе его лѣтами и представляла изъ себя внушительную фигуру. Но во время этихъ ссоръ они чистили другъ друга такими площадными словами, что вспоминая ихъ и теперь краснѣешь. Онъ пересчитывалъ ей московскихъ и здѣшнихъ обожателей, съ достойными эпитетами, называя поименно и, кажется, насчитывалъ ихъ до десятка, она съ своей стороны высчитывала ему его измѣны, прибавляя къ его возлюбленнымъ, такія нелестныя наименованія, что онъ со злобы плевалъ, и принимался за насъ. И тогда многимъ изъ насъ, замѣченнымъ въ нерадѣніи къ ученію и въ особенности въ лѣни при работахъ на огородѣ, или при сборѣ ягодъ, при которыхъ онъ самъ присутствовалъ и такъ себѣ, не за здорово живешь, доставалось жестоко.

Тутъ шло въ дѣло и розги и таскания за волосы, и за уши, и постановка на колѣни на гречиху, или горохъ. Болѣе другихъ доставалось тѣмъ, которые жили у него такъ сказать, на правахъ пансіонеровъ И я, какъ исключеніе, былъ наказанъ только два раза: разъ поставилъ меня на колѣни на гречиху, а второй разъ досталось вмѣстѣ съ его сыномъ: мы сидѣли рядомъ и дѣлали какую-то задачу изъ ариѳметики, а она что-то у насъ не ладилась. Онъ взялъ меня за правое ухо и високъ, а своего сына за лѣвое—и началъ ожесточенно стучать насъ головами, такъ-что у меня заложило лѣвое ухо и я думалъ, что оглохну на всю жизнь. Вмѣстѣ съ нами училась дочь учителя Настя, почти невѣста. Хотя въ самый сильный разгаръ словесной битвы родителей она уходила или мать ее выталкивала на дворъ даже зимою, но всетаки она слышала и знала имена всѣхъ обожа-

телей матери и возлюбленныхъ отца со всѣми прилагательными. Но все таки Постниковъ былъ лучшій учитель въ окрестности. Для иллюстраціи тогдашнихъ нравовъ и объясненій, при коихъ, иногда смѣшныхъ и не желательныхъ случаяхъ, намъ, ученикамъ приходилось присутствовать.

Въ одинъ изъ базарныхъ понедѣльниковъ подвыпившій учитель нашъ приводитъ съ собой крестьянина, мелкаго торговца барашками, поросятами, птицею и пр. и покупателя тряпья, шкуръ и другихъ отбросовъ. По тамошнему такіе торговцы именовались „тарханами.“

Вошелъ торговецъ какъ слѣдуетъ помолился Богу, поздоровался съ хозяйкою за руку, какъ знакомый поставщикъ нѣкоторыхъ необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ.

Она спросила его за чѣмъ онъ пожаловалъ.

—Да вотъ Лукерья Ѳедоровна хочу, выучиться чичеру, (цифрамъ). По печатному кое-что читать и записывать маракую, а чичеры не знаю, а для торговли это необходимо. Василій Назаровичъ въ два базарныхъ дня обязался выучить цифрамъ.

Пока онъ разговаривалъ съ хозяйкою, учитель положилъ на столъ аспидную доску и грифель, усадилъ торговца къ столу и началось обученіе: пиши первое вотъ такъ, проводи палочку, какъ колъ, и баста, такъ-такъ, молодецъ! Пиши теперь вторую, но съ нею долго мучились и все таки это кое-какъ было написано. Перешли къ третьему знаку, тутъ уже совсѣмъ плохо ладилось и третье не выходило что-то. Учитель началъ раздражаться, а у торговца, вѣроятно, отъ страха, или отъ выпитаго—замутилось въ глазахъ и тряслись руки.

Ну—говоритъ учитель, безтолковый болванъ, пиши четвертое, а къ третьему возвратимся послѣ. Но изъ четвертаго, сколько ни бились ученикъ и учитель, ничего не выходило. Въ крайнемъ раздраженіи схватилъ учитель линейку и началъ наносить торговцу побои по рукамъ, которыя онъ не успѣлъ спрятать и потомъ по чемъ попало; до того пока линейка неполомалась. Наконецъ учитель, про-

износя самыя площадныя слова, съ ожесточеніемъ вытолкалъ его за дверь. Вслѣдъ за торговцемъ вышелъ и крестьянинъ, пришедшій съ нимъ пользоваться ученіемъ чичера и на дворѣ говоритъ ему:

— Эхъ Аѳанасъ—Аеанасъ, какъ ты глупъ въ такихъ лѣтахъ, выпивши вздумалъ учиться чичеру. Вотъ тебѣ и чичеръ.

Постоявъ Аѳанасій нѣсколько времени на дворѣ, оправивъ растрепавшіеся волосы, Аѳанасій отворилъ дверь, просунулъ туда голову и жалобно произнесъ:

— Выкиньте мой кафтанишко и шапку.

— А что самъ неидешь взять?

— Да боюсь Василій Назарыча.

— Развѣ я медвѣдь что-ли, что ты боишься, эко не видѣлъ, на базарахъ тебя небось не такъ колотятъ, иди и возьми.

— Вошелъ Аѳанасъ и увидѣвъ, что у Василія Назаровича прошелъ гнѣвъ, говоритъ:

— Хоть-бы выпить теперь съ горя, не поставишь-ли Василій Назаровичъ косушку за мой полуштофъ, что мы выпили вмѣстѣ, за ученье.

Василій Назаровичъ, чувствуя за собою вину, говоритъ:

— Хорошія рѣчи хорошо и слушать, и это можно и нужно исполнить.

И сейчасъ-же командируется одинъ изъ учениковъ за полштофомъ. Послѣ того тамъ въ другой комнатѣ, куда принесенъ полштофъ зеленаго вина, была приготовлена закуска,—хлѣбъ и огурцы, началось примиреніе, окончившееся обниманіемъ и цѣлованіемъ. О заключеніи мира больше всѣхъ хлопотала Лукерья Ѳедоровна, любившая тоже выпить. Когда ей подносили, то она всегда говорила: —вы пейте сами, тогда миритесь хорошенько, и сама тутъ-же выпивала. А ты, Аѳанасій Петровичъ приходи послѣ: онъ тебя выучитъ непремѣнно.

Нѣтъ ужъ, Лукерья, Ѳедоровна, не приду самъ и дѣткамъ закажу; я думалъ это просто, а то вотъ какъ трудно: до трехъ не

дошелъ, а по шеѣ то Василій Назаровичъ урѣзалъ рубомъ линейки и теперь шеи не повернешь.

Вотъ какой рубецъ,—посмотри-ко!

IX.

Несчастный случай съ моимъ учителемъ прекратившій мое ученіе во второмъ училищѣ.—Полгода послѣ окончанія ученія у Постникова учусь шитью сапогъ.—Новое варварское наказаніе Зернихаузиномъ берейтора.—Чудачество Зернихаузина.

При такомъ положеніи я провелъ въ ученіи у Василія Назаровича слишкомъ два года, выучился хорошо писать, усвоилъ почеркъ учителя и, кажется, одинъ только я хорошо зналъ четыре правила ариѳметики, простыя и десятичныя дроби, выучилъ и переписалъ изъ разныхъ книгъ множество статей и стихотвореній; писалъ разнымъ постороннимъ лицамъ письма, получая за это гонораръ натурою: яйцами, яблоками, коржами, а кое-кто платилъ и деньгами по 3—5 к. за письмо.

Но болѣе всего былъ занятъ чтеніемъ библіи, которою учитель, по усиленной моей просьбѣ, дозволялъ мнѣ пользоваться и, по моему усмотрѣнію даже брать на домъ. Отдавая ее, онъ повторялъ, что молодъ для этого и ничего въ ней не пойму. Дѣйствительно, я изъ нея ничего не извлекъ; прочитавъ отъ доски до доски. Но тѣмъ не менѣе при помощи священной исторіи съ картинками, подаренной мнѣ А. П. Кулябко, я кое-какія, болѣе важныя событія изъ библейской исторіи о происшествіяхъ и лицахъ, сдѣлавшихъ впечатлѣніе на мое воображеніе, усвоилъ и сохранилъ въ памяти до сего времени.

Мнѣ уже было около 11 лѣтъ, когда, послѣ пребыванія моего въ училищѣ Василія Назаровича Постникова двухъ слишкомъ лѣтъ, ученіе прекратилось самымъ плачевнымъ образомъ для моего учителя и его семейства.

У Василія Назаровича было три сына и одна дочь.

Старшій сынъ оставался въ главной конторѣ въ Петербургѣ и, говорятъ, былъ на хорошемъ счету, но, пріѣхавъ къ родителямъ на свиданіе, онъ женился, не спросясь Петербургскаго начальства, а потому туда болѣе не возвращался; будучи оставленъ въ здѣшней конторѣ конторщикомъ, вскорѣ померъ. Дочь Настя, некрасивая дѣвушка, наслушавшаяся разныхъ сценъ во время ссоръ родителей, была выдана замужъ за небогатаго торговца. Второй сынъ, Филиппъ, по его желанію былъ отданъ въ Саратовъ для изученія серебрянаго дѣла и рѣзьбы. Усвоивъ хорошо это ремесло, онъ отошелъ отъ хозяина и гдѣ-то пропадалъ около года.

Объ участи третьяго сына, Василія, моего ровесника, послѣ нижеописаннаго погрома, мнѣ ничего неизвѣстно. Послѣ годовой безъизвѣстной отлучки Филиппъ возвратился къ родителямъ зимою въ дорогой шубѣ и изящномъ костюмѣ, со многими ящиками, по его словамъ наполненными будто-бы подарками для отца, матери, сестры и брата.

Испросивъ дозволеніе, подъ одну крышу съ домомъ отца построилъ себѣ отдѣльный небольшой флигель, открылъ въ немъ мастерскую.

Первымъ дѣломъ въ этой мастерской была сдѣлана отличная печать для тамошней вотчинной конторы, принесенная въ даръ ей. Онъ проживалъ въ своемъ флигелькѣ положительно уединенно по нѣсколько недѣль, потомъ уѣзжалъ будто-бы на работы или искать заказовъ у богатыхъ помѣщиковъ и возвращался все болѣе и болѣе въ шикарной одеждѣ и съ подарками. Наконецъ, завелъ себѣ пару лошадей, экипажъ и сани. Лошадей и экипажи онъ держалъ въ сосѣднемъ селѣ у богатаго казеннаго крестьянина, торгующаго гуртами овецъ, пригоняя ихъ со степей изъ-за Волги. Лошадей доставляли къ его флигельку въ назначенное имъ время и онъ уѣзжалъ на нихъ подъ предлогомъ сдачи работы иногда на очень долгое время.

Однажды, сколько помню, на второй недѣлѣ великаго поста, отговѣвшись на первой недѣлѣ, Филиппъ съ чемо-

данами и ящиками на своихъ лошадяхъ куда-то уѣхалъ. Четыре или пять мѣсяцевъ о немъ небыло ни слуха, ни духа.

Флигелекъ былъ запертъ, окна затворены и даже не отапливался. Настала великолѣпная весна: десятки соловьевъ пѣли на перебой, деревья зеленѣли, сады цвѣли и все ликовало. Двѣ рощи, окружавшія усадьбы, управительскій домъ, контору и дворовыя постройки, были расположены на полугорѣ; внизу протекала рѣчка „Пяша," близъ которой шла дорога.

Всѣ служащіе въ одинъ праздничный или воскресный день, не помню, видятъ, что по этой дорогѣ во всю прыть ѣдутъ нѣсколько экипажей и простыхъ возовъ парами и тройками съ уѣздными чиновниками; на возахъ сидятъ гарнизонные и инвалидные солдаты, но безъ ружей.

Поровнявшись съ усадьбою, всѣ подводы и сидящіе на нихъ круто съ дороги поворачиваютъ въ усадьбу. Прежде всего солдаты плотно оцѣпили домикъ съ флигелькомъ нашего учителя, потомъ контору и домъ управляющаго, далѣе всѣ усадьбы дворовыхъ и служащихъ. Всѣ оцѣпенѣли отъ страха, въ особенности когда изъ одного экипажа высадили Филиппа Васильевича въ кандалахъ и арестантскомъ халатѣ, по-верхъ котораго, впрочемъ была накинута какая-то старая шинель.

Начался тщательный обыскъ единовременно въ домикѣ и флигелькѣ нашего учителя, потомъ въ конторѣ и домѣ управляющаго, а далѣе во всѣхъ домахъ служащихъ. Филиппъ Постниковъ самъ указалъ припечекъ въ его флигелькѣ, гдѣ у него вмазанными хранились всѣ машины и штальбы для выдѣлки полуимперіаловъ изъ серебра и позолота, которую онъ накладывалъ на серебряные полуимперіалы.

Въ кассѣ конторы, хранившейся у управляющаго, нашли только два фальшивыхъ полуимперіала.

Постниковъ, кажется изъ злобы или по другой причинѣ, показалъ, что будто-бы о поддѣлкѣ зналъ управляющій Зернихаузинъ и заинтересованъ былъ въ его дѣйствіяхъ. Впослѣдствіи это не оправдалось: полуимпе-

ріалы попали въ кассу конторы полученные за проданную старику Постникову корову; но всетаки Зернихаузинъ былъ болѣе или менѣе скомпрометированъ этимъ случаемъ, а также и тѣмъ, что на глазахъ его Постниковы начали жить широко, а Филиппъ представлялъ изъ себя барина, разъѣзжавшаго на тройкахъ и пропадалъ безъ вѣсти на нѣсколько недѣль, а иногда и мѣсяцевъ. Насъ, всѣхъ учениковъ, спросили—не знаемъ-ли мы что-либо о поддѣлкѣ денегъ, но мы всѣ единодушно и справедливо заявили, что изъ насъ никто ногою не былъ въ флигелькѣ, гдѣ жилъ Филиппъ Постниковъ.

Отца, мать и брата Постникова увезли и помѣстили въ острогъ.

Далѣе слышно было, что Филиппъ приговоренъ къ каторгѣ, отецъ и мать къ ссылкѣ въ Сибирь; меньшой сынъ, мой товарищъ по наукѣ, Василій, былъ оправданъ.

Такъ окончился второй періодъ моего ученія. Выше сказалъ, что въ этомъ періодѣ я выучился хорошо писать, ариѳметикѣ включительно съ десятичными дробями, заучилъ краткій катехизисъ и прочиталъ, кромѣ библіи, не мало разныхъ книгъ и наизусть затвердилъ множество стихотвореній и переписалъ ихъ, составивъ цѣлую тетрадь. Но изъ всего этого ясно, что и въ этотъ періодъ ученіе шло безъ всякой системы и порядка и не могло принести какой либо ощутительной пользы.

Съ полгода послѣ этого я пробылъ безъ всякаго учителя и наставника, по прежнему прислуживалъ въ алтарѣ, читалъ часы и на свободѣ всѣ попадающіяся книги безъ разбора. Но какія-бы то ни были книги отыскивать ихъ было трудно. Только церковная библіотека была почти въ моемъ распоряженіи; какъ теперь помню, я тамъ нашелъ и прочиталъ рѣчи знаменитаго Іерузалема, кажется Штутгардскаго проповѣдника, право хорошенько не помню, но изъ содержанія кое-что припоминаю. Онѣ начинаются словами:

„Есть-ли Богъ, или нѣтъ его, объ этомъ побесѣдуемъ“.

Но и въ церковной библіотекѣ уже не находилось книгъ для прочтенія и все Богослужебныя. Я безъ учи-

теля принялся за ариѳметику и чистописаніе, для послѣдняго часто не доставало бумаги.

Въ эти же полгода отъ нечего дѣлать я предположилъ у мѣстнаго сапожника выучиться сапожному мастерству, какъ болѣе сподручному и легкому. У доморощеннаго сапожника-мастера, къ коему я началъ ходить, сначала тачалъ голенища и т. п. легкія работы, такъ-что подъ руководствомъ мастера почти собственноручно сшилъ себѣ сапоги, но носить не могъ: на второй день я страшно натеръ себѣ щиколотки и мать подарила ихъ кому-то, выговаривая: „только деньги истратилъ безъ толку на покупку товара.“

При этомъ случаѣ я еще разъ позволю себѣ разсказать одну безчеловѣчную расправу Зернихаузина съ ученымъ берейторомъ коннаго завода, но крѣпостнымъ человѣкомъ, и—это для того, чтобы пояснить, какъ иногда у добрыхъ и гуманныхъ помѣщиковъ, каковы были Волконскіе, приходилось крѣпостнымъ переносить такія жестокія кары, кои едва-ли возможны теперь даже на каторгѣ.

Въ конномъ заводѣ Волконскихъ, о которомъ я говорилъ выше, родилась и выросла кобыла „Гренадерша“ статная и довольно красивая, ее цѣнили выше 500 руб., Эта кобыла не поддавалась никакой дрессировкѣ: ее даже не могли выѣздить верхомъ.

Постройки для завода были огромныя, съ многими отдѣленіями. Туда мы, дѣти чуть-ли не каждый праздникъ ходили отдѣльными выходами играть въ прятки; на эту нашу забаву и дежурные конюхи смотрѣли снисходительно.

На третій день Пасхи, когда мы играли тамъ, около полудня приходитъ на заводъ берейторъ Бундинъ съ помощникомъ, берутъ строптивую кобылу и ведутъ ее въ манежъ. Сначала ее ласкали, проводили, а потомъ садился верхомъ на нее помощникъ, но ничего не могъ сдѣлать: она подъ нимъ визжала отъ злобы и, несмотря ни на какія понужденія, или стояла на мѣстѣ, или сбивала чрезъ голову, или падала назадъ и на бокъ, грозя раздавить подъ собою всадника.

Берейторъ бѣсился, кричалъ на помощника и на кобылу и, будучи толстъ и силенъ, наносилъ кобылѣ страшные удары нагайкою. Потомъ самъ сѣлъ на нее верхомъ; но и съ нимъ она продѣлывала тѣ-же шутки, какъ и съ его помощникомъ.

Это привело берейтора въ такую страшную ярость, что онъ схватилъ дубовую задвижку изъ воротъ вершковъ до 2-хъ толщиною и ударилъ ею по головѣ между ушей; задвижка переломалась, кобыла тутъ-же растянулась на землѣ и, тряхнувъ ногами раза два, околѣла.

Этотъ поступокъ какъ-то сдѣлался извѣстнымъ управляющему, бывшему въ то время въ Саратовѣ. По возвращеніи оттуда начались разспросы и дознанія.

Насъ, мальчиковъ, игравшихъ во время этого происшествія въ прятки въ зданіяхъ завода, позвали какъ свидѣтелей.

Зернихаузинъ грозный и разъяренный прежде всѣхъ обратился съ вопросомъ ко мнѣ, зная меня съ хорошей стороны и за правдиваго. Я не посмѣлъ лгать и разсказалъ всю правду, другіе мальчики подтвердили мой разсказъ.

Бѣднаго берейтора раздѣли почти до нага, а такъ какъ онъ былъ очень тученъ, то повѣсили его на двухъ сильныхъ крестьянахъ, какъ прежде вѣшали проводника съ овсомъ; руками обогнули ихъ шеи и связали ихъ, ноги, стоявшія, впрочемъ, на полу, привязали къ ногамъ крестьянъ. Предъ крестьянами поставили садовую лѣстницу съ подставкою, за которую они должны были держаться, и началось звѣрское безчеловѣчное бичеваніе по бѣлому сытому тѣлу уже не розгами, а прутьями толщиною въ перо. Полетѣли въ пространство раздирающіе душу вопли, крики и стоны наказываемаго. Насъ, мальчиковъ, не отпустили и, кажется, управляющій желалъ, чтобы мы при этомъ присутствовали и знали грозу его. Но я первый не выдержалъ, пустился бѣжать куда глаза глядятъ, за мною побѣжали и другіе мальчики. Какъ далеко я ни бѣжалъ, но все таки крикъ наказываемаго меня преслѣдовалъ.

Когда я прибѣжалъ домой и уложенъ былъ въ постель — не помню.

За мною на другой день прислалъ управляющій, но я не могъ идти къ нему, такъ-какъ лежалъ въ бреду. Пролежалъ я въ горячкѣ около четырехъ недѣль, а въ это время Зернихаузинъ забылъ мой поступокъ невольнаго бѣгства.

Послѣ я слышалъ, что бѣднаго берейтора отнесли въ больницу на ряднѣ. Онъ, впрочемъ, выздоровѣлъ и послѣ этого былъ опять берейторомъ.

Можете судить, что послѣ такого униженія и оскорбленія, какимъ онъ долженъ быть берейторомъ и хозяиномъ завода? Человѣкъ, никогда не пившій, сталъ запивать и глядѣлъ на обязанности болѣе, нежели равнодушно и послѣ отъ запоя померъ.

Впрочемъ, Зернихаузинъ по какимъ то соображеніямъ чувствуя, что время управленія его приближается къ концу, началъ цѣлыми обозами отправлять въ Саратовскій домъ разный хлѣбъ, мебель, сдѣланную своими столярами и пр., и самъ началъ часто и по-долгу жить въ Саратовѣ. Всѣ и вся нѣсколько отдохнули.

Также рѣшаюсь еще описать нѣсколько чудачествъ Зернихаузина.

Онъ каждый вечеръ собиралъ къ себѣ лѣтомъ на крыльцо, а зимою въ переднюю бурмистра, старосту, конторщика и другихъ служащихъ, какъ бы для наряда.

Въ хорошемъ расположеніи клалъ руку на плечо бурмистра, начиналъ сквернословить и чревобѣсить, приговаривая: „начальники-градоначальники,“ потомъ слѣдовало съ десятокъ отвратительныхъ ругательствъ и въ заключеніе: „чтобы все было исправно, не то запорю.“

На работы онъ выѣзжалъ очень рѣдко, конторою не занимался, а только изъ лепестковъ розъ, ландышей и другихъ цвѣтовъ гналъ, чрезъ нарочно устроенный кубъ, разныя воды и ходилъ по саду, на огородѣ и на гумнѣ въ халатѣ. На гумнѣ онъ ложился на свѣжеобмолоченную солому, подзывалъ бабъ и разспрашивалъ ихъ о семейной жизни и всякій разговоръ кончалъ объ супружескихъ отношеніяхъ самымъ цинничнымъ образомъ.

И этотъ человѣкъ былъ терпимъ въ теченіи семи лѣтъ.

X.

Неудавшаяся постройка сахарнаго завода и большіе расходы, понесенные на этой неудачѣ—Отправка крестьянскихъ мальчиковъ для изученія сахароваренія.—Удаленіе Зернихаузина отъ управленія по случаю неудавшейся постройки завода—Новый управляющій Пурлевскій—Карьера и семейство его.—Его отношеніе къ матери и ко мнѣ.

Около этого времени произошли въ Софійскомъ имѣніи, въ которомъ мы жили, многія перемѣны, отразившіяся и на нашей жизни.

Графъ Бобринскій построилъ свеклосахарный заводъ въ своемъ имѣніи Смѣлѣ Кіевской губ. и получалъ съ него громадные доходы. Въ виду такихъ большихъ выгодъ началъ онъ пропагандировать въ Петербургѣ постройку сахарныхъ заводовъ въ среднихъ губерніяхъ въ томъ числѣ и Саратовской.

Прежде всѣхъ въ Саратовской губерніи, Сердобольскомъ уѣздѣ построилъ такой заводъ князь Юсуповъ. Построенный имъ заводъ отстоялъ отъ Софійскаго имѣнія Волконскихъ всего въ 8 верстахъ. Изъ Петербурга спросили управляющаго Зернихаузина—можетъ-ли быть построенъ и эксплуатируемъ съ выгодою сахарный заводъ въ Софійскомъ имѣніи? Онъ отвѣтилъ, что земля глубокій черноземъ, лѣса для постройки и на отопленіе завода въ изобиліи, что-то около 2000 десятинъ вѣкового бора и чуть-ли не больше чернаго лиственнаго и что близко отъ имѣнія такой-же заводъ въ имѣніи князя Юсупова почти построенъ и въ августѣ будущаго года будетъ пущенъ. Послѣ этого отвѣта, вѣроятно, условясь съ графомъ Бобринскимъ въ Петербургѣ, вскорѣ послали въ Смѣлу для обученія шесть мальчиковъ, изъ коихъ было грамотныхъ, окончившихъ вышеописанную школу, человѣка три, остальные изъ крестьянъ неграмотные въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ. Чуть-чуть я не попалъ въ число отправляемыхъ и только по возрасту и по слабому тѣлосложенію меня сбраковали.

Вскорѣ былъ присланъ планъ завода и по немъ начались приготовленія. Для пользованія водою завода начали дѣлать на оврагѣ дорогую плотину аршинъ въ 15 высоты и аршинъ 30 длины. Вверхъ по руслу къ плотинѣ били изъ горы изобильные ключи свѣжей, хрустальной воды, которая стекала къ плотинѣ и оттуда должна прямо идти на верхъ завода, предположеннаго къ постройкѣ. Ниже расчистили мѣсто для завода, принялись за изготовленіе кирпича нарубили и навозили лѣса для постройки завода.

Все это было сдѣлано за полгода, или болѣе—не помню до катастрофы семейства Постникова, а потому управляющій Зернихаузинъ поручилъ Постникову обратить на меня особое вниманіе, какъ на будущаго счетовода и конторщика по заводу.

Заводъ князя Юсупова, какъ я сказалъ выше, находился въ 8 верстахъ отъ предполагаемаго къ постройкѣ завода Волконскихъ; онъ послѣ двухъ-трехъ періодовъ сахароваренія показалъ, что не только отъ него нельзя ожидать никакого дохода, но онъ принесъ и будетъ приносить огромные убытки: то свекла, по климатическимъ условіямъ, а можетъ быть по неумѣнію ухода за ней, давала очень слабые урожаи, то не успѣвали вырыть ее до морозовъ, то выходы сахара были самые мизерные. По этимъ причинамъ на заводъ Юсупова былъ присланъ изъ Петербурга какой-то спеціалистъ, который приговорилъ заводъ къ окончательному уничтоженію. Этотъ спеціалистъ, кажется, по порученію изъ Петербурга посѣтилъ также начинающійся строиться заводъ у Волконскихъ въ Софійскомъ имѣніи и высказалъ тоже неблагопріятное заключеніе, дошедшее до г. Перовскаго, а можетъ быть и до Волконскихъ.

Они, по всему вѣроятно, сообщили объ этомъ графу Бобринскому въ Смѣлу и оттуда были высылаемы одинъ за другимъ два спеціалиста и оба пришли къ заключенію, доказывая возможность сѣять свеклу и съ пользою про-

изводить сахароваренiе. Не смотря на это, постройка завода всетаки была пріостановлена.

Въ это время положеніе самого управляющаго Зернихаузина сильно пошатнулось, какъ отъ слѣдствія произведеннаго надъ нимъ по дѣлу Постниковыхъ, а также по смѣлому заключенію о возможности быстрой постройки завода безъ надлежащаго разслѣдованія.

Вмѣстѣ съ посылкою мальчиковъ на заводъ графа Бобринскаго, на заводахъ Яхненко и Семиренко приготовили всѣ аппараты, машины, котлы и пр. до самой мелочи для завода и отправили ихъ въ сентябрѣ на подводахъ. Когда была сдѣлана эта отправка, пріѣхалъ въ Софійское имѣніе, долженствующій быть строителемъ и директоромъ завода, нѣкто Н. С. Пурлевскій, назначенный Волконскими.

Пурлевскій, будучи смѣтливымъ и основательнымъ человѣкомъ, до прибытія въ Софійское имѣніе, объѣхалъ много германскихъ сахарныхъ заводовъ и чуть-ли не всѣ юго-западные, а также и заводы въ Воронежской губерніи. На основаніи этихъ поѣздокъ и осмотровъ вывелъ заключеніе о невозможности выгодной постройки завода и все это изложилъ въ мастерскомъ докладѣ. Съ этимъ докладомъ онъ самъ поѣхалъ въ Петербургъ.

Мнѣ-же все это извѣстно потому, что годъ спустя послѣ событія съ Постниковыми, я былъ прикомандированъ въ контору и, имѣя порядочный почеркъ, переписывалъ весь докладъ Пурлевскаго набѣло. Зернихаузину отношеніе Пурлевскаго къ постройкѣ завода не могло быть пріятнымъ, и онъ тайно уѣхалъ въ Саратовъ въ свой домъ и оттуда болѣе не возвращался въ имѣніе, прикрываясь болѣзнею.

Зимою Пурлевскій возвратился изъ Петербурга въ Софійское имѣніе съ рѣшительнымъ распоряженіемъ, что заводъ не будетъ строиться. А такъ-какъ Зернихаузинъ отказался возвратиться изъ Саратова въ имѣніе, то Пурлевскій, вмѣсто директора завода, былъ назначенъ управляющимъ имѣніемъ.

Назначенный управляющій, вышеупомянутый Никита Степановичъ Пурлевскій, былъ изъ вольноотпущенныхъ Волконскихъ. Человѣкъ способный, владѣющій французскимъ языкомъ, онъ оказался сухимъ и одностороннимъ формалистомъ съ недобрымъ сердцемъ, но, дорожа мѣстомъ изъ трусости, не подвергалъ крестьянъ и служащихъ такимъ наказаніямъ, но зато наказывалъ часто, такъ напримѣръ—человѣка четыре въ недѣлю.

Пурлевскій имѣлъ мать вдову, полуслѣпую старушку, сестру Кичигина, жившую въ другомъ имѣніи Волконскихъ у дальнихъ родственниковъ на отпускаемыя ей средства сыномъ и вышеупомянутымъ Кичигинымъ. Конечно, по пріѣздѣ въ имѣніе, Пурлевскій мать и сестру взялъ къ себѣ. Она, мать управляющаго, живала въ счастливое время, когда моя мать считалась хозяйкою всего Софійскаго дома въ томъ-же имѣніи и была съ нею коротко знакома, и моя мать, по возможности, помогала ей. При пріѣздѣ Пурлевскаго, какъ управляющаго, мы съ матерью питали надежду, что положеніе наше значительно должно улучшиться. Оно и дѣйствительно улучшилось, но очень незначительно: насъ перевели въ другую квартиру, гдѣ жилъ одинъ старикъ со старухою и гдѣ въ сѣняхъ была довольно просторная холодная кладовая, служившая намъ въ лѣтнее время спальней и столовой. Мнѣ дозволивъ заниматься въ конторѣ, Пурлевскій иногда самъ училъ правописанію и указывалъ нѣкоторыя правила грамматики, съ которою я впервые познакомился. Онъ удивлялся моимъ успѣхамъ, а потому иногда тѣмъ охотнѣе со мною занимался. Дѣлалъ мнѣ незначительные подарки, назначилъ жалованье отдѣльно отъ матери по 1 р. въ мѣсяцъ. И прежнее очень горькое положеніе не доводило меня до потери энергіи, теперь-же я занимался въ конторѣ и чтеніемъ книгъ, которыя удѣлялъ мнѣ иногда Пурлевскій изъ его библіотеки; лѣтомъ помогалъ матери въ огородѣ и въ другихъ работахъ по дому, къ тому-же, любя природу, проводилъ большую часть времени въ окружающихъ лѣсахъ и рощахъ на берегу Хопра и его притокахъ; не предавался безполезному ро-

поту и жалобамъ на нашу горькую участь. Вѣроятно добрая мать моя, неся тяжелый крестъ, скрывала отъ меня свое горе.

Природа тамъ дѣйствительно была хороша: изобиліе лѣсовъ и въ нихъ разныхъ ягодъ, неисчислимое количество пернатыхъ, въ особенности соловьевъ, разносящихъ повсюду свои трели. Хоперъ изобиловалъ рыбою и я вскорѣ сдѣлался страстнымъ рыболовомъ и, находясь въ дружбѣ съ природою, я проводилъ среди нея много счастливыхъ минутъ. Къ тому же охранялъ отъ товарищей разрушеніе гнѣздъ разныхъ птицъ. Наша небольшая собачка дворняжка „Жучка“ была постоянно со мною и, послѣ матери и четырехъ женщинъ, о которыхъ я говорилъ выше, сдѣлалась мнѣ лучшимъ другомъ. Съ нею меня не только драчуны-товарищи, но никто не могъ обидѣть и подойти ко мнѣ было трудно: она бросалась съ ожесточеніемъ на каждаго, пока я ей не запрещалъ лаять, тогда она, поджавъ хвостъ, ложилась у моихъ ногъ.

Прикомандированный къ конторѣ, переписывая нѣкоторыя бумаги, уже считалъ себя небезполезнымъ человѣкомъ. Но всего лучше для насъ было, что новый управляющій, узнавъ мою любовь къ чтенію, повторяю, удѣлялъ мнѣ щедро книги изъ привезенной имъ, хотя не большой, но хорошо подобранной библіотеки, такъ напримѣръ: я въ одну весну прочиталъ всѣ 12 томовъ „Русской Исторіи Карамзина“, и на вопросы управляющаго изъ исторіи почти-что всегда отвѣчалъ удачно. Однако это относительно лучшее положеніе продолжалось не долго.

Въ іюнѣ 1841 г. мнѣ кончилось 13 лѣтъ. Въ августѣ этого года меня постигла страшная бѣда и невзгода, она была такимъ великимъ горемъ, о которомъ я и теперь, въ 78 лѣтъ, не могу безъ боли въ сердцѣ говорить, какъ по величинѣ потери, такъ и потому еще, что оно измѣнило всю мою жизнь и направило ее въ смрадный потокъ, окружавшей меня среды и чуть совсѣмъ не измѣнило моихъ религіозныхъ убѣжденій, поддерживавшихъ меня въ часы тоски и горя.

XI.

Самое тяжелое горе, постигшее меня—смерть моей матери. — Предсмертная молитва и надежда, что Богъ не лишитъ меня матери.—Поколебалась вѣра моя въ святое Провидѣніе.—Видѣніе, обратившее меня вновь къ вѣрѣ.—Моя утѣшительница.—Пріѣздъ сестры.—Начало моей новой жизни и неисполнившійся замыселъ мой бѣжать въ Петербургъ, прерванный отправкою въ Саратовъ.

Я, не имѣя въ себѣ силъ изложить связно горькое событіе постигшее меня, чувствуя себя не въ силахъ коснуться, хотя почти совсѣмъ зажившей раны, но всетаки при прикосновеніи къ ней чувствовалась боль, потому что послѣдствія ея, оставшагося безъ дорогой руководительницы, преслѣдуютъ меня и до сего времени, въ видѣ дурныхъ склонностей, коими я тогда заразился отъ окружавшей меня среды.

Свершилось: я лишился матери! она, не имѣя и 50 лѣтъ, поболѣвъ дней пять воспаленіемъ кишекъ, оставила меня совершенно одинокимъ, безъ пріюта, безъ руководителя, безъ наставника. Доктора въ деревенской глуши взять было негдѣ. Въ минуты близкія къ ея кончинѣ я вышелъ за постройки. Оттуда на горѣ виднѣлся храмъ; упавъ на колѣни, обращаясь съ горячею молитвою къ милосердному Богу и Его Пречистой Матери въ твердой надеждѣ, что молитва моя Ими будетъ услышана, если Богъ сказалъ, что для вѣрующаго будетъ все возможно и если по безпредѣльному милосердію Своему Сынъ Божій, изъ любви къ Маѳѣ и Маріи, воскресилъ брата ихъ Лазаря, то меня не лишитъ единственной моей поддержки въ жизни, матери. Послѣ молитвы съ твердою надеждою иду къ моей больной матери, а меня уже искали: мать хотѣла меня благословить образомъ. Я, взявъ ея руку и упавъ на колѣни, такъ и замеръ.

Она что-то мнѣ говорила, но я не помню ея словъ и не помню ничего,—какъ ее отпѣвали и погребали.

Мнѣ послѣ уже сказали, что вскорѣ послѣ смерти матери былъ управляющій и моя крестная мать, жена старика—священника. Они все описали и опечатали наши

ничтожные пожитки. Нашли у ней въ сундукѣ два империала съ запискою „на погребеніе“. Срядили ее и похоронили. Говорятъ я шелъ за ея гробомъ, не плакалъ и не произносилъ ни одного слова. Послѣ я на нѣкоторое время почти потерялъ вѣру въ святое Провидѣніе, вѣру въ мою утѣшительницу во многія горькія минуты жизни,— религію. Въ тяжкихъ нашихъ обстоятельствахъ мы съ матерью часто находили утѣшеніе и отраду только въ вѣрѣ въ Бога и въ надеждѣ на Него, не пропуская ни одного праздничнаго служенія въ деревенской церкви. И эта отрада исчезла вмѣстѣ съ дорогою матерью.

Послѣ смерти матери я не болѣлъ, но былъ въ какомъ то забытьѣ и оцѣпенѣніи, и лежалъ не вставая. Близь меня, не отходя, была одна изъ четырехъ женщинъ, — хранительница, о которыхъ я упоминалъ выше; двѣ, служившія у матери въ ея счастливое время, одна—моя няня Павловна и одна знакомая матери, которыя прежде, какъ сказалъ выше, добровольно были помощницами ея во время нашего горькаго житья. Онѣ и послѣ смерти ея были моими лучшими друзьями скорѣе хранительницами, и всѣмъ, чѣмъ могли, помогали мнѣ. Я и теперь въ моихъ грѣшныхъ молитвахъ не перестаю поминать ихъ.

Не помню въ какой день послѣ смерти дорогой моей мамы, днемъ лежу я, не знаю—заснулъ-ли, или былъ въ забытьѣ.

Никого около меня не было.

Вдругъ дверь, чуланчика отворяется и я вижу, что, не отходя отъ дверей остановилась моя мать. Я вскрикнулъ.

— Мама, дорогая мама: и всталъ, чтобы идти къ ней, но она мнѣ сказала.

— Не подходи ко мнѣ, ты вѣдь знаешь, что я не отъ міра сего, а пришла къ тебѣ сказать, чтобы ты вѣрилъ въ Бога по прежнему и молился ему такъ-же усердно, какъ и прежде, тогда мнѣ будетъ хорошо и ты окончательно не погибнешь, хотя тебя ожидаютъ много соблазновъ и нежелательныхъ прискорбныхъ приключеній.

Тутъ я первый разъ послѣ смерти матери заплакалъ горькими неутѣшными слезами и плакалъ долго, моля Бога взять меня къ себѣ или не оставить меня, и тутъ-же далъ слово, что ни къ чему въ жизни не буду привязываться и буду любить только ее навсегда.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ погребенія матери, пріѣхала ко мнѣ единственная сестра по матери, жившая съ мужемъ въ Саратовѣ. Ей отдали ключъ отъ нашихъ пожитковъ. Она вмѣстѣ съ моими геніями, четырьмя вышеупомянутыми женщинами, обшили меня, распорядились оставшимися скудными нашими пожитками, сходили нѣсколько разъ на могилу матери. Сестра сходила и къ управляющему, прося его не оставить меня, бѣднаго сироту. Сестрѣ обѣщали и дѣйствительно кое-что исполнили, и она недѣли черезъ двѣ уѣхала къ мужу въ Саратовъ. Она была не богата и мужъ ея служилъ приказчикомъ у купца, получая небольшое жалованье, слѣдовательно они не могли оказать мнѣ большой помощи. Отсюда началась моя новая, полная соблазна жизнь. Помѣстился я на продовольствіе у лѣсничаго, человѣка добраго, началъ еще усерднѣе изучать конторское дѣло и оно мнѣ давалось легко, но болѣе читалъ, и читалъ все, что попадалось, въ особенности изъ церковной библіотеки; съ увлеченіемъ прочиталъ проповѣди знаменитыхъ проповѣдниковъ, а также, „Бесѣды Іоанна Златоуста“, но понялъ конечно изъ нихъ не много.

Воспоминаніе о матери, грусть о ней старался поддерживать уединеніемъ въ свободное время въ рощахъ и лѣсахъ, окружающихъ усадьбу, съ какою либо книгою.

Такимъ образомъ протекло около года. Противъ желанія моего рѣзкая тоска по матери мало-по-малу стала переходить въ тихую грусть. Эту-то грусть я предполагалъ сохранить во всю жизнь до гробовой доски. Но время, какъ обыкновенно, взяло свое и грустныя минуты начали являться рѣже и рѣже, хотя я призывалъ и молился Богу объ удержаніи этой сладкой грусти.

Въ эти минуты пришла мысль, подражая Ломоносову, бѣжать въ Петербургъ и упасть въ ноги княгинѣ С. Г. Волконской, графу А. Е. Перовскому и моей сводной сестрѣ и просить ихъ опредѣлить меня въ какое-либо учебное заведеніе, но въ это время управляющій однажды спрашиваетъ меня—не желаю-ли я обучиться землемѣрію. Конечно я съ радостію изъявилъ согласіе. Оказалось, что въ Петербургѣ вспомнила обо мнѣ сводная сестра, Аграфена Яковлевна Кичигина. Управляющій написалъ ей и меня заставилъ написать безъ посторонней помощи письмо, какъ онъ говорилъ, для того, что бы показать мою каллиграфію и умѣніе излагать. Она попросила за меня графа А. А. Перовскаго, и изъ Петербурга было получено извѣстіе, что я долженъ ѣхать въ Саратовъ и тамъ поступить въ партію топографовъ практическимъ ученикомъ. Это было въ сентябрѣ 1847 года. Сестра изъ Петербурга прислала нѣсколько рублей управляющему для моего костюма и снаряженія. Сколько было прислано ею денегъ—я не знаю, но меня изъ пестрядной рубашки и синихъ портовъ, въ кои былъ одѣтъ, одѣли кое-какъ въ нѣсколько лучшее платье и отправили на одной лошади, давъ на дорогу три рубля. Управляющій сказалъ, что я могу обращаться къ нему письменно, но только въ крайней нуждѣ. Ясно, что тутъ были слѣды тоже попеченія моей сводной сестры.

Всего грустнѣе мнѣ было разставаться съ дорогою могилою моей матери. Все время, оставшееся до отъѣзда въ Саратовъ, я ежедневно посѣщалъ ея драгоцѣнную могилу, по цѣлымъ часамъ просиживалъ надъ нею, плакалъ и просилъ ея благословенія. Такъ же мнѣ глубоко было жаль моей собачки „Жучки.“ Возвратясь изъ Саратова, я не нашелъ ея и не могъ добиться ни отъ кого кто принялъ ее, сбѣжала-ли она, или околѣла.

XII.

Пріѣздъ въ Саратовъ и опредѣленіе въ партію топографовъ практическимъ ученикомъ.—Зимнія работы и отъѣздъ весною вмѣстѣ съ партіею на работы въ степь Малой Киргизской орды.—Болѣзнь тамъ.—Переводъ въ Сарепту и чудное исцѣленіе.—Возвращеніе въ Саратовъ.—Описаніе работъ и жизни въ партіи.

Въ Саратовъ я съ письмомъ явился къ управляющему удѣльною конторою, сколько помню генералу Свѣчину, который отправилъ меня съ чиновникомъ къ начальнику топографической партіи. Послѣдній поручилъ меня офицеру изъ партіи топографовъ Ушневскому. Подъ его руководствомъ я началъ изучать низшую геодезію, большею частію по книгѣ Бальтова. Изрѣдка, повѣряя меня, офицеръ былъ въ восторгѣ отъ моихъ успѣховъ.

Въ январѣ меня начали учить черченію, а въ концѣ марта мнѣ поручали небольшіе, легкіе чертежи и я ихъ исполнялъ успѣшно. Въ апрѣлѣ партія выступила въ Киргизъ-Кайсацкую степь Малой орды. Я былъ въ восторгѣ отъ только, что разливающейся весны и отъ безпредѣльной зеленой степи, но не долго мнѣ пришлось наслаждаться степью и поработать практически съ партіею. Я будучи отъ природы слабаго сложенія, по непривычкѣ къ климату и пищѣ, состоящей для насъ учениковъ и унтеръ-офицеровъ главнымъ образомъ изъ жареной баранины, похлебки и прѣснаго нѣмецкаго хлѣба, получаемаго изъ колоніи Сарепты,—въ началѣ іюня я заболѣлъ горячкою, которую теперь, вѣроятно, назвали-бы тифомъ, слегъ въ палаткѣ и на третій день ничего уже не понималъ. Очнулся я, вѣроятно, чрезъ восемь—девять дней въ бѣлой свѣтлой комнатѣ, гдѣ стояли двѣ кровати, а среди нихъ сидѣла въ сарпинковомъ платьѣ чистенькая старушка и вязала чулокъ. Это меня до того поразило, что я не зналъ, что и думать о такомъ превращеніи. Я началъ было разспрашивать, гдѣ я и какъ сюда попалъ, но старушка-сидѣлка закрыла мнѣ ротъ и говорила, что-то для меня непонятное. Больной, лежащій на кровати по дру-

гую сторону комнаты, тоже что-то говорилъ, но я ничего не понималъ. Это еще болѣе усилило мое удивленіе. Изъ всѣхъ словъ обоихъ я понялъ только одно слово „докторъ.“

Дѣйствительно, скоро на мое счастье пришелъ докторъ. Онъ, хотя на ломанномъ русскомъ нарѣчіи, растолковалъ мнѣ, что меня изъ степи отъ топографовъ привезли на лодкѣ люди, пріѣзжавшіе въ Сарепту за покупкою, и я по порученію начальника партіи былъ положенъ въ больницу. Докторъ прибавилъ, что онъ отчаявался въ моемъ выздоровленіи, глядя на мою слабую комплекцію, видитъ въ этомъ чудо. При томъ сказалъ, что послѣ выздоровленія меня отправятъ въ Саратовъ и тамъ я долженъ буду явиться въ удѣльную контору. Уходя, поручилъ старухѣ не дозволять мнѣ вставать, но если будетъ по прежнему идти выздоровленіе, то дня черезъ три можно будетъ выйти на воздухъ. Во всемъ этомъ я прежде всего видѣлъ чудо и горячо возблагодарилъ Бога и, вспомнивъ мать, со слезами предполагалъ, что чудо это свершилось чрезъ загробныя молитвы ея.

Потомъ я понялъ, что гдѣ-то есть заботливая рука, принимавшая во мнѣ участіе и это, какъ впослѣдствіи я узналъ, была опять моя сводная сестра Аграфена Яковлевна Кичигина, хлопотавшая за меня у графа Л. А. Перовскаго. Послѣ выздоровленія меня отправили по Волгѣ на баркѣ въ Саратовъ. Докторъ, провожая меня, сказалъ, что за леченіе мое заплатитъ удѣльная контора, и далъ мнѣ на дорогу одинъ рубль. Старушка-сидѣлка, узнавъ отъ доктора, что я круглый сирота, перемыла и перечинила все мое ничтожное бѣлье. Память объ этихъ добрыхъ людяхъ запечатлѣлась навсегда въ моемъ сердцѣ. Тутъ я нахожу не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о работахъ и жизни топографовъ въ степи. Они вставали очень рано, торопясь пили чай и что нибудь закусывали и такимъ образомъ не позже $4^1/_2$—5 часовъ утра приступали къ работѣ и около 10 часовъ оканчивали ее, спѣша укрыться отъ зноя. Обѣдали почти всегда въ 12 часовъ и отдыхали часа три, потомъ часа въ 4—5, когда жаръ немного спадалъ, опять при-

нимались за дѣло и продолжали работу сколько можно было успѣть до сумерокъ. Потомъ начинался ужинъ, состоящій большею частію изъ бараньяго мяса, риса и другихъ продуктовъ, пріобрѣтаемыхъ въ степи и въ Сарептѣ. Ужины были оживленны, такъ-какъ возліяніе Бахусу производилось въ исправности. Разныя воспоминанія и анекдоты лились рѣкою, но трудовой день и алкоголь настойчиво требовали покоя. Только изрѣдка по праздникамъ перекидывались въ картишки. Въ вечернее время пріѣзжали разные ханки и мурзы—смежные помѣщики земель и урочищъ и, жалуясь другъ на друга за захватъ ихъ владѣній, просили провести на картѣ черту въ желаемомъ имъ направленіи. Имъ всѣмъ обѣщали и отправляли къ казначею, который будто-бы долженъ былъ записать ихъ жалобу, но онъ большею частію угощалъ ихъ до отрыжки приготовленными имъ для этаго случая напитками и яствами, имъ дозволенными, и потомъ отворяли деревянный сундукъ, куда изъ мѣшка сыпались съ шумомъ серебряные рубли, а поутру по заказу казначея пригонялось нѣсколько барановъ; но несмотря на эти бакшиши, топографы продолжали дѣло согласно инструкціи и рѣдко уклонялись отъ правильнаго положенія на карты разныхъ владѣній. Такъ по крайней мѣрѣ я понималъ изъ ихъ разговоровъ.

По пріѣздѣ въ Саратовъ меня отправили въ канцелярію удѣльной конторы. Столоначальникъ конторы давалъ мнѣ кое-какія дѣла и приказалъ являться въ извѣстный часъ, гдѣ и поручалъ переписку, сначала незначительныхъ, а потомъ, найдя хорошій почеркъ и—болѣе важныхъ бумагъ, а также незначительныхъ чертежей. Чрезъ нѣсколько дней призвалъ меня въ кабинетъ управляющій конторою г. Свѣчинъ и говоритъ, что онъ справился о моемъ поведеніи и занятіяхъ у начальника топографической партіи и въ чертежной и получилъ очень хорошій отзывъ, но начальникъ сказалъ, что я по слабости здоровья не могу продолжать ученья въ топографахъ и что онъ, по распоряженію графа Л. А. Перовскаго,

отправитъ меня при случаѣ на родину въ Софійское имѣніе, а оттуда, вѣроятно, помѣстятъ меня къ землемѣру балашовскаго удѣльнаго приказа.

XIII.

Возвращеніе въ Софіевку.—Новый конторщикъ изъ Петербурга, его наружность и нравственныя качества.—Подпадаю подъ далеко непохвальное вліяніе конторщика.—Мое нравственное паденіе.—Дѣлаюсь контролеромъ отчетности и потомъ учителемъ дѣтей управляющаго.—Улучшеніе моего матеріальнаго положенія.—Управляющій Пурлевскій и его жена.

По возвращеніи на родину, гдѣ, встрѣтивъ управляющаго, былъ принятъ имъ ласково. Пріемъ такой меня удивилъ, но скоро явилось объясненіе этого пріема. Конторою управлялъ новый конторщикъ, присланный изъ Петербурга А. В. Ежовъ. Наружность его была далеко невзрачная: лицомъ онъ былъ рябой и некрасивый, но зато хорошо сложенный, будучи безусловно честнымъ, добрымъ, отзывчивымъ и веселымъ малымъ конторскую часть зналъ хорошо, но къ этому былъ, несмотря на 23—25 лѣтъ, вѣтреннымъ школьникомъ и страшнымъ женскимъ сердцеѣдомъ, за что, главнымъ образомъ, и былъ высланъ изъ Петербургской главной конторы.

Но это изгнаніе на него ничуть не подѣйствовало, а напротивъ усилило его волокитство за дворовыми дѣвицами и женщинами, какъ сказалъ выше, испорченными фабричною жизнію въ Саратовѣ. Невольно удѣляя довольно мѣста описанію конторщика, я сдѣлалъ это потому, что нравственность его пагубно вліяла и на мой, еще неиспорченный, нравственный обликъ.

Онъ принялъ меня радушно, помѣстилъ у матери, жившей въ томъ-же селеніи у брата его, лѣсничаго, у того самаго, у коего я жилъ прежде. За содержаніе мое выдавалось ему усиленное матеріальное продовольствіе, состоящее изъ ржаной муки, крупъ, пшена, сала или мас-

ла постнаго и рубль деньгами. Меня по прежнему прикомандировали къ конторѣ, гдѣ конторщикъ А. В. Ежовъ посвящалъ меня во всѣ правила конторы, хотя и немудреныя, но во многихъ отношеніяхъ полезныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь своимъ покровительствомъ, началъ посвящать меня и въ разгулъ, къ тому же и въ безнравственныя отношенія къ женщинамъ. Объ отправкѣ меня къ землемѣру въ Балашовскій удѣльный приказъ не было даже и помина, а самъ я объ этомъ тоже не напоминалъ. Мнѣ жилось физически сравнительно хорошо. Несмотря на мои молодые годы, при усердномъ содѣйствіи Ежова сталъ втягиваться въ веселую жизнь, которую велъ онъ съ большимъ мастерствомъ и даже цинизмомъ. Тутъ уже воспоминанія о матери стали посѣщать меня, къ моему сожалѣнію, рѣже и рѣже. Я негодовалъ на себя и молился; но жизнь брала свое, а Ежовъ, какъ демонъ искуситель, руководя мною, иногда противъ моего желанія, развращалъ меня болѣе и болѣе.

Меня не отправили въ Балашевъ, какъ сказалъ Свѣчинъ, и это произошло по личнымъ видамъ управляющаго Пурлевскаго. Чрезъ нѣсколько времени онъ объявилъ мнѣ, что я, согласно распоряженію изъ Петербурга, временно долженъ остаться въ Софійскомъ имѣніи и подготовляться подъ его руководствомъ, какъ хорошо знающаго конторскую часть. Ему поручили исправленіе формъ другихъ конторъ и контроль ихъ, въ чемъ я долженъ былъ помогать ему. Опять чрезъ нѣкоторое время Пурлевскій призываетъ меня и говоритъ: „я вижу, что ты хорошо изучилъ конторскую часть и контроль и можешь управлять конторою, а потому я оставляю тебя какъ помощника себѣ по контролю отчетности, присылаемой мнѣ для провѣрки изъ разныхъ имѣній въ видѣ вѣдомостей.“

Еще недѣли чрезъ двѣ Пурлевскій говоритъ мнѣ, что я необыкновенно быстро освоился съ провѣркою отчетности и дѣлаю очень удачныя замѣчанія на промахи и ошибки въ вѣдомостяхъ.

— Сколько, приблизительно, часовъ въ день занимаешься провѣркою? спросилъ онъ меня.

— Смотря по скопленію отчетности, самое большее часа четыре, а иногда и два, а потомъ помогаю въ конторѣ Ежову.

— Но у него есть теперь писарь притомъ и безъ того у него остается много времени на шалости и безобразія, въ которыя, кажется, и тебя посвящаетъ.

— Ты вотъ что, займись съ моими дѣтьми часа по 3—4 въ день первоначальнымъ обученіемъ, сначала азбуки, а потомъ и далѣе. Я тебѣ буду платить по 2 рубля въ мѣсяцъ. Дѣтей было трое: сыну около 8 лѣтъ, старшей дочери $6^1/_2$, а младшей около 5 лѣтъ. Послѣдняя никакъ не желала оставаться праздною и тоже начала часа по два учиться. Столоваться я началъ съ матерью Пурлевскаго и матерью его жены.

Пурлевскій былъ страшный скупяга, никому не дѣлалъ визитовъ и къ себѣ никого не принималъ, кромѣ оффиціальныхъ лицъ. Жена его, Марья Родіоновна, женщина высокая, сухая, вздорная, будучи тоже изъ вольноотпущенныхъ, разыгрывала изъ себя большую барыню и держала подъ башмакомъ своего благовѣрнаго. Я тутъ только и догадался почему меня не отправили къ землемѣру въ Балашевъ, но тѣмъ не менѣе мнѣ сравнительно жилось хорошо и меня окружили почетомъ всѣ служащіе, конечно потому, что я стоя такъ близко къ управляющему въ особенности къ супругѣ его, не сталъ-бы имъ передавать объ ихъ упущеніяхъ и разгулахъ. Но этого я не дѣлалъ, за что и былъ любимъ всѣми.

XIV.

Послѣ возвращенія изъ Саратова.—Опять женщины хранительницы.—Ежовъ демонъ соблазнитель.—Мое паденіе.

Но прежде, пока я дожилъ до такого сравнительнаго улучшенія моей жизни, я много перенесъ всякихъ невзгодъ, будучи круглымъ сиротою. Во все это время моими попечительницами и добрыми геніями были опять

такіе вышеупомянутыя знакомыя и служащія у матери женщины: няня моя, Авдотья Павловна, крестная мать моя, жена священика, Марфа Павловна, Соломонида Алексѣевна, дальняя родственница, бѣдная женщина Домна и знакомая матери, Варвара Алексѣевна. Послѣдняя была сравнительно состоятельною женщиною, жена унтеръ-офицера, отказавшагося отъ оберъ-офицерскаго чина и за то получавшаго довольно значительную пенсію, кажется, около 160 р. въ годъ. Онъ купилъ небольшой клочекъ земли, построилъ домикъ и скоро послѣ того умеръ. Эта женщина иногда помогала мнѣ и деньгами, а разъ купила мнѣ только-что тогда вышедшую гармонію.

Всѣ онѣ послѣ смерти матери обшивали и обмывали меня какъ могли и каждая старалась угостить меня самымъ лучшимъ кускомъ, какой попадался къ нимъ изрѣдка.

Повторяю, всѣхъ оригинальнѣе и добрѣе была моя няня, Авдотья Павловна, какъ видно болѣе любившая меня. Выше сказалъ, что жила она на хлѣбахъ у постороннихъ лицъ, которые содержали ее за усиленный натуральный паекъ. Она тоже получала вродѣ пенсіи, кажется по 50 к. въ мѣсяцъ. Я не знаю, не будь этихъ женщинъ, какъ-бы пережилъ эти годы моего горькаго одиночества.

Но всетаки объ этомъ періодѣ моей жизни, начавшейся послѣ смерти дорогой моей матери, я вспоминаю ни какъ о самомъ худшемъ въ матеріальномъ отношеніи, а какъ о самомъ плохомъ въ нравственномъ бытѣ. Мало-по-малу я началъ терять идеалы моей матери, хотя они какъ святыня глубоко были запечатлѣны въ моей душѣ, но теперь не съ тою яркостью представлялись мнѣ и только въ горькія минуты я искалъ временное утѣшеніе: не пропускалъ церковныхъ службъ и любилъ чтеніе духовныхъ книгъ; любовь къ природѣ тоже служила мнѣ утѣшеніемъ и успокоеніемъ и это все съ молодостью помогало мнѣ безъ особо большой тяжести нести мой крестъ. Но всетаки повторяю, что мало-по-малу чистые идеалы, вложенные въ меня моею дорогой и доброй матерью, про-

тивъ моего желанія начинали меркнуть,—и святой образъ моей матери, затѣняемый, съ одной стороны, окружающей меня средою, а съ другой, близкими пріятельскими отношеніями къ вышеупомянутому Ежову, этому сердечному, отзывчивому человѣку по отношенію ко мнѣ, но ведущему среди красивыхъ дѣвушекъ съ тронутою нравственностью, почти циничную жизнь. Онъ вскорѣ познакомилъ меня съ молодою красивою вдовою.....

Но это первое знакомство для меня до такой степени было тяжелымъ, что я съ полгода глубоко страдалъ и не хотѣлъ видѣть ни одной женщины, бѣгая отъ всѣхъ, въ особенности отъ преслѣдовавшей меня вдовы.

XV.

Моя поѣздка въ Кіевъ за, возвращавшимися съ завода Браницкаго, учениками, отданными въ ученіе сахароваренію, и за принятіемъ машинъ и аппаратовъ съ завода Яхненко и Симиренко.—Мои приключенія въ Кіевѣ.

Но тутъ вскорѣ произошла временно краткая перемѣна, удалившая меня отъ соблазна и разврата дворни, въ который я понемногу втягивался. Я былъ посланъ въ Кіевъ для принятія возвращаемыхъ мальчиковъ, и долженъ былъ послѣ встрѣчи отправить ихъ въ Софійское имѣніе, а машины, аппараты и пр. сдать подъ росписку на коммиссію нѣкоему Лимерману.

Зима съ 1847 г. на 1848 была съ глубокимъ снѣгомъ и мятелями, телеграфовъ не было, почта шла медленно и мнѣ пришлось ожидать въ Кіевѣ что-то около двухъ недѣль. Это было въ разгарѣ Кіевской контрактовой ярмарки.

Прежде пріѣхали мальчики въ плохой одеженкѣ, такъ-что имъ пришлось купить кое-какую теплую одежду и для отправки ихъ нанять одноконнаго извозчика изъ простыхъ тяжеловозовъ. Извозчикамъ во время ярмарки было работы по горло, и я принужденъ былъ заплатить извоз-

чику, для отправки мальчиковъ, до г. Сердобска, Саратовской губ., 50 р.; безъ ярмарки можно было нанять рублей за 25 или даже дешевле.

Возвратившихся изъ ученія 4 мальчиковъ, по пріѣздѣ размѣстили въ разныя должности: кого прикомандировали въ садъ, кого въ лѣсъ, кого въ дворники и никто не попалъ въ свои хозяйства, отъ котораго отвыкли на заводѣ. Этимъ еще усилили многолюдную дворню.

Я объ этомъ говорю, чтобы указать какія высокія цѣны на все существовали въ Кіевѣ во время контрактовъ. Кіевскую дороговизну мнѣ пришлось испытать и на себѣ. Мнѣ суточныхъ на содержаніе назначено было 1 р. Въ дорогѣ и другихъ городахъ это было достаточно за глаза, но въ Кіевѣ, незнакомому съ тамошними цѣнами и обычаями, при 1 р. въ сутки можно было остаться безъ квартиры и голодать. Всѣ гостинницы отъ первоклассныхъ до послѣднихъ, всѣ постоялые дворы были биткомъ набиты, вся прислуга и обитатели гостинницъ говорили почти всѣ по польски, вывѣски сплошь были написаны тоже по польски.

Это привело меня въ удручающее впечатлѣніе, и къ тому-же на меня смотрѣли свысока. Я съ трудомъ нанялъ въ третьеклассной гостинницѣ подъ лѣстницею холодную конурку съ грязнымъ тюфякомъ безъ всякаго постельнаго бѣлья за 75 к. въ сутки, а для продовольствія оставалось 25 к. Между тѣмъ не было порціи плохого качества дешевле 35 к., или какъ говорили тамъ, за „2 злот. и 10 грошей“.

На второй день я пошелъ въ лавру, прослушалъ тамъ обѣдню. Гляжу, въ ворота изъ Лавры поѣхали тѣ, кто былъ на саняхъ и очень мало пѣшеходовъ, а почти всѣ, бывшіе въ обѣднѣ, гурьбой пошли въ сторону.

Я спрашиваю человѣка на паперти:

— Куда это идутъ люди?

Спрошенный говоритъ:

— Вы, вѣроятно, въ первый разъ здѣсь и не знаете обычаевъ Лавры.—Это пошли обѣдать.

— Да развѣ тутъ даютъ обѣдать, и какія цѣны за обѣдъ?

— Въ первомъ флигелѣ для простого народа кто сколько дастъ, а скорѣе даромъ, а въ дворянской за 2—3 постныхъ блюда и за кровать для ночлега по 20 к., и то не вымогаютъ платы.

„Пойду полюбопытствую“, говорю своему собесѣднику и иду за тѣми, что пошли въ дворянскую. Глазамъ моимъ представилось громадное зданіе длинною, приблизительно, саженъ въ 30—40.

Внутри большая комната, въ ней въ два ряда поставлены длинные узкіе столы, накрытые дешевыми скатертями. Пришедшіе садятся за столы и я сѣлъ. Подали борщъ съ рыбою, гречневую кашу, щедро политую постнымъ масломъ, и вареную картофель тоже съ масломъ, великолѣпнѣйшій мягкій хлѣбъ. Ѣли по четверо изъ одной бѣлой миски, пили отличный квасъ. На мой голодный желудокъ это былъ чуть-ли не царскій обѣдъ. Не мало отдѣльныхъ комнатъ служили спальнями, иныя съ двумя, другія съ четырьмя кроватями съ тоненькими, но чистыми тюфяками, и подушкою на каждой.

Спрашиваю: что, тутъ-же можно и ночевать, и сколько берутъ за кровать?

— Кто за обѣдъ и ужинъ платитъ 20 к., тому кровать дается даромъ.

— А можно-ли оставить здѣсь чемоданъ?

— Чемоданъ можно отдать гостиночному служкѣ и онъ дастъ вамъ квитокъ, а вы послѣ полученія чемодана дадите ему по вашему усмотрѣнію.

Боже, вотъ благодать-то!

Иду въ городскую коморку, беру свой чемоданчикъ и переѣзжаю въ лавру. Изъ лавры ежедневно хожу въ Кіевъ или изрѣдка ѣзжу туда на извозчикѣ по 10 коп. въ конецъ.

Тутъ въ свободное время обошелъ пещеры, книжныя лавки и жилъ тамъ пока пришли машины и аппараты и пр., и я ихъ сдалъ коммиссіонеру. Послѣ сдачи всего

этого поспѣшилъ выѣхать изъ негостепріимнаго города, сдѣлавшаго на меня тяжелое впечатлѣніе.

Здѣсь хочу прибавить, что такой траты денегъ, бросаемыхъ на удовольствія и на напитки, ни прежде ни послѣ я не видѣлъ ни въ Петербургѣ ни въ Москвѣ: шампанское вездѣ лилось рѣкою.

Для примѣра скажу, что графъ Б. за 4 комнаты — одинъ большой залъ и три меньшихъ — платилъ 120 р. въ сутки.

Всѣ увеселительныя мѣста биткомъ набиты, гулянье и катанье на улицахъ непроѣздное, на бульварахъ прохода нѣтъ и вездѣ сплошная польская рѣчь франтоватой публики.

Разъ какъ то зашелъ я во второклассный ресторанъ закусить и сѣлъ за столикъ вблизи двухъ офицеровъ, говорившихъ по-русски, и я услыхалъ, какъ старшій говорилъ младшему:

— Вотъ, говоритъ онъ, сколько русской крови было пролито на горахъ и подолахъ Кіева, чтобы отстоять его. — эту мать русскихъ городовъ отъ печенѣговъ, половцевъ и тому подобныхъ дикихъ кочевниковъ, но въ особенности отъ поляковъ, а теперь, смотри, самымъ страшнымъ образомъ захватили Кіевъ богачи поляки, сахарники, ихъ администраторы, коммиссіонеры евреи, и купцы, тоже евреи.

Мнѣ постоянно русскіе говорили, что намъ, русскимъ служащимъ, съ ограниченными средствами жить здѣсь очень тяжело, какъ по дороговизнѣ, такъ и по высокомѣрному отношенію къ намъ поляковъ, почти явно насъ презирающихъ, въ особенности теперь, въ ожиданіи венгерскаго похода, гдѣ, какъ кажется, поляки будутъ опять отстаивать свою отчизну отъ моря до моря.

XVI.

Назначеніе меня приказчикомъ на лѣто въ деревню въ 250 душъ--Встрѣча съ старообрядцами поморской секты.—Знакомство съ заповѣдными ихъ книгами.—Послѣдствія этого знакомства.—Исправникъ накрылъ старообрядцевъ при совершеніи ихъ молитвы.—Казенное селеніе Монастырщина, населенное старообрядцами.—Ихъ непосредственная власть.—Окружной начальникъ.—Моя обитель и чудное для охоты болото.

По возвращеніи изъ Кіева я вскорѣ былъ назначенъ приказчикомъ деревни Мокшанцевой, отстоявшей отъ главной конторы, къ которой она причислена, верстъ на 10—12.

Деревня Мокшанцева съ населеніемъ въ 250 душъ, изъ коихъ почти половина была старообрядцевъ, безпоповцы поморскаго толка. Хозяйство этой деревни при содѣйствіи старосты мнѣ поручалось только на лѣтнее время, пока дѣти управляющаго не учились; я туда ѣздилъ раза два въ недѣлю на три-четыре часа, но все таки, оффиціально, по штату былъ названъ приказчикомъ. Съ меня, согласно закона, полиціею была взята подписка, что я не буду допускать старообрядцевъ сходиться для богомолья и совершенія обрядовъ въ какой-либо избѣ и не буду допускать изъ нихъ на какую либо службу при хозяйствѣ, напр. старосты, ключника или даже десятника.

Я узналъ, что у старообрядцевъ есть ихъ старыя секретныя книги, съ которыми мнѣ страшно хотѣлось познакомиться. Съ одной стороны, по убѣжденію, что нельзя заставить вѣрить насильно, во что бы то ни-было, даже въ православіе, но главное изъ желанія прочитать ихъ книги, я началъ смотрѣть сквозь пальцы на старообрядцевъ и они воспользовались этимъ, начали почти безъ опасенія собираться въ воскресные и праздничные дни для отправленія своихъ службъ. За то я пользовался ихъ довѣріемъ, и съ увлеченіемъ прочиталъ ихъ завѣтныя книги: „Альфу, Омегу и Столгавъ“ и др., изданныя въ Вильнѣ. Эти книги никогда не давались для прочтенія православнымъ и, какъ я узналъ, хранились въ пчелиныхъ ульяхъ, толстыхъ колодахъ съ двойными донъями, наверху семья пчелъ, а ниже подъ дномъ находились

эти книги. Изъ нихъ я узналъ превратное повѣствованіе о происхожденіи и распространеніи табака, чая, кофе, а также о происхожденіи честныхъ древъ Креста Господня. Этимъ сказаніямъ, дышащимъ сказочною фантазіею, старообрядцы слѣпо вѣрили и всякія возраженія противъ нихъ, какъ бы они ни были доказательны и сильны, считаютъ Никоніанскою ересью. Я до того времени, чтобы не потерять ихъ довѣрія, не возражалъ имъ, такъ-что они считали меня чуть-ли не готовившимся поступить въ ихъ секту. Но это любопытство могло обойтись мнѣ слишкомъ дорого: отсидкой около 6—8 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ.

Домикъ въ деревнѣ Мокшанцевой о трехъ комнатахъ, въ которомъ я жилъ въ теченіи 4—5 мѣсяцевъ лѣтомъ, стоялъ на горѣ. Подъ горою протекала пересыхающая среди лѣта рѣчка, по окраинамъ была сплошная моховая трясина съ изобиліемъ болотной дичи, никѣмъ въ глухой деревнѣ не тревожимой. На охоту за такой дичью пріѣзжали иногда помѣщики, изъ коихъ нѣкоторые знали меня, посѣщая отца въ то время, какъ я жилъ при немъ въ домѣ или при посѣщеніи отцомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, когда онъ бралъ меня съ собою. Среди этихъ помѣщиковъ чаще всѣхъ пріѣзжалъ на охоту земскій исправникъ, живущій большей частью въ своемъ имѣніи, верстахъ въ 12 отъ деревни Мокшанцевой, А. А. Як.... бскій, человѣкъ лѣтъ 30— 35, знавшій меня мальчикомъ лѣтъ 5-ти. Отецъ мой былъ хорошо знакомъ съ домомъ его отца и самъ теперешній исправникъ разъ, въ бытность нашу у его отца лѣтъ 16—18, вырѣзалъ мнѣ хорошенькаго козелка изъ рѣпы. Говорили про исправника, что онъ окончилъ курсъ какого-то высшаго училища, или даже университетъ и, послужа въ арміи, вышелъ въ отставку, съ какимъ чиномъ—не помню. Послѣ охоты на сказанной трясинѣ, почти всегда удачной, поднимался на гору ко мнѣ въ домикъ, здоровался со мною и пилъ у меня молоко.

Въ одну изъ субботъ передъ Троицею я приказалъ сторожу, который былъ у меня вмѣстѣ съ тѣмъ и кучеромъ, запречь пораньше единственную, данную мнѣ, лошадь въ бѣговыя дрожки домашняго издѣлія, чтобы по-

спѣть въ церковь къ обѣднѣ и отдать недѣльный отчетъ въ работахъ. Нужно было проѣхать верстъ 10—12 до церкви, находящейся въ Софіевкѣ. Сторожъ, чуть только начинало свѣтать, стучитъ въ окно и будитъ меня.

— Что такъ рано? спрашиваю его.

— Исправникъ пріѣхалъ и зоветъ васъ къ себѣ.

— Да гдѣ-же онъ?

— У Михаила Ушакова въ избѣ, засталъ всѣхъ нашихъ раскольниковъ за молитвою.

Надо знать, что Михаилъ Ушаковъ, тамошній крестьянинъ, былъ начетникомъ и уставщикомъ у старообрядцевъ, что-то вродѣ попа, судившійся нѣсколько разъ и обиравшій страшно свою братію, всегда помогавшую своими средствами выкупиться ему изъ бѣды. Я тутъ только вспомнилъ о моей подпискѣ не допускать богомольныхъ собраній старообрядцевъ и тотчасъ-же подумалъ, что дѣло плохо, но поспѣшилъ одѣться и отправился къ избѣ Ушакова. У воротъ стояла усталая тройка лошадей въ тарантасѣ, а у дверей сотскій съ нѣсколькими православными крестьянами, какъ понятыми. Вхожу въ избу. Она оказалась обставленная старинными образами. Ушаковъ былъ одѣтъ въ холстинной синей ризѣ, что-то вродѣ стихаря. Передъ нимъ стоялъ домашняго издѣлія большой аналой съ множествомъ книгъ и курился дымъ ладона изъ глиняной съ ручкой кадильницы. Я, по обыкновенію, протягиваю руку исправнику, а онъ, не давая ея, говоритъ серьезно:

— Подойдите подъ благословеніе къ вашему попу.

— Я его благословлю, когда-нибудь на барщинѣ, что онъ долго не забудетъ.

— Едва-ли удастся вамъ это сдѣлать, вѣдь вы знаете, что, кажется, нѣтъ еще полгода, какъ онъ отсидѣлъ два года въ острогѣ за перекрещиваніе своей жены и матери, и тогда бы онъ не возвратился сюда, если-бы старообрядцы не отвезли Ступину, тогдашнему предсѣдателю Саратовской уголовной палаты, 500 руб.

Дѣйствительно, Ушаковъ перекрестилъ свою мать и жену вмѣстѣ съ другими крещенными въ младенчествѣ по православному обряду.

Также правда, что Ступинъ былъ страшный взяточникъ, и ему старообрядцы отвезли 500 р.

— Прочитайте протоколъ и подпишитесь, говоритъ его письмоводитель.

— Я, не читая, подпишу; взялъ со стола протоколъ и подписалъ его.

— Вы, вѣроятно, не догадываетесь, какія послѣдствія васъ ожидаютъ.

— Предчувствую, что не хорошія, а вы, вѣроятно, не откажитесь объяснить мнѣ, какія именно.

— Вы, должно-быть, забыли статью въ данной вами подпискѣ, вслѣдствіе которой вамъ придется просидѣть отъ 6 до 8 мѣсяцевъ въ острогѣ, или въ рабочемъ домѣ. Васъ, скорѣе всего, помѣстятъ въ особое отдѣленіе тюрьмы, говорилъ онъ мнѣ, какъ-бы въ утѣшеніе.

Съ замираніемъ сердца слушалъ я слова исправника, не показывая, впрочемъ, вида боязни и отвѣтилъ:

Только-то! Я такъ еще молодъ—отсижу, узнаю тамошнюю жизнь и наживусь еще среди добрыхъ людей, съ которыми меня обстоятельства столкнутъ. Вы знаете, что судьба мнѣ никогда не улыбалась (намекъ сдѣланъ мною на жизнь при отцѣ), но видите, все-таки живу еще. Исправникъ чуть-чуть перемѣнился въ лицѣ, а письмоводитель его, отвернувшись отъ исправника ко мнѣ, проницательно улыбнулся, какъ-бы говоря: „что, братъ, смекнулъ?“

— Ну, какъ-бы то нибыло, говорю я, а все-таки чайку не откажитесь выпить у меня.

— Съ удовольствіемъ, говоритъ исправникъ: рано всталъ проголодался. И мы поѣхали на лошадяхъ къ моему домику.

У меня на сердцѣ кошки скребли, а я все-таки не показывалъ вида грусти.

Когда мы пріѣхали къ моему обиталищу, около него стояло уже нѣсколько молодыхъ крестьянъ изъ старообрядцевъ, братьевъ и сыновей поставленныхъ подъ стра-

жею стариковъ. Моя кухарка, старушка изъ дворовыхъ, догадываясь, вѣроятно, что исправникъ у насъ будетъ чай пить, накрыла столъ. Въ частыя посѣщенія исправника, послѣ охоты, когда старушка подавала ему молоко, онъ всегда называлъ ее домоправительницею и давалъ ей пятакъ или гривенникъ. Исправника я проводилъ въ другую комнату, отдѣленную отъ первой досчатою перегородкой и велѣлъ подать туда чай со сливками. Самъ-же остался съ письмоводителемъ Алексѣемъ Макаровичемъ, хорошимъ моимъ пріятелемъ, еще молодымъ человѣкомъ, какимъ-то чудомъ освободившимся изъ кантонистовъ. Онъ родился отъ солдатки въ томъ-же селѣ, гдѣ и я проживалъ. Онъ иногда во время отлучекъ исправника одинъ пріѣзжалъ охотиться на Мокшанское болото и при каждомъ пріѣздѣ приставалъ ко мнѣ промѣнять немудрое, купленное управляющимъ мнѣ въ подарокъ, мое на его ружье, которое было еще хуже.

Когда старушка затворила двери изъ комнаты исправника, я на ухо спросилъ Алексѣя Макаровича:

— Откуда это явилась у васъ такая религіозная ревность, что не полѣнились встать рано и проѣхать верстъ 12 къ намъ въ деревню. Алексѣй Макаровичъ взялъ меня подъ руку и, выведя въ сѣни, сказалъ:

— Какая тебѣ религіозная ревность: съ недѣлю тому назадъ исправникъ проигралъ въ карты, что-то около 1000 р., а ты знаешь, какъ онъ скупъ, вотъ и рѣшилъ пополнить свой проигрышъ сборомъ съ старообрядцевъ. Развѣ тутъ не слыхали, какъ мы въ прошлое воскресенье, такимъ-же точно образомъ, въ с. Монастырщинѣ заловили до 600 р. и мнѣ, все-таки, перепало рублей съ сотнягу.

Монастырщина—большое богатое казенное селеніе, въ коемъ почти половина селенія зажиточныхъ старообрядцевъ—безпоповской поморской секты, имѣющихъ сапожныя мастерскія и торгующихъ гуртами овецъ.

Слушаю и ушамъ своимъ не вѣрю, наконецъ спрашиваю:

— Отчего-же съ монастырскими крестьянами-старообрядцами не продѣлываетъ то-же ихъ непосредственное начальство, окружный начальникъ?

Онъ съ нихъ получаетъ 1000 р. въ годъ и не мѣшаетъ имъ ни въ чемъ. А мы, зная, что крестьяне старообрядцы слишкомъ злоупотребляютъ послабленіемъ окружнаго, и нагрянули на нихъ тоже въ заутреню. Окружный начальникъ самъ радъ, что мы не дали дѣлу законнаго хода, иначе и ему-бы досталось, онъ долженъ бы-былъ раздѣлить ту тысячу рублей, что съ нихъ получилъ.

— Что-же я долженъ дѣлать теперь?

— Понудить собравшихся у твоего домика старообрядцевъ, поскорѣе собрать рублей 300 и вручить ихъ исправнику. Тогда только исправникъ велитъ переписать протоколъ и дѣло приметъ другой оборотъ.

— Триста рублей! произнесъ я съ удивленіемъ, да хоть перерѣжьте всѣхъ стариковъ и молодыхъ старообрядцевъ въ эту пору весенняго безденежья, они не въ состояніи собрать такой суммы.

— Правду-ли ты говоришь?

— Честью свидѣтельствую, что у нихъ теперь нѣтъ денегъ, они и теперь, кажется, не заплатили долга взятаго за большіе проценты, чтобы выкупить Ушакова за перекрещиваніе.

Пойду, переговорю съ исправникомъ не возьметъ ли онъ 100 р., но знай, что безъ 100 р. ему, мнѣ 20 р., отсюда мы не выѣдемъ, пока не заберемъ почти всѣхъ бывшихъ на молитвѣ въ избѣ Ушакова, а, пожалуй, прихватимъ по знакомству и тебя, или возьмемъ росписку объ неотлучкѣ.

При выходѣ изъ комнаты исправника, послѣдній говорилъ:

— Скажи, что это дѣлаю только для Кабештова, а то изъ-за такой малости и ѣхать не стоило.

— Спрашиваю Алексѣя Макаровича что хочетъ исправникъ сдѣлать для меня?

— А то, что исправникъ соглашается взять 100 р., но чтобы деньги были доставлены черезъ часъ.

Такъ и объясните собравшимся здѣсь старообрядцамъ, чтобы они скорѣе собирали деньги, а то онъ спѣшитъ домой ѣхать.

Выхожу и передаю все сказанное собравшимся у моихъ дверей старообрядцамъ.

Они такъ и взвыли:—у насъ нѣтъ ничего и взять негдѣ.

А вотъ что, говорю имъ, ступайте въ Грязную или скорѣе скачите, тутъ близко, всего двѣ версты къ N (имя и фамилію забылъ), процентщику и давайте какіе угодно проценты и привозите скорѣе деньги.

Да онъ не дастъ намъ; если-бы вы написали, что ручаетесь или пусть выпустятъ нашихъ двухъ такихъ-то стариковъ изъ подъ стражи. На часъ отпустили стариковъ и я написалъ второпяхъ, что деньги, данныя въ займы такимъ-то, будутъ возвращены. Деньги чрезъ часъ были привезены: это была бумажка въ 100 р. стараго образца и отдана мнѣ, я спрашиваю Алексѣя Макаровича: какъ-же мнѣ то ее вручить?

Скажи своей домоправительницѣ, чтобы она вытерла блюдечко и дно чашки чище, и налила бы въ нее чаю, а вы сложите хорошенько бумажку и положите подъ чашку пусть она подастъ эту чашку исправнику.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Послѣ чего исправникъ выходитъ и говоритъ:

Алексѣй Макаровичъ! жаль молодости Кабештова: перепишите протоколъ такъ чтобы дѣло кончилось въ Сердобскомъ уѣздномъ судѣ и не переходило въ уголовную палату: попъ ихъ и двое стариковъ посидятъ немного въ острогѣ, а Кабештовъ былъ-бы выгороженъ совсѣмъ.

Впрочемъ вы сами знаете, какъ это сдѣлать, только пожалуйста поскорѣе.

— Знайте, Кабештовъ, обращается ко мнѣ исправникъ, что это я только для васъ дѣлаю, а то-бы я ихъ мерзавцевъ проучилъ еще.

— Благодарю васъ.

Алексѣй Макаровичъ взялъ листъ бумаги написалъ на верху годъ, мѣсяцъ и число, а также мѣсто происшествія и остановился.

— Что же вы не пишите? спрашиваю я его.

— А что-же не даете 20 р.? безъ этого писать не буду, а онъ меня заставить не можетъ.

— Выхожу я къ старообрядцамъ и говорю, —чтобы приготовили 20 р. для письмоводителя.

Вотъ только 12 р. набрали бабы и показываютъ мнѣ собранныя въ платокъ разныя деньги, цѣлковые, австрійскіе талера и пр. мелочь. Отдали ихъ мнѣ и я переложилъ ихъ изъ грязнаго платка въ свой чистый и вручилъ Алексѣю Макаровичу, сказавъ, что собрали 12 руб.

— Ну, нечего съ тобою дѣлать, а ружье все таки промѣняй.

Промѣнялъ ружье лишь-бы только отвязаться. Актъ былъ написанъ и исправникъ, выходя къ лошадямъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Остерегайтесь, молодой человѣкъ этихъ негодяевъ-изувѣровъ, а то можете больно поплатиться за довѣрчивость къ нимъ.

Тутъ замѣчательно то, что Алексѣй Макаровичъ выслалъ мнѣ обратно мой платокъ, въ которомъ, я отдалъ ему деньги; вотъ-такъ честность, подумалъ я.

Четыре старика-старообрядца просидѣли въ острогѣ, не помню три или четыре мѣсяца и это замѣнило наказаніе. Но для того, чтобы такъ скоро окончилась ихъ кара, дѣти и братья ихъ должны были отнесть еще въ уѣздный судъ 100 р., а исправнику поработать нѣсколько дней. Вотъ эти люди, старообрядцы или старовѣры, какъ ихъ больше называли, здѣсь, несмотря на трезвость и трудолюбіе такъ-же бѣдны, какъ и бездѣльники и пьяницы изъ православныхъ.

Ихъ разоряли поборы и взятки и ихъ начетники, вродѣ Михаила Ушакова, полиція и судебныя власти.

XVII.

Продолженіе моего приказчичества въ деревнѣ Мокшанцевой,—и въ то-же время ученіе дѣтей управляющаго.—Жажда чтенія и страшное стремленіе учиться самому.—Мои товарищи, мѣшающіе моимъ занятіямъ.—Чтеніе и ученіе лежа при сальномъ слабомъ ночникѣ.—Присылка кн. Волконскимъ изъ Италіи больного живописца.—Его выздоровленіе и охота на волковъ съ поросенкомъ и ея послѣдствія.

Отсюда я не буду описывать изо дня въ день обыденную мою жизнь, а по возможности буду говорить объ выдающихся случаяхъ.

Время распредѣлялось такъ, что почти втеченіе двухъ годовъ, часть осени и всю зиму, до начала весеннихъ работъ, училъ дѣтей управляющаго, провѣрялъ вѣдомости и отчеты а нѣсколько весеннихъ и всѣ лѣтніе мѣсяцы, прожилъ въ деревнѣ Мокшанцевой. Послѣ разсказаннаго происшествія я началъ относиться къ старообрядцамъ строже. Въ свободное время читалъ всѣ попадающіяся мнѣ подъ руку книги: прочиталъ съ неописаннымъ удовольствіемъ книги, данныя мнѣ управляющимъ „Юрія Милославскаго и Потерянный Рай,“ но не пропускалъ и такихъ, какъ „Англійскій Милордъ“, „Ермакъ Тимофеевичъ“ и даже „Франциль Венціанъ.“ Въ это же время у меня явилась непреодолимая охота выучиться грамматикѣ и заучить пространный катехизисъ. Грамматику случайно я избралъ Греча, а катехизисъ—Филарета и для изученія ихъ употреблялъ всѣ вечера и большую часть ночей, читалъ даже и во время работъ и въ поѣздкахъ къ работамъ верхомъ.

Въ зимнее время для спальни моей и еще двухъ товарищей, служащихъ въ конторѣ, была отведена большая комната, а для освѣщенія на двѣ ночи отпускалась одна сальная свѣча на томъ основаніи, что часть вечера часовъ до 8 мои товарищи должны были заниматься въ конторѣ, а я около часа съ дѣтьми управляющаго, у которыхъ была еще бонна, и на мои уроки удѣлялось меньше времени. Товарищи по комнатѣ спали на двухъ кроватяхъ внизу, а я избралъ небольшіе антресоли, возвышающіяся надъ поломъ аршина на два, отгороженныя рѣшеткою,

которую я оклеилъ съ двухъ сторонъ провощенною бумагою. Это я сдѣлалъ потому, что мои товарищи по комнатѣ были веселаго нрава и безпечные, проводившіе вечера шумно, съ гитарою и гармоніею: къ нимъ приходили знакомые мужчины и женщины. Я-же, забравшись на свои антресоли, читалъ и учился. Конечно, товарищи осыпали меня насмѣшками и часто стаскивали оттуда. На моихъ антресоляхъ, очень низкихъ, нельзя было не только стоять, но и сносно сидѣть на стулѣ, а потому я рѣшилъ читать и учиться лежа. Свѣчу я ставилъ около подушки, у меня въ одинъ вечеръ сгорала пятерковая сальная свѣча, слѣдовательно, мнѣ нужно было въ мѣсяцъ ,около 6 ф. свѣчей, а онѣ тогда стоили около 2 р., за пудъ и это выходило изъ моего бюджета, поэтому я избралъ себѣ ночникъ (каганецъ, какъ говорятъ въ Малороссіи), дѣлалъ изъ ватки свѣтильню, на нее клалъ сало и такимъ образомъ продолжалъ почти двѣ зимы читать и учиться и такъ привыкъ къ чтенію лежа, что и теперь продолжаю читать съ большимъ разумѣніемъ и вниманіемъ въ лежачемъ положеніи, нежели сидя.

Лѣтъ 15—17 назадъ, когда я обратился къ нашему знаменитому окулисту Гиршману, для выбора очковъ, онъ разспросилъ о гигіенѣ моихъ глазъ, и когда я ему разсказалъ, что смолоду большею частью читалъ и учился лежа и теперь не оставилъ этой привычки, онъ, удивляясь сохраненію зрѣнія, далъ мнѣ очень слабыя очки, совѣтуя бросить эту привычку, въ особенности на старости лѣтъ, но я, грѣшный человѣкъ, и теперь читаю, сравнительно не мало лежа, къ тому-же и пишу не мало, хотя мнѣ 78 лѣтъ, и, конечно, при улучшенной лампѣ, высланной изъ Петербурга, или при 4 свѣчахъ подъ абажуромъ. Сдѣлавъ небольшое отступленіе отъ порядка моего повѣствованія для объясненія, какъ говорятъ, чудомъ, сохранившагося зрѣнія, прибавляю, что теперь я всякое утро погружаю лицо въ тазъ съ чистою, но не очень холодною водой и усиленно мигаю въ водѣ глазами.

Въ слѣдующіе два года, кромѣ обыкновенныхъ текущихъ, конечно, не важныхъ событій ,со мною произошло слѣдующее.

Чтобы по возможности избѣжать праздно, буйно и даже развратно проводимыхъ окружающими меня товарищами воскресные и праздничные дни я спросилъ дозволенія по зимамъ ѣздить на охоту въ лѣсъ за-зайцами, которыхъ, большею частью вмѣстѣ лѣсничимъ Козьмою Ивановичемъ Марковымъ ловили капканами, а иногда стрѣляли ружьями. Лѣсничій сильный среднихъ лѣтъ—человѣкъ, въ теченіе каждой зимы большими капканами изловливалъ двухъ-трехъ волковъ, но я этой охоты избѣгалъ, какъ требующей здоровья и силы. Лѣсничій, чтобы прослѣдить волка, когда онъ унесетъ капканъ иногда верстъ 5—8, выслѣживалъ его по глубокому снѣгу на лыжахъ. На этихъ волковъ онъ какъ то ухитрялся накладывать намордники и завязывалъ веревками челюсти и на привычной его лошади возилъ по помѣщикамъ, у которыхъ были собачьи охоты, а въ то время ихъ было не мало. На хорошаго волка, съ перешибленой ногой капканомъ и потерявшаго зубы отъ грызенія капкана, или цѣпи, къ которой капканъ былъ прикрѣпленъ или съ связанною челюстью, выпускали собакъ для притравки ихъ на волковъ. Иногда лѣсничій возилъ волка и къ двумъ помѣщикамъ и бралъ отъ перваго рубля 2, а отъ второго 1 р. Выручая такимъ образомъ, считая со шкурою, около 5 р. за волка. Впрочемъ истрепанная собаками шкура цѣнилась очень дешево.

Кстати разскажу объ одной волчьей охотѣ того-же лѣсничаго Маркова съ живописцемъ, присланнымъ княземъ Волконскимъ изъ за-границы. Въ это время князь Григорій Петровичъ Волконскій былъ вице-президентомъ академіи художествъ и проживалъ долгое время въ Италіи. Для пріѣхавшаго живописца были куплены три дойныхъ кобылы, пасшихся на особо избранномъ возвышенномъ мѣстѣ, между рѣдкихъ березъ и выписанъ изъ Крыма татаринъ для изготовленія кумыса для живописца.

Къ сожалѣнію фамилію живописца забылъ, кажется, Виноградскій. Къ осени, благодаря кумысу, покойной

жизни въ усадьбѣ князя Волконскаго, расположенной на возвышенной мѣстности, живописецъ поправился.

При наступленіи настоящей грязной осени онъ уѣзжалъ, сколько помню, къ помѣщику, тоже художнику живописи Мясоѣдову. Пріѣхалъ онъ на второй или третій день Рождества, какъ говорилъ для того, чтобы поохотиться съ упомянутымъ лѣсничимъ на волковъ. Для этого они избрали охоту съ поросенкомъ, т. е. клали поросенка съ ежовыми шкурами въ мѣшокъ, который завязывали туго и, привязали къ самой низкой поперечинѣ въ саняхъ крѣпкою веревкою, 3—4 саж. длиною ѣхали лѣсною проселочною дорогой. Поросенокъ, тащившійся въ мѣшкѣ по дорогѣ, страшно визжалъ; предполагалось, что волки, заслыша визгъ, должны выбѣжать на дорогу, говорили, что иногда волки пробовали оторвать поросенка, въ то время, съ большими или меньшими успѣхами, охотники въ нихъ стрѣляли и не рѣдко убивали. Такъ сдѣлали и наши охотники и такимъ образомъ изъѣздили около 3 часовъ по лѣснымъ глухимъ дорогамъ. Волки не показывались, несмотря на страшный визгъ поросенка, наконецъ выѣхали на болѣе широкую дорогу, ведущую въ с. Куракино. Большой лѣсъ проѣханъ и уже ѣхали между мелкихъ кустовъ сруба съ множествомъ пеньковъ отъ старыхъ срубленныхъ деревьевъ и, порѣшивъ, что волковъ не будетъ, поѣхали въ с. Куракино, которое было у нихъ въ виду и даже слышны были пѣсни парней и дѣвокъ. Они думали тамъ отдохнуть у знакомыхъ и часа черезъ два ѣхать обратно глухими дорогами. Рѣшили закурить трубки, но для этого въ то время нужно было выкресать кремнемъ огниво и зажечь трутъ (губку). Чтобы произвести эту операцію, лѣсничій опустилъ возжи, положилъ свое двухствольное ружье около себя, то-же самое сдѣлалъ и живописецъ.

Въ это время изъ выбоины, образовавшейся отъ полой воды рѣки Хопра, стремительно и внезапно выбѣжала стая волковъ. Лошади, никѣмъ не удерживаемые, бросились въ сторону и поскакали по пнямъ, окружающимъ дорогу. Сани, простые розвальни тотчасъ разбились: съ нихъ слетѣли верхнія наклестки, которыя прикрѣп-

лялись къ полозьямъ, а къ нимъ лубки и сидѣнье. Лѣсничій вмѣстѣ съ сѣномъ, сидѣньемъ и ружьями упалъ на дорогу. Сѣно прикрыло его и волки пронеслись чрезъ него — погнались за лошадьми. Живописецъ, оставшись на дровняхъ, на двухъ полозьяхъ скрѣпленныхъ вязками, ухватился за верхній вязокъ. Лошади мчались во весь опоръ, одни волки бѣжали рядомъ съ ними, другіе хватались за мѣшокъ съ поросенкомъ. Одинъ волкъ вырвалъ небольшой кусокъ мяса изъ ляшки лошади: кровь брызгнула въ лицо живописца. Но лошади все такп скакали еще быстрѣе и, наконецъ въѣхали въ конецъ селенія, гдѣ гуляющая крестьянская молодежь, увидавъ скачущихъ пару лошадей и гнавшихся за ними волковъ,— подняли крикъ и тутъ только волки остановились. У живописца не было шапки. Онъ крѣпко держался руками за верхній вязокъ дровней, отъ чего руки замерли и ихъ насплу расцѣпили.

Его отвезли на квартиру къ знакомому ему управляющему, гдѣ конечно, его отогрѣли, напоили чаемъ съ ромомъ и сдѣлали все возможное для его успокоенія. Но у него образовалась къ полуночи лихорадка и къ свѣту жаръ, а къ вечеру горячка. Его отправили въ больницу, тамъ-же въ с. Куракинѣ, гдѣ онъ пролежалъ дней 12, ничего не помня, потомъ придя въ себя, еще оставался тамъ недѣли двѣ. Когда выздоровѣлъ окончательно, то правая сторона волосъ на головѣ, бородѣ и усахъ была почти совершенно бѣлая. Выздоровѣвъ совсѣмъ онъ уѣхалъ, не помню куда, кажется, опять къ Мясоѣдову. Объ дальнѣйшей участи его, мнѣ ничего неизвѣстно.

Что-же съ лѣсничимъ?

Послѣ того какъ волки погнавшись за лошадьми перескочили чрезъ него и когда они удалились далеко, онъ поспѣшно собравъ ружья, связалъ ихъ кушакомъ, взлѣзъ на близъ стоявшую курчавую березу, втащилъ на кушакѣ туда съ собою ружья и заряды. Онъ просидѣлъ на деревѣ часа два три и, видя, что волки не возвращаются, пошелъ къ ближайшей сторожкѣ, держа всѣ три ружья на готовѣ.

Добравшись до сторожки онъ успокоился, но все таки прохворалъ съ недѣлю.

Такъ неудачно окончилась охота, но могла кончиться еще хуже: смертію охотниковъ и растерзаніемъ лошадей.

XVIII.

Полая вода и громадное пространство занимаемое ею.—Охота на живыхъ зайцевъ на островахъ.—Травля ихъ на полѣ.—Съѣздъ окрестныхъ помѣщиковъ на эту травлю.—Испытаніе собакъ.—Старикъ Кикинъ, торговецъ собаками.—Охота на выхохулей (хохуль), какъ чисто крестьянскій промыселъ.

Всѣ любители охоты въ описываемой мѣстности съ нетерпѣніемъ ожидаютъ разлитія полой воды. При дружной водѣ и быстромъ таяніи снѣга, рѣки: Хопра, Сердобы, Пяша и другіе меньшіе истоки и овраги сливаются въ одну массу, образуя водное пространство верстъ на 20 и заливая расположенные по низинѣ всѣ луга и лѣса, лежащіе по берегамъ этихъ рѣкъ. Въ уѣздный г. Сердобскъ, отстоящій отъ Софіевскаго верстъ на 20 слишкомъ, въ теченіи 8—12 дней можно было ѣздить во время крайней нужды только на лодкахъ. Рѣка Хоперъ въ это время поднималась иногда выше своего обыкновеннаго уровня на 6—8 аршинъ, заливая прибережные лѣса на сказанную высоту, оставляя нѣсколько высокихъ бугровъ-кургановъ, незанятыми водою. На эти бугры сбѣгались почти всѣ зайцы, находящіеся въ тѣхъ лѣсахъ и полянахъ; между тѣмъ, какъ волки и лисицы уходили въ сосновый боръ, по возвышенному положенію никогда не заливаемый водою. Тогда снаряжались служащими въ Софіевскомъ три—четыре лодки и ѣхали на нихъ къ этимъ островамъ, гдѣ на какой нибудь $^1/_4$ десятины собираются десятки зайцевъ. Причалившія къ острову лодки и высадившіеся изъ нихъ люди, человѣкъ 10—15, стараются ловить зайцевъ живыми, для чего большею частію употребляютъ рыбныя сѣти. Нѣкоторые зайцы бросаются въ воду, но плывутъ не-

долго и хватаются зубами и лапками за первый попавшійся кустъ и тутъ же ихъ берутъ за уши и кладутъ въ лодки, гдѣ ихъ связываютъ пенькою. Поймавъ такимъ образомъ зайцевъ 50, возвращаются домой; ихъ пускаютъ въ пространный сарай, наклавъ предварительно въ него разныхъ мелкихъ кустовъ, сѣна и овса въ снопахъ. Бѣдные плѣнники сидятъ иногда въ сараяхъ недѣли по двѣ, пока просохнетъ почва. Тогда зайцевъ опять ловятъ въ сараѣ, завязываютъ ноги и везутъ на ровное пространное поле или выгонъ на горѣ. О днѣ вывозки зайцевъ извѣщаютъ сосѣднихъ помѣщиковъ и почти всѣ верстъ за 20, имѣющіе борзыхъ собакъ, выѣзжаютъ съ ними на указанное мѣсто. Когда любители охоты всѣ собрались, вынимаютъ изъ воза зайца, отходятъ съ нимъ на 10—15—20 саженъ отъ стоящихъ рядомъ охотниковъ, которые условливаются, на какомъ разстояніи кому пустить по двѣ собаки. Тогда, развязавъ зайца, пускаютъ его ухвативъ за хвостъ, отчего шкурка съ хвоста сдергивается, (говорятъ, заяцъ отъ этого дѣлается быстрѣе). Заяцъ, освободившись изъ рукъ, стремительно бѣжитъ; за нимъ гонятся двѣ собаки, и скачутъ два охотника для провѣрки, какая и чья собака на угонахъ лучше и, смотря по быстротѣ и ловкости, отмѣчается лучшею. Такъ повторяютъ съ другимъ зайцемъ и другими двумя собаками до конца, т. е. до того времени когда всѣ собаки будутъ испытаны. Съ нѣкоторыми испытанными повторяются еще испытанія. Если всѣ собаки испробованы и не всѣ еще зайцы выпущены, то выпускаютъ разомъ трехъ—четырехъ зайцевъ и всѣхъ собакъ, отпуская зайцевъ на большую дистанцію отъ собакъ и начинается бѣшенная травля въ разбивку,—лай собакъ, удары кнутовъ, отчаянная гонка и крикъ охотниковъ. Собаки и охотники сталкиваются и нерѣдко падаютъ, получая ушибы. Послѣ этого охота прекращается и начинаются безконечные споры о быстротѣ собакъ: иногда эти споры кончаются ссорою и бранью, такъ что охотники, пріѣхавши хорошими знакомыми, разъѣзжаются врагами. Охотники, пріѣхавшіе на испытаніе собакъ, даютъ ловцамъ

зайцевъ извѣстную плату, и ловцы собираютъ 15, а иногда и 25 руб. и дѣлятъ между собою.

Управляющій Пурлевскій, не ведя ни съ кѣмъ знакомства, отъ природы бережливый или скорѣе скупой, не занимаясь самъ охотою, почти никогда не выѣзжалъ на эту травлю, какъ прежде дѣлалъ это Зернихаузенъ, отговариваясь или болѣзнею или отлучкою по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства, а потому охотникамъ оставалось привозить съ собою выпивку и закуску, какъ для себя, такъ и для ловцевъ зайцевъ. Въ складчину варили полевую кашу, и пиръ былъ на славу.

Но тутъ, думаю, не лишнимъ будетъ описать старика, торгующаго борзыми собаками улучшенной породы, какъ говорилъ этотъ старикъ. Онъ былъ присланъ изъ Петербурга, гдѣ служилъ когда-то у князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго (декабриста), любимаго брата владѣлицы Софіевки, княгини С. Г. Волконской, о которой я говорилъ выше. Старика звали Гавріиломъ Филипповичемъ Киклинымъ. Ему приказано построить домикъ о трехъ небольшихъ комнатахъ, отрѣзать съ $^1/_4$ десятины земли для огорода и выдавать по 10 руб. въ мѣсяцъ и продовольствіе. Съ этой стороны онъ былъ обезпеченъ, притомъ два сына, служащіе въ Петербургской конторѣ, присылали ему чай, сахаръ и прочее. Но будучи трудолюбивымъ и подвижнымъ, успѣвая обрабатывать огородъ, разводить на немъ деревья и держать примѣрную чистоту въ домѣ или около дома, вздумалъ торговать собаками и нюхательнымъ табакомъ своей посадки и издѣлія. Какимъ-то образомъ, я уже не знаю, посчастливилось ему раздобыть двухъ хорошихъ борзыхъ щенятъ-сукъ. Онъ ихъ выкормилъ и выходилъ хорошо, и дѣйствительно, суки вышли красивыми и быстрыми. Для припусковъ къ сукамъ онъ добывалъ хорошихъ псовъ, иногда для этого ходилъ далеко, прося самихъ помѣщиковъ, за что обѣщалъ дать одного или двухъ щенковъ Но часто онъ добывалъ псовъ для нихъ чрезъ псарей, что было легко сдѣлать: онъ спускалъ своихъ сукъ зимою, когда помѣщики жили въ городахъ. Изъ приплода онъ выбиралъ

лучшихъ щенятъ, выкармливалъ до года или $1^1/_2$, потомъ продавалъ по 10—15, а иногда по 20 р. сосѣднимъ помѣщикамъ. Ихъ испытывали на вышеописанной травлѣ зайцевъ. На одной изъ такихъ травлей его сука „Змѣйка“ обогнала всѣхъ собакъ. На перебой охотники старались купить у него „Змѣйку“, въ которой онъ, если можно такъ выразиться, души не чаялъ и думалъ изъ нея сдѣлать племенную производительницу. Охотники на перебой начали возвышать за нея цѣну: 25,—35,—45, 50 руб, но Кикинъ отказывался продать и только когда набили цѣну до 90 рублей, старикъ не вытерпѣлъ и продалъ ее, выговоривъ себѣ двухъ щенятъ отъ нея. Въ то время за 90 р. можно было купить очень хорошую лошадь, двухъ отличныхъ коровъ, а то пожалуй и дворовую дѣвку, конечно не у Волконскихъ, а у другихъ, бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ.

Сверхъ того во время полой воды производится уже въ одиночку промышленная охота на выхохулей по преимуществу крестьянами. Извѣстно, что выхохуль или просто хохуль, живущая при берегахъ рѣкъ и озеръ, роетъ норы по берегамъ озеръ или рѣкъ съ возвышенными берегами. Норы начинаются подъ водою, аршина $1^1/_2$—2 ниже уровня воды и поднимаются выше уровня часто болѣе двухъ аршинъ. Полая вода, заливая. ихъ норы, выгоняетъ наружу и они принуждены бываютъ плавать на поверхности и цѣпляться за деревья. Тогда охотникъ подплывая къ дереву, въ особенности передъ вечеромъ, стрѣляетъ въ нее, но при этомъ долженъ убить на смерть, или ранить смертельно, иначе она бросается въ воду и хватаясь тамъ за кустикъ, околѣваетъ. Ихъ находятъ по запаху послѣ слитія воды. Но охота за ними производится большею частію такъ: видитъ ли охотникъ хохулю на деревѣ или плывущею, онъ на лодкѣ плыветъ къ ней, а она, нырнувъ первые два-три раза, бываетъ очень долго подъ водою, но впослѣдствіи все короче и короче, тогда охотникъ, слѣдующій за нею, легко убиваетъ. За шкурки ихъ и за хвосты, съ особымъ запахомъ, охотники получаютъ хорошія деньги, но что замѣчательно,—всѣ базары, гдѣ продаются выхохули, заражаются ихъ запахомъ.

XIX.

Прелести весны на р. Хопрѣ (Саратовской губерніи Сердобскаго уѣзда). —Мои увлеченія рыболовствомъ.—Охота за дичью.—Мой лучшій другъ В. А. Птицынъ, мелкопомѣстный дворянинъ.—Отеческія отношенія его къ крестьянамъ.

Полая вода уменьшалась, стекая ручьями въ рѣки и болота; луга и прогалины въ лѣсу очистились отъ нея и на нихъ показалась изумрудная зелень. Начиналась весна въ тѣхъ мѣстахъ прекрасная и благоуханная. Буквально сотни соловьевъ поютъ въ лѣсахъ, рощахъ и садахъ, окружающихъ усадьбы, одинъ одного лучше съ вечера до утра. Жаль, что я не могу описать прелести такой весны, но скажу, что я въ это время чаще вспоминалъ о потерѣ матери, съ которою мы вмѣстѣ наслаждались прелестью весны, но и теперь я отдавался всѣмъ существомъ обаянію весны. Какъ только была возможность, я спѣшилъ во время праздничныхъ дней на Хоперъ и на окружающіе его озера и заводы ловить рыбу. Удочки, бредень, сѣть, крючки для перетяга,— все было приготовлено съ зимы. Для незнакомыхъ съ ловлею перетягомъ нужно сказать, что перетягъ—это веревка, перебрасываемая съ одного берега на другой и прикрѣпляемая или къ кустамъ или къ нарочно вбиваемымъ кольямъ; на веревкѣ висѣли крючки съ насаженными на нихъ живцами —маленькими рыбками. Перетягъ ставился съ вечера, а къ утру снимался. При тогдашнемъ изобиліи рыбы, на перетягѣ всегда была какая нибудь хищная рыба: щука, судакъ и проч. Днемъ ловилъ рыбу удочкою или неводкомъ карасей, карповъ, линей въ озерахъ или заводахъ, или же охотился съ ружьемъ. Вездѣ мнѣ помощниками были лѣсные сторожа. Недалеко отъ Хопра былъ господскій пчельникъ съ хорошимъ подвальнымъ (омшаникомъ) и чистенькимъ домикомъ; полъ въ омшаникѣ на лѣто высыпался пескомъ. Это была моя лѣтняя резиденція, тѣмъ болѣе, что управляющій поручилъ мнѣ присматривать за пчельникомъ. Хоперъ отъ усадьбы былъ верстахъ въ 4—5; туда я ходилъ пѣшкомъ и проводилъ тамъ

праздничный день, а иногда и два и ночевалъ на пчельникѣ. Послѣ праздничныхъ дней за мною присылали лошадь, такъ какъ я почти всегда возвращался съ добычею, достаточною для стола управляющаго и знакомыхъ. Иногда ловилось, такъ много рыбы и убивалось дичи, что остатки, отъ взятой съ собою въ домъ управляющаго, старикъ, лѣсной сторожъ, ходилъ по близкимъ сосѣднимъ помѣщикамъ и продавалъ, а попадавшихся большихъ сомовъ въ 15—30 фунтовъ и до пуда продавали торговцамъ. Вырученныя деньги шли на покупку пороха, дроби и рыболовныхъ приборовъ. Я такъ пристрастился къ этой охотѣ, что ѣздилъ изъ д. Мокшанцевой верстъ за 15 на своей лошади, ставилъ и запиралъ ее въ омшанникѣ отъ оводовъ и комаровъ. И уже тогда въ понедѣльникъ или послѣ праздничнаго дня вставалъ до свѣта, ѣхалъ черезъ Софіевскую контору, узнавалъ тамъ нарядъ на будущую недѣлю и спѣшилъ на работу въ д. Мокшанцеву.

Эта охота, кромѣ пріятнаго препровожденія времени, приносила мнѣ громадную нравственную пользу: чрезъ нее я избѣгалъ безпутнаго и даже цинническаго разгула праздничныхъ дней среди испорченной до мозга костей дворовой молодежи обоего пола. Но и они въ послѣднее время изрѣдка начали ходить въ тотъ же лѣсъ съ выпивкою и молодыми солдатками и податливыми дѣвицами, и мало того, что мѣшали мнѣ отдаваться своимъ любимымъ занятіямъ и въ тишинѣ восхищаться природою, но я волей—неволей иногда принималъ участіе въ ихъ кутежахъ. Нельзя же было совершенно удалить себя отъ нихъ, въ особенности отъ А. В. Ежова, за оказанное имъ и его семействомъ вниманіе ко мнѣ. Не смотря на мой внутренній протестъ, я его, какъ честнаго, добраго и отзывчиваго на все хорошее, если не уважалъ, то не пренебрегалъ.

Чрезъ охоту я сначала познакомился, а потомъ и подружился съ оригиналомъ мелкимъ помѣщикомъ, Василіемъ Андреевичемъ Птицынымъ, жившимъ въ селѣ Бабарикинѣ, гдѣ также жила его сестра съ семействомъ,

тоже мелкопомѣстная помѣщица, хотя была замужемъ за княземъ Бегильдѣевымъ, и довольно состоятельный помѣщикъ Спицынъ. Но мой Василій Андреевичъ Птицынъ ничего общаго съ ними не имѣлъ, а скорѣе жизнь его была тѣснѣе соединена съ его крестьянами. Помѣщикъ и крестьяне его имѣли почти все общее: крестьяне работали на помѣщика лишь на столько, чтобы заготовить хлѣба, котораго стало бы до новаго—на содержавіе помѣщика и для выкорма двухъ—трехъ свиней и продать еще рублей на 200 для самыхъ необходимыхъ разныхъ покупокъ, а сѣна и овса столько, чтобы прокормить двухъ коровъ и пару порядочныхъ лошадей, бывшихъ всегда въ хорошемъ тѣлѣ. Домоправительницею была у него не молодая, но еще миловидная вдова—крестьянка. Крестьяне видѣли въ немъ скорѣе отца, нежели барина, были зажиточны, но что всего удивительнѣе,—любили и слушались его, а это была рѣдкость. Въ то время было общее мнѣніе, - какъ только баринъ распуститъ бразды правленія, то крестьяне начинаютъ дѣлать ему всякія пакости: тащить его имущество, рубить лѣсъ, дѣлать потравы въ хлѣбахъ и въ покосѣ. Тутъ напротивъ: крестьяне берегли его имущество, – хлѣбъ и траву, какъ свою собственность, да она и была почти ихъ собственностью. Чуть у какого-нибудь крестьянина не достаетъ чего-нибудь, а у барина есть, то крестьянинъ тотчасъ получаетъ нужное. Хотя я долженъ забѣжать съ разсказомъ на нѣсколько лѣтъ впередъ, но кстати долженъ сказать, что крестьяне послѣ смерти своего барина получили все его имущество: землю, домъ, скотъ и проч., заслуживъ отъ нихъ благословеніе, а отъ племянниковъ, дѣтей княгини Бегильдѣевой,—проклятіе. Это я узналъ послѣ довольно длиннаго времени, послѣ разлуки съ нимъ, чрезъ письма знакомыхъ, въ коихъ увѣдомляли, что крестьяне постановили служить двѣ заупокойныхъ обѣдни въ годъ по немъ: въ день рожденія и въ день смерти его.

Дорога къ Хопру шла мимо его усадьбы, расположенной на берегу рѣки Пяши, а потому я всегда заходилъ или заѣзжалъ къ нему и онъ почти что всегда

отправлялся со мною, хотя занимался одною рыбною ловлею и никогда ружья въ руки не бралъ. Его въ простонародіи называли „бѣлымъ барономъ“, такъ какъ онъ былъ полный блондинъ, нюхалъ табакъ и носилъ круглую табакерку въ грудовомъ карманѣ старомоднаго поношеннаго сюртука, отчего на грудовой части сюртука образовалось круглое пятно въ величину табакерки. Онъ говорилъ въ носъ, разсказывая, какъ ему не далась наука, хотя онъ и кончилъ уѣздное училище. Его избрали засѣдателемъ въ земскій судъ. Онъ говорилъ:

— Меня избрали въ уѣздный судъ засѣдателемъ, но, когда я насмотрѣлся на взятки, поборы и притѣсненія большей частью крестьянъ, на кутежи и пьянство, хотя къ слову сказать и самъ не прочь выпить, получа отставку, тотчасъ уѣхалъ въ свой домишко, сказавшись больнымъ и на службу не возвращался, сколько меня не уговаривали, чтобы я, какъ дворянинъ, послужилъ бы отечеству. Я думалъ, хороша служба отечеству, нечего сказать! Но меня хотѣли заманить туда для того больше, что изъ всѣхъ поборовъ, причитающихся на мою долю, я ничего себѣ не бралъ, а все отдавалъ на братію канцеляристовъ. Такъ и живу съ тѣхъ поръ; завелъ маленькую библіотеку, которую ты у меня вѣроятно всю растаскаешь (мы съ нимъ почти съ самаго начала были на ты).

Помню его библіотека состояла изъ милордовъ, француцылей, Ермаковъ; на почетномъ мѣстѣ лежалъ въ то время извѣстный: „Сонъ Богородицы“, который и теперь между крестьянами въ ходу, но были и порядочныя книги, такъ я помню: Вольтера „Дитя ратнаго поля“ и „Дочь турецкой гостинницы:“ Онъ въ праздники читалъ своимъ крестьянамъ разныя сказки и „Сонъ Богородицы“.

Хотя я, можетъ быть, и надоѣлъ читателямъ съ своимъ Василіемъ Андреевичемъ, но не хочу пропустить одного случая, характеризующаго его отношенія къ крестьянамъ. Дѣло было въ покосъ. Я зашелъ къ нему рано, но запряженная лошадь уже стояла у его двери и бабы несли и накладывали на повозку разные крестьянскіе

съѣстные припасы: хлѣбъ, крупу и проч. Его домоправительница вынесла масла постнаго (день былъ постный).

— Я, говоритъ, сейчасъ идти на Хоперъ не могу: мнѣ надо отвезть провизію на покосъ мужичкамъ. Тутъ недалеко, за моимъ лѣсомъ.—поѣдемъ со мной, а оттуда прямо на Хоперъ, возьмемъ и удочки.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Пріѣхали на покосъ, крестьяне стали брать изъ повозки провизію; когда выбрали всю, нѣкоторые изъ нихъ говорятъ съ укоризною:

— А что же баринъ не привезли табаку?

Василій Андреевичъ всплеснулъ руками:

— Забылъ, говоритъ, братцы, но что-же дѣлать? Отвезу вотъ Ивана Михайловича на Хоперъ, а самъ поѣду, куплю табаку и привезу вамъ къ обѣду.

Пріѣхали къ извѣстному мѣсту Хопра: я тотчасъ закинулъ свои и его удочки, рыба быстро начала клевать; я такъ и думалъ, что инстинктъ любителя одержитъ верхъ надъ обязанностью отвезти крестьянамъ табаку. Не тутъ-то было! Василій Андреевичъ постоялъ немного и поѣхалъ покупать табакъ для крестьянъ, сказавъ на прощанье:

— Я за тобою пріѣду послѣ обѣда; и дѣйствительно пріѣхалъ раньше, но рыба уже не шла на удочки. Взяли бредень и пошли на озеро ловить карасей и, наловя— вмѣстѣ съ пойманною мною сварили къ обѣду отличную уху.

О, счастливое время! я вдыхалъ въ себя чистый лѣсной воздухъ и смолистый запахъ сосноваго бора, заслушивался пѣніемъ соловьевъ, распѣвающихъ день и ночь, воркованія горлицъ и всплески рыбъ раннимъ утромъ на много рыбной рѣкѣ Хопрѣ. Не видишь бывало, какъ пройдетъ день или даже два, когда были два праздника рядомъ. Я дѣло всегда любилъ, но тяжело было оставлять зеленый лѣсъ, роскошные луга и блестящую ленту рѣки.

XX.

Пикники или попросту гулянье на берегу Хопра.—Катанье на лодкахъ.—Хороводы и пѣсни.—Добываніе вина съ завода посредствомъ сплава.—Капельмейстеръ хора князя Куракина, чехъ М. Дубный.—Взаимное обученіе его русской грамотѣ, а меня на скрипкѣ.—Женитьба Дубнова на крѣпостной дѣвицѣ.—Бѣгство его, а потомъ при моемъ содѣйствіи и жены его въ Прагу.

Одинъ правый берегъ Хопра принадлежалъ князьямъ Волконскимъ, а другой—лѣвый князьямъ Куракинымъ. На берегу Волконскихъ былъ еще большой цѣнный лѣсъ, а берегъ Куракинскій почти что былъ обнаженъ,—онъ вырубленъ для топки имѣющагося тамъ большого винокуреннаго завода. Чрезъ имѣніе Волконскихъ протекала рѣка Пяша, а чрезъ Куракинскія имѣнія рѣка Сердоба. Резиденціей управленія имѣніями Волконскихъ было с. Софійское,—Репьевка тожъ, отстоящее отъ Хопра верстахъ въ четырехъ, а Куракиныхъ—въ с. Преображенскомъ. Куракино тожъ, на разстояніи отъ Хопра верстахъ въ двухъ. Управляющіе обоихъ имѣній и другіе служащіе и дворовые почти всѣ были знакомы другъ съ другомъ. Въ нѣкоторые праздники, особенно въ Троицынъ день составлялись общіе пикники на берегу Волконскихъ, на пространной полянѣ, близъ пчельника, о которомъ я писалъ выше. Въ то время, какъ извѣстно, существовалъ винный откупъ, и нигдѣ нельзя было брать вина, кромѣ какъ въ заведеніяхъ, открываемыхъ откупщиками. Его нельзя было получить изъ завода прямо, но чтобы получить его оттуда, былъ усвоенъ оригинальный способъ: наливали извѣстной емкости боченокъ, закупоривали его плотно, припечатывали къ нему перо и бросали въ рѣку Сердобу. Этотъ боченокъ плылъ по теченію Сердобы въ Хоперъ, гдѣ его и вынимали. На мѣсто, избранное для пикника, устроители и посѣтители праздника приносили разные съѣстные припасы: ловили рыбу, били дичь и т. п., и начинался пиръ горой.

Никто изъ владѣльцевъ селенія Куракина, въ то время не жилъ въ великолѣпномъ дворцѣ, построенномъ въ началѣ прошлаго столѣтія, но хоръ музыкантовъ все-таки

содержался тамъ. Управляющій Куракиныхъ отпускалъ этотъ хоръ для общаго веселья собравшихся изъ обоихъ имѣній служащихъ. Тутъ пѣли, плясали, водили хороводы и пили сколько душѣ угодно. Въ одномъ изъ такихъ собраній я познакомился съ выписаннымъ изъ Праги для хора Куракиныхъ капельмейстеромъ, Михаиломъ Дубнымъ. Онъ былъ нѣсколькими годами старше меня, но мы съ нимъ близко сошлись и уходили отъ разгулявшейся компаніи въ лѣсъ. Дубный, недавно пріѣхавшій изъ Праги, плохо говорилъ и писалъ по русски, а потому пожелалъ, чтобы я его обучилъ по русски писать и правильно говорить, а меня онъ предполагалъ обучить играть на скрипкѣ. Лѣтомъ, въ воскресные и праздничные дни, когда я бывалъ въ лѣсу, онъ приходилъ ко мнѣ и приносилъ съ собою скрипку, но больше мы сидѣли въ пчельникѣ за книгами. Зимою же онъ часто пріѣзжалъ ко мнѣ на квартиру и проживалъ дня по два. Его ученіе русскому письму, шло быстро, мое же ученіе на скрипкѣ не подвигалось впередъ, сколько онъ со мною ни бился: я не обладалъ музыкальнымъ слухомъ и не имѣлъ горячаго желанія выучиться, такъ что онъ однажды разсерженный моей безтолковостью, сказалъ: „я такого безтолковый шаловѣкъ сроду не видалъ!“ и такимъ образомъ мое музыкальное обученіе прекратилось, хотя мы остались самыми лучшими друзьями.

Въ одно время я былъ откомандированъ, какъ секретарь или просто письмоводитель къ управляющему Саратовской удѣльной конторой, сколько помню Часовникову, пріѣхавшему ревизоромъ имѣній Волконскихъ и удѣльныхъ Балашевскаго уѣзда. У него заболѣлъ его секретарь и меня прикомандировали къ нему взамѣнъ секретаря или лучше письмоводителя, и я проѣздилъ съ нимъ около шести недѣль. Объ этой командировкѣ я не буду говорить. Теперь же скажу, что въ это время капельмейстеръ, австрійскій подданный. Михаилъ Дубный экстренно женился на премиленькой любимой имъ дѣвушкѣ, дочери крѣпостного приказчика. Когда я возвратился изъ сказанной командировки, онъ позвалъ меня къ себѣ на новоселье, чтобы по-

знакомить меня со своею молоденькою женою. Оба встрѣтили меня весело, съ распростертыми объятіями, но я ни какъ не могъ развеселиться. Это имъ было непонятно.— почему я не радуюсь такому счастливому событію?..... Его, Михаила Дубнаго, никто не предупредилъ, что въ Россіи существовалъ законъ: кто бы ни женился на крѣпостной дѣвушкѣ, долженъ сдѣлаться крѣпостнымъ того владѣльца, кому принадлежала дѣвица. Какъ извѣстно, подобное событіе разбило всю жизнь мою и моей матери. Въ первое время, не желая мѣшать ихъ счастію, я ничего имъ не сказалъ объ этомъ. При вторичномъ свиданіи я передалъ Дубному это, разсказавъ ему свою исторію моего отрочества. Онъ страшно былъ взволнованъ этимъ извѣстіемъ и не зналъ, что дѣлать. Писалъ князю Куракину въ Петербургъ, прося выдать женѣ его вольную, обѣщалъ выкупъ, что прежде часто практиковалось, но не получилъ никакого отвѣта. Въ это время управляющій Куракинскимъ имѣніемъ, у котораго Дубный училъ дѣтей музыкѣ и былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, былъ уволенъ и замѣненъ другимъ управляющимъ изъ военныхъ, который вскорѣ показалъ Дубному свою начальническую власть. Мы крѣпко испугались, или лучше, оба предались большему отчаянію и порѣшили, что онъ долженъ немедленно бѣжать въ Богемію и оставить жену, которую послѣ можетъ быть какъ нибудь удастся препроводить туда же. На расходы по этому предмету препровожденія его жены, онъ оставилъ мнѣ собранные имъ 100 р. Чрезъ нѣсколько дней онъ исчезъ и, имѣя заграничный паспортъ, легко добрался до Праги. Оттуда писалъ мнѣ, а чрезъ меня женѣ своей письма, полныя отчаянія и въ нихъ слезно просилъ, чтобы я какъ-нибудь выслалъ жену до Варшавы.

Послѣ многихъ розысковъ и разспросовъ я познакомился съ старообрядцемъ Духоборомъ, устраивающимъ побѣги десятками большею частію въ Бессарабію своихъ единовѣрцевъ. Онъ взялся и Дубную отправить, но только въ Галацъ, а не въ Варшаву, за 100 руб. Послѣ переписки Михайло Дубный и на это согласился. Въ большую, из-

вѣстную и теперь, двухнедѣльную покровскую многолюдную ярмарку въ с. Бѣковѣ, собиралось множество купцовъ разныхъ національностей. Туда у управляющаго выпросилась Дубная, а оттуда Духоборъ отправилъ ее, я уже не знаю какимъ образомъ, въ Галацъ, до котораго она съ разными приключеніями достигла сравнительно благополучно. Туда пріѣхалъ ея мужъ съ паспортомъ и для нея и быстро выѣхалъ изъ Галаца, уплативъ еще агентству Духобора 25 рублей. Такимъ образомъ онъ и она избавились отъ крѣпостного ига и зажили, какъ они писали мнѣ потомъ, довольно благополучно. Переписка наша длилась еще года три-четыре: письма эти, боясь дурныхъ послѣдствій, я уничтожалъ; хотя долженъ сказать, что жену Дубнаго даже и не искали чрезъ полицію или искали неусердно и конечно безъ послѣдствій. Спрашивали меня, слѣдовательно и на меня падало нѣкоторое подозрѣніе въ побѣгѣ Дубновой. Теперь кажется невѣроятнымъ, чтобы существовалъ такой жестокій законъ: но онъ, опрокинувшій всю мою жизнь, могъ еще болѣе жестоко отразиться на жизни Дубновыхъ.

XXI.

Освобожденіе меня отъ завѣдыванія д. Мокшанцевой.—Занятіе однимъ контролемъ вѣдомостей и ученіемъ дѣтей.—Мое желаніе во чтобы то ни было учиться.—Ученіе у семинаристовъ, пріѣзжающихъ на каникулы и у священника за особую странную плату.—Предложеніе поступить въ винный откупъ.—Мои разныя командировки.—Разбойничье село Поимъ.

Около этого времени я былъ освобожденъ отъ завѣдыванія деревней Мокшанцевой и занимался только контролемъ вѣдомостей и обученіемъ дѣтей управляющаго, а иногда былъ посылаемъ въ разные имѣнія и города по дѣламъ имѣнія. Но все-таки у меня оставалось довольно свободнаго времени и тутъ первоначальное мое намѣреніе выучиться грамматикѣ, катехизису усилилось еще болѣе и до того овладѣло мною, что я забросилъ и

рыбную ловлю, и охоту и все свободное время посвящалъ ученію, а учиться въ глуши было не у кого. Семинаристы, дѣти и внучата, пріѣзжавшіе къ старому нашему священнику на лѣтнія каникулы, были моими хорошими друзьями и чѣмъ могли помогали мнѣ, но пребываніе ихъ на каникулахъ было непродолжительно, почему лѣтнее время немного помогало мнѣ.

Послѣ нѣкотораго разсужденія обратился къ сосѣднему священнику с. Анничкина отцу Іоанну, бывшему учителю русскаго языка въ Петровскомъ духовномъ училищѣ (бурсѣ) и удаленному изъ него, кажется по любви къ выпивкѣ. Село Анничкино отстояло отъ Софіевки верстахъ въ двухъ. Къ этому то священнику ходилъ я раза два въ недѣлю провѣрять свои познанія и получать его наставленія. Онъ по своей добротѣ охотно занимался со мною, но мнѣ тяжело было, что я не имѣлъ возможности отблагодарить его какъ слѣдуетъ. На предложенный мною вопросъ объ этомъ, онъ отвѣтилъ:

— Никому не тайна, что я люблютаки выпить благовременно, а можетъ быть и не благовременно, но моя попадья не даетъ мнѣ ни капли и только и выпьешь что на требахъ иногда послѣ воздержанія и больше того, сколько слѣдовало бы, а ты, идя мимо Анничкинскаго кабака, покупай мнѣ шкаликъ водки (5 коп. ассигнац.) и приноси въ карманѣ по секрету отъ попадьи, вотъ это и будетъ твоя плата за ученье.

Такимъ образомъ я каждый разъ, идя мимо кабака, бралъ запечатанный шкаликъ водки въ карманъ и несъ къ батюшкѣ, который занимался со мною въ садикѣ, во время лѣта гдѣ у него былъ небольшой пчельникъ. Училъ онъ меня охотно и частью выпивалъ, а частью сохранялъ подъ деревомъ оставшуюся водку. Это дѣлалось съ большою осторожностью отъ матушки. Но тайну легко было сохранять лѣтомъ, когда преподаваніе шло въ садикѣ, гдѣ жужжали его пчелы, но зимою, когда приходилось заниматься въ его скромномъ домикѣ, это было уже труднѣе. Я этотъ шкаликъ долженъ былъ ему передавать такъ, чтобы не видала матушка, но она стала догадываться, потому бо-

лѣе, что послѣ ухода моего, батюшка дѣлался веселѣе и еще потому что она нашла нѣсколько шкаликовъ въ саду, заброшенныхъ въ бурьянъ. Тогда я былъ разлученъ матушкою съ моимъ учителемъ, но ненадолго, и когда мы чистосердечно раскаялись ей и я далъ ей клятву, что не буду больше приносить батюшкѣ водку, и мы уговорились съ нимъ, что я буду платить ему каждый разъ за урокъ по 5 коп., а онъ самъ поступалъ съ деньгами, полученными за урокъ, по своему усмотрѣнію. Ученіе на этихъ условіяхъ могло продолжаться, но я въ это время получалъ разныя командировки и уѣзжалъ на болѣе или менѣе длинные сроки изъ имѣнія, а батюшку перевели въ другой приходъ и ученье прекратилось.

Здѣсь же долженъ я сказать о томъ, что тогда по распоряженію тогдашняго Саратовскаго откупщика Кокарева, водка продавалась, подобно теперешнему, въ запечатанной посудѣ. Кокаревъ, разъѣзжая по своему откупному царству, въ томъ числѣ и по Сердобскому уѣзду, останавливался часто въ селѣ Бабарикинѣ, находящемся на большой дорогѣ въ лучшемъ въ тогдашнее время постояломъ дворѣ, принадлежавшемъ откупившемуся на волю крестьянину, сколько помню, Николаю Шишкину. У него былъ сынъ, довольно смышленный мальчикъ лѣтъ 15—16 Иванъ, который ходилъ ко мнѣ и я преподавалъ ему чистописаніе и первыя четыре правила ариѳметики. Этотъ мальчикъ по просьбѣ отца былъ взятъ Кокаревымъ къ себѣ. Не помню чрезъ сколько времени, кажется года черезъ три, Иванъ нашъ возвратился уже Иваномъ Николаевичемъ въ шикарномъ костюмѣ и въ большой должности по откупной администраціи, получая значительное жалованье, кажется около 600 руб. въ годъ. Онъ началъ уже покровительствовать мнѣ, предлагая мѣсто въ г. Сердобскѣ частнымъ повѣреннымъ по 20 руб. въ мѣсяцъ—въ то время плата большая, въ особенности въ сравненіи съ моимъ ничтожнымъ жалованьемъ, при томъ съ надеждою на скорое повышеніе. Я не далъ ему рѣшительнаго слова и не могъ его дать, такъ какъ былъ крѣпостнымъ, но надѣялся выйти на оброкъ, съ платою

рублей 40 въ годъ. Для знакомства съ моимъ новымъ мѣстомъ я выпросился въ г. Сердобскъ, будто бы для леченія лихорадки, но собственно для того, чтобы посмотрѣть на мои новыя обязанности и, когда присмотрѣлся къ нимъ, въ особенности на предлагаемую должность частнаго повѣреннаго, то отряхая прахъ съ ногъ, порѣшилъ тотчасъ же бѣжать отъ всякаго соприкосновенія съ откупомъ. Обязанности частнаго повѣреннаго заключались въ томъ: я долженъ былъ неусыпно строго слѣдить за сидѣльцами и строго наказывать, если онъ сдѣлаетъ какое нибудь уклоненіе отъ данной имъ инструкціи; для чего должно производить разныя ухищренія, не всегда чистыя, лишь бы только, если не поймать, то замѣтить въ чемъ либо сидѣльца, хотя бы въ первой попыткѣ сдѣлать какое либо уклоненіе отъ принятыхъ обязанностей, за что онъ не смотря ни на семейное положеніе, ни на другія обстоятельства, тотчасъ же удалялся съ занимаемаго имъ мѣста и въ пользу откупа оставался весь внесенный имъ залогъ,— таковы были письменныя условія. Это обстоятельство и множество другихъ мнѣ казались не только не симпатичными, но даже отвратительными и я, не смотря на всѣ увѣщанія моего ученика остаться и послужить хотя полгода частнымъ повѣреннымъ, а потомъ получить старшаго повѣреннаго,— отказался. Самъ Кокаревъ сулилъ мнѣ повышеніе по лѣстницѣ винной администраціи и большое возвышеніе въ жалованьи. Но все это не могло меня убѣдить и я разстался съ ученикомъ моимъ и съ Кокаревымъ на всегда, хотя видѣлъ въ Саратовѣ ученика своего, разъѣзжающаго на парѣ кровныхъ лошадей въ своемъ экипажѣ.

Здѣсь скажу еще нѣсколько словъ о менѣе значительныхъ событіяхъ, при возлагаемыхъ на меня разными поѣздками и порученіями.

Въ Софійскомъ имѣніи, Репьевка тожъ, было 250 тяглъ, состоящихъ изъ мужа и жены, 250 мужчинъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, сушильщиковъ въ овинахъ хлѣба, обмолочиваемаго въ ригахъ бабами цѣпами и другихъ немногихъ, остальные мужики

должны были въ зиму отвезть 4—5 одноконныхъ подводъ проданнаго хлѣба по преимуществу въ Моршанскъ, а иногда, и въ Саратовъ. Оба города отстояли отъ Софіевки въ 200 верстахъ. Отвозимый хлѣбъ долженъ былъ слѣдовать по разъ избранному пути и между прочимъ проѣзжать черезъ богатое селеніе Понмъ, сколько помню, принадлежащее графу Шереметьеву. Это было большое, съ бойкою торговлею селеніе; въ коемъ было не мало двухъэтажныхъ домовъ, крытыхъ желѣзомъ, а также было нѣсколько маслобоенъ, крупо и пшено рушекъ, мельницъ и т. п. Селеніе это пользовалось незавидною репутаціею, слыло въ простонародьи разбойничьимъ и отличалось грабежами и убійствами: почти каждую зиму въ немъ было нѣсколько убійствъ и грабежей. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось въ немъ останавливаться, но я, зная худую славу Понма, большею частію старался останавливаться въ немъ днемъ, для покормки лошадей: но одинъ разъ черезъ снѣгъ и мятель, долженъ былъ тамъ остановиться ночевать, въ постояломъ дворѣ, нанимаемомъ мѣщаниномъ. Часовъ около 11-ти ночи, ударили въ набатъ въ двухъ церквяхъ.

— Что это? спрашиваю я.

— Знамо, говорятъ, пожаръ.

Но хозяева, постоявъ у воротъ, пославъ работниковъ на пожаръ, сами возвратились въ домъ. Съ ними я вышелъ за ворота. Это меня удивило и я ихъ спрашиваю:

— Что-же вы не идете на пожаръ?

— За чѣмъ? отвѣчаютъ хозяева, на будущій годъ тотъ у кого пожаръ, пойдетъ въ орду за гуртами.

Я спросилъ хозяина, что это значитъ: „пойдетъ въ орду за гуртами.“

— Много будешь знать—скоро состаришься и, не сказавъ болѣе ни слова, легъ въ другой послѣдней комнатѣ на постель и скоро заснулъ.

По уходѣ хозяина я пристадъ къ сыну, чтобы онъ растолковалъ мнѣ значеніе словъ: „пойдетъ въ орду за гуртами.“

Будучи молодымъ словоохотливымъ малымъ, онъ сказалъ:

— Значитъ успокоилъ кого-нибудь съ большими деньгами, свалилъ убитаго или убитыхъ въ яму въ овинѣ и зажегъ, а лошадей вывелъ на дорогу, пригудивъ ихъ хорошенько. Пограбивъ должно быть не малую толику денегъ, значитъ пойдетъ въ орду за гуртами, а можетъ быть и не пойдетъ, а займется съ деньгами чѣмъ нибудь другимъ, но у насъ уже такая пословица: пойдетъ въ орду.

— Да вѣдь чрезъ это могутъ сгорѣть другіе дома?

— Да развѣ ты не видишь, что овины стоятъ на отшибѣ, да и вообще мы строимся съ проулками между построекъ, къ тому же содержимъ обществомъ, при содѣйствіи графа, хорошую пожарную команду. Сказавъ это, онъ тотъ часъ же завалился спать.

Всѣ говорили, что непріятно было останавливаться въ Поимѣ и кромѣ того Поимцы пошаливали и на дорогѣ. Послѣ, говорятъ, хотя я самъ лично этого не видалъ и не знаю, что на каждые 10 дворовъ были назначены десятники изъ отставныхъ солдатъ, которые узнавали въ каждомъ дворѣ сколько остановилось на ночь и сколько выѣхало. Также говорили тогда, что расходъ по найму десятниковъ графъ, по распоряженію административныхъ властей, долженъ былъ принять на свой счетъ и потомъ послѣ уже взыскивать съ крестьянъ.

Я разъ пять или шесть ѣздилъ въ Моршанскъ, сдавать, проданный хлѣбъ, получать деньги за него и отправлять оттуда прямо въ Петербургскую контору. При этомъ случалось слѣдующее: хотя по условію двѣ трети всѣхъ слѣдуемыхъ денегъ за проданный хлѣбъ покупатель долженъ платить для удобства пересылки по почтѣ ассигнаціями, но иногда по изобилію золота и серебра въ данную минуту не могъ этого сдѣлать; ожидать пока онъ соберетъ бумажки не было времени, и потому получалось больше условленнаго количества не только золотою монетою но и серебряною, но такъ какъ тогдашнее тяжеловѣсное серебро почти что невозможно было отправлять по почтѣ,

и съ собою везти его неудобно, то приходилось мѣнять звонкую монету на ассигнаціи и платить, какъ называлось тогда, лажъ, по 2—3, а иногда и по 4 коп. за промѣнянный рубль. Лучше и исправнѣе другихъ въ этомъ отношеніи были Моршанскіе купцы Плотицыны: большинство стариковъ Плотицыныхъ были скопцы. Огромный одноэтажный каменный домъ со многими дверьми стоялъ среди двора, огороженнаго въ родѣ крѣпости каменною стѣною. Подвалъ съ тяжелою желѣзною дверью, съ сводчатымъ верхомъ стоялъ около дома. Въ этомъ подвалѣ деньги стояли въ ящикахъ изъ толстаго желѣза, закопанныхъ въ землю. Старики Плотицыны будто бы вели свой счетъ такимъ оригинальнымъ образомъ: при началѣ операціоннаго года брали деньги изъ полныхъ ящиковъ, потомъ получаемыя клали въ ящики. Если ящики по прежнему были только полны и ничего не оставалось, то значитъ не было въ этомъ году барышей. Деньги же, не вмѣщавшіеся въ ящики, считались барышами. Убытковъ, говорятъ, никогда у нихъ не было. Можетъ быть это только вымышленное преданіе, но оно стояло прочно,— объ этомъ говорили всѣ. Старики Плотицыны жили особнякомъ уединенно, ни у кого не бывали и въ свое общество никого не принимали, кромѣ людей, имѣющихъ торговое дѣло. Говорили, что нѣкогда всѣ поголовно, жившіе въ ихъ дворѣ мужчины и женщины были кастрированы, хотя на дворѣ видны были бѣгающія дѣти, но полагали, что этихъ дѣтей покупали на сторонѣ. Насколько въ этомъ правды, не могу сказать и передаю это, какъ тогда твердо стояли слухи, зная только, что по этому случаю былъ длинный процессъ, который будтобы стоилъ Плотицынымъ громадныхъ денегъ. Прибавляю, что Плотицыны были самыми исправными плательщиками безъ придирокъ и аккуратно всегда платили деньги, за купленный ими хлѣбъ. Теперь извѣстно, что дѣти или внучата, ихъ ли дѣтей или купленныхъ и усыновленныхъ, получа отъ стариковъ около 100000 десятинъ земли и нѣсколько милліоновъ денегъ, заведя на англійскій манеръ хозяйство, разорились и теперь не имѣютъ ничего.

XXII.

Первое безразсудное но серьезное увлеченіе и первая неудачная или лучше несчастная любовь—она кончилась печальною развязкою, сдѣлавшая глубокую рану моей нравственности.

Берусь за перо, чтобы здѣсь опять съ тяжелымъ чувствомъ писать объ отрадномъ чувствѣ на нѣкоторое время заставившемъ забыть мое одиночество и глубоко тогда взволновавшемъ мою жизнь, какъ будто-бы принявшую правильное теченіе, но быстро окончившееся страннымъ разочарованіемъ и долго терзавшею меня тоскою, долго преслѣдовавшею меня тѣмъ болѣе, что она произошла по моему чистому и глубокому увлеченію, а увлеченія у такихъ бѣдняковъ и безпріютныхъ, какъ я никогда не должно быть. Но со мною случилось то, что почти всегда бываетъ съ двадцатилѣтними мужчинами: я влюбился первою, горячею невинною, искреннею любовью въ красивую дѣвушку, глубокую брюнетку, съ великолѣпными голубыми глазами, что у брюнетокъ бываетъ очень рѣдко, съ чудною косою, съ бѣлымъ румянымъ лицомъ. Она была старше меня года на четыре, состояла въ какомъ-то дальнемъ родствѣ съ управляющимъ, но служила у него хозяйкою, какъ тогда говорили, „ходила въ ключахъ;“ прежде была нянькою и почти что вынянчила всѣхъ тропхъ дѣтей, теперешнихъ моихъ учениковъ. Я – какъ учитель, она, какъ хозяйка часто встрѣчались и иногда просиживали въ буфетѣ съ глазу на глазъ; меня къ ней тянула какая то сверхъестественная сила, причемъ я замѣчалъ, что и она встрѣчалась со мною почти съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Такимъ образомъ у насъ возникла горячая платоническая любовь, и мы были счастливы. Она кажется сама боялась своего увлеченія и часто твердила.

— Не обидь меня, не сдѣлай несчастной, вѣдь я сирота и живу у моей барыни, которая почему то меня не долюбливаетъ.

— Что ты это вздумала, чтобы я тебя обидѣлъ. Я люблю тебя и буду любить чистою, святою любовью и чуть-ли въ этомъ не поклялся даже тѣнью моей матери.

И дѣйствительно я полюбилъ ее первою, глубокою, чистою любовью, не думая никогда прикоснуться къ ней съ какими либо дурными намѣреніями. Она мнѣ вѣрила

Настала весна, какъ я уже и прежде описывалъ, въ тѣхъ мѣстахъ съ изобиліемъ садовъ, всегда прекрасная: послѣдняя была особенно хороша, можетъ быть потому еще, что мы были счастливы любовью. Мы почти чуть не каждый вечеръ, иногда часовъ до 11—12 гуляли или въ укромныхъ уголкахъ двухъ большихъ садовъ или въ рощахъ, окружающихъ усадьбу. Соловьи свистали неумолкаемо, изъ усадьбы доносились хороводныя пѣсни дворни. Но, увы! наступилъ конецъ нашей чистой любви; мы слишкомъ довѣряли себѣ и въ одинъ прекрасный майскій вечеръ, въ какомъ-то одурѣніи, какъ то нежданно для себя и святая любовь отлетѣла..... Она сѣла на ближайшую скамейку и плакала навзрыдъ, какъ дитя; я, ставши на колѣни и уткнувшись въ ея платье, тоже плакалъ. Тутъ я понялъ, что поступокъ этотъ можетъ быть исправленъ только женитьбой, я нѣсколько разъ просилъ управляющаго дозволить мнѣ жениться, но онъ всегда принимался строго выговаривать мнѣ и бранить и однажды даже замахнулся на меня палкою, приговаривая:

— Я тебя научу, какъ приставать ко мнѣ съ этою просьбою, мальчишка; тебя надо выпороть за всѣ эти продѣлки, а ты знаешь, что я имѣю на это полное право. Ни у тебя, ни у ней нѣтъ ничего, кромѣ глупостей въ головѣ. А что скажетъ Аграфена Яковлевна (моя сводная сестра въ Петербургѣ, начавшая хлопотать объ отпускѣ меня на волю). Убирайся, чтобы я не слыхалъ болѣе этихъ глупостей.

Жена управляющаго перестала со мною говорить, хотя я по прежнему приходилъ заниматься съ дѣтьми.

Переживая это горькое время, я по прежнему въ свободные часы мыкалъ грусть мою на берегу Хопра въ лѣсу, ловя рыбу и охотясь съ ружьемъ. Но ни что не помогало. Чѣмъ болѣе я думалъ, тѣмъ болѣе не несмотря ни на что рѣшался жениться на моей возлюбленной. Скорому исполненію этаго твердаго намѣренія помѣшало нижеописанное обстоятельство.

XXIII.

Пріѣздъ жандармскаго полковника изъ Петербурга для ревизіи Софіевскаго имѣнія и Балашовскаго удѣльнаго приказа, а главное для разслѣдованія о побѣгахъ молоканъ и старообрядцевъ, а чрезъ нихъ и православныхъ—за Дунай.—Мое назначеніе къ нему въ качествѣ письмоводителя.—Неожиданный прежде окончанія дѣлъ отъѣздъ полковника.—Оставленіе всѣхъ бумагъ на моихъ рукахъ и распоряженіе ѣхать съ бумагами за нимъ въ Петербургъ —Сдача бумагъ г. Кофторадзеву, дѣлопроизводителю графа Перовскаго.

Въ Софійское имѣніе пріѣхалъ изъ Петербурга молодой жандармскій полковникъ, сколько могу припомнить, Ростовцевъ (имя и отечество совершенно забылъ). Вообще я въ молодости не обладалъ и теперь не обладаю памятью собственныхъ именъ и фамилій, даже не ручаюсь, правильно ли назвалъ фамилію полковника. Теперь я страшно жалѣю объ уничтоженномъ мною дневникѣ, гдѣ подробно было все описано. Полковникъ (такъ я буду называть его далѣе) по рекомендаціи управляющаго Саратовскою удѣльною конторою г. Часовникова, взялъ меня къ себѣ въ секретари или письмоводители. Часовниковъ меня зналъ, потому что я у него по случаю болѣзни секретаря, исправлялъ ту же обязанность, при обревизированіи имъ Балашовскаго удѣльнаго приказа и нѣкоторыхъ имѣній князей Волконскихъ. Полковникъ говорилъ, что онъ имѣетъ не мало секретныхъ важныхъ порученій. Управляющій имѣнія Пурлевскій ручался за мою скромность и молчаніе. Я послѣ узналъ, что полковникъ былъ посланъ не столько для ревизіи имѣній, сколько для изученія вопроса о множествѣ побѣговъ крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ, по преимуществу изъ старообрядцевъ безпоповцевъ и молоканъ. Хотя побѣги были и съ другихъ уѣздовъ Саратовской губерніи, но болѣе бѣжало изъ Балашовскаго и Сердобскаго уѣздовъ, и по собраннымъ свѣдѣніямъ въ послѣдніе три года изъ этихъ уѣздовъ уходило въ бѣга ежегодно около 300 человѣкъ. Въ послѣдствіи также дознано и доказано, что бѣглецы сначала направлялись въ Бессарабію, нѣкоторые тамъ оставались, а немало оттуда уходило чрезъ Дунай въ Турцію, гдѣ на-

ходили пріютъ у прежде ушедшихъ туда старообрядцевъ и некрасовцевъ (запорожцевъ, ушедшихъ за Дунай послѣ уничтоженія сѣчи при Екатеринѣ II). Свѣдѣніями, собранными полковникомъ, дознано, что побѣги организовались тѣмъ молоканомъ, который препроводилъ въ Галацъ Дубную (жену Куракинскаго капельмейстера, какъ было выше описано) и еще двумя лицами, тоже изъ старообрядцевъ. Изъ нихъ двое тотчасъ же были пойманы и посажены въ острогъ. У нихъ были почти вездѣ агенты и устроены этапы въ лѣсахъ или большихъ селахъ у старообрядцевъ. На одномъ изъ рукавовъ Дуная въ укромномъ мѣстѣ была какая-то мельница, хозяинъ которой переправлялъ бѣглыхъ на другой берегъ Дуная, въ Турцію. Всѣ дознанія полковникомъ производились въ Балашовѣ. Кромѣ главнаго руководителя побѣговъ и другіе его помощники были розысканы, схвачены, отправлены и заключены уже не въ Балашовскій острогъ, а въ Саратовскій и ихъ велено содержать тамъ отдѣльно до пріѣзда полковника. Въ уѣздахъ еще производились розыски и вмѣстѣ съ этимъ шла ревизія Балашовскаго удѣльнаго приказа.

Въ одну ночь прискакалъ изъ Кишинева какой-то чиновникъ, съ бумагою. Послѣ полученія бумаги отъ чиновника и бесѣды съ нимъ съ глазу на глазъ, полковникъ объявилъ мнѣ, что ѣдетъ въ Кишиневъ и можетъ быть возвратится оттуда недѣли черезъ двѣ, и что я долженъ ожидать его въ Балашовѣ и заняться повѣркою подворныхъ описей балашовскихъ удѣльныхъ крестьянъ.

Тогдашнія подворныя описи были очень подробны: онѣ заключали въ себѣ около 20 графъ, въ коихъ сначала обозначалось количество душъ рабочихъ и не рабочихъ, количество хлѣба въ зернѣ и снопахъ, достатокъ его или недостатокъ до новаго урожая, постройки и качество ихъ, количество рабочихъ лошадей и молодыхъ, рогатаго скота, овецъ, свиней и даже птицы; платимыя подати, недоимка податей, общая характеристика хозяина и т. д. Дѣлали эти описи: голова въ удѣльныхъ имѣніяхъ, а бурмистръ — владѣльческихъ; староста и двое или трое доб-

росовѣстныхъ крестьянъ ходили изъ двора въ дворъ, не пропуская ни одного, считали имущество крестьянъ, а писарь заносилъ ихъ въ соотвѣтствующія графы. Я съ этими описями былъ знакомъ еще по имѣніямъ Волконскихъ; одну изъ такихъ описей производилъ и составлялъ я. Составленіе ихъ при извѣстной системѣ занимало времени не такъ много, какъ съ перваго взгляда кажется, такъ напримѣръ: въ селѣ Софіевкѣ что-то около 300 дворовъ— я обошелъ и записалъ, сколько помню, въ 3—4 дня. Подобныя описи теперь бы очень годились для земской статистики, формы ихъ можно было бы получить изъ архива бывшаго Балашовскаго удѣльнаго приказа или изъ бумагъ Софіевскаго имѣнія Волконскихъ (Саратовской губ. Сердобскаго уѣзда); да и я могъ бы указать ихъ формы изъ памяти.

Полковникъ чрезъ двѣ недѣли, какъ обѣщалъ, не возвратился въ Балашовъ, но отъ него получено было письменное распоряженіе, по коему я немедленно долженъ собрать всѣ бумаги, разобрать ихъ на два отдѣла: на слѣдственный по дѣлу о старообрядцахъ и по ревизіи имѣній Балашовскаго приказа, ѣхать съ ними въ Саратовъ. Въ удѣльной конторѣ я долженъ былъ справиться, гдѣ могу видѣть полковника. Пріѣхавъ въ Саратовъ, я уже не засталъ тамъ полковника; онъ по какому то экстренному дѣлу уѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ я нашелъ распоряженіе, чтобы всѣ бумаги, бывшія у меня изъ Балашова и, взявъ еще всѣ относящіеся къ этому дѣлу изъ Саратовской удѣльной конторы, ѣхалъ-бы немедленно въ Петербургъ и узналъ-бы о немъ въ министерствѣ удѣловъ. Но и въ Петербургѣ я не засталъ полковника: онъ экстренно былъ куда-то командированъ. Отъ правителя дѣлъ удѣльнаго отдѣленія, сколько помню, Кофторадзева я узналъ, что всѣ бывшія у меня бумаги долженъ сдать ему. Послѣ сдачи бумагъ мнѣ указали небольшую комнату и сказали, что швейцаръ будетъ носить мнѣ пищу изъ кухмистерской. Два дня меня никуда не требовали и я ихъ употребилъ на несмѣлое знакомство съ Петербургомъ, конечно каждый разъ по утру являясь къ Кофторадзеву спрашивать его разрѣшенія отлучиться.

XXIV.

Первый пріѣздъ мой въ Петербургъ.—Свиданіе съ сводной сестрой А. Я. Кичигиной.—Кто она.—Обмундированіе мое на ея счетъ.—Отказъ чиновниковъ отъ разбора привезенныхъ мною бумагъ.—Я самъ рѣшаюсь ихъ разобрать и составить докладъ.—Первый докладъ по Софіевскому имѣнію князей Волконскихъ.—Чихачевъ и его имѣнія.—Чихачевскій главноуправляющій и двойная бухгалтерія.

Нечего и говорить, что, попавъ первый разъ въ столицу, я былъ подавленъ разными впечатлѣніями, которыхъ описывать не буду, вопервыхъ, потому, что я никогда не дѣлалъ складныхъ и хорошихъ описаній видѣннаго и, во вторыхъ, потому что скоро перезабывъ первыя впечатлѣнія, безъ дневника не могъ возстановить ихъ и они почти изгладились изъ моей памяти; къ тому же по неопытности я не могъ всюду проникнуть: костюмъ мой и безъ того незавидный, дорогою совершенно потерся; деньги, оставленныя мнѣ полковникомъ, почти всѣ были израсходованы. Въ такомъ костюмѣ я боялся явиться во дворецъ, гдѣ жила моя сводная сестра Аграфена Яковлевна Кичигина — самая близкая къ княгинѣ Софьи Григорьевнѣ Волконской (первой статсъ-дамѣ при императрицѣ), занимавшая по случаю отсутствія княгини всѣ ея аппартаменты. Узнавъ роль, какую играла сестра, я, не смѣя лично явиться къ ней, рѣшился написать ей письмо, что я нахожусь въ Петербургѣ и по какому случаю туда попалъ, но не смѣю къ ней явиться, потому что костюмъ мой по случаю дальняго пути былъ плохъ. Сверхъ ожиданія, я вскорѣ получилъ съ нарочнымъ небольшую записочку отъ нея, въ коей она приглашала меня придти къ ней съ этимъ же посланнымъ. Онъ провелъ меня съ какого-то дальняго, должно быть задняго, но великолѣпнаго крыльца. Повторяю, костюмъ мой былъ ниже критики и въ немъ стыдно было идти. Она вышла ко мнѣ въ переднюю. При первомъ появленіи ея, она окинула меня какимъ-то презрительнымъ взглядомъ и вскрикнувъ, сказала:

— Мнѣ даже странно, что ты выглядываешь такимъ яборванцемъ, а между тѣмъ я хлопочу у графа Перовскаго объ освобожденіи тебя на волю, и слышу о тебѣ хорошіе отзывы

У меня захолонуло подъ сердцемъ и я, какъ умѣлъ, поблагодарилъ ее, и мѣшаясь принужденъ былъ разсказать, какъ я попалъ сюда, повторяя почти все, написанное въ письмѣ къ ней.

Сейчасъ же былъ позванъ портной и съ меня была снята мѣрка въ особенной комнатѣ, предъ великолѣпнымъ зеркаломъ и предъ франтомъ портнымъ я еще болѣе робѣлъ. Портному вѣроятно, приказано было осмотрѣть и бѣлье мое, которое было хуже верхняго костюма. Я совершенно растерялся и портной морщась вертѣлъ меня, какъ какую-нибудь неодушевленную вещь. Послѣ того, какъ портной снялъ съ меня мѣрку и ушелъ, сестра моя вошла въ ту комнату, гдѣ снималась съ меня мѣрка. Долго всматриваясь въ мое, скажу безъ похвалы, двадцатилѣтнее, довольно симпатичное лицо, и какъ будто бы иронически улыбнулась моей робости и костюму, болѣе милостиво прибавила:

— Когда будетъ готовъ костюмъ приходи ко мнѣ, а то мнѣ стыдно принимать тебя въ такомъ оборванномъ видѣ. Скажи портному твой адресъ и послѣ завтра онъ принесетъ тебѣ платье.

На третій день мнѣ говоритъ г. Кофторадзевъ, что привезенными бумагами изъ Балашова, очень интересуется графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, но онѣ, къ сожалѣнію, составляютъ сырой разбитый матеріалъ, разбираться въ которомъ ни одинъ чиновникъ не рѣшается, а полковникъ, отправившійся въ дальнюю командировку, не скоро воротится; впрочемъ онъ тебя рекомендовалъ, какъ смышленнаго человѣка, могущаго оказать нѣкоторую помощь при разборѣ бумагъ, при чемъ г. Кофторадзевъ прибавилъ, что онъ такъ и доложилъ министру.

— Позвольте мнѣ попробовать, ваше превосходительство, сказалъ я, кажется, что я могу привесть ихъ въ болѣе или менѣе должный порядокъ.

— Съ удовольствіемъ, любезный, я прикомандирую къ вамъ чиновника. (Онъ по перемѣнно говорилъ мнѣ и „ты“ и „вы.“)

Я тутъ же смекнулъ, зная, что такое прикомандированный чиновникъ: онъ будетъ сидѣть и глядѣть на меня, а потомъ присвоитъ мой трудъ себѣ.

— Позвольте, говорю, ваше превосходительство, мнѣ одному въ моей комнаткѣ заняться, пока приведу бумаги въ нѣкоторый порядокъ.

Кофторадзевъ согласился. Ко мнѣ въ мою комнату принесли всѣ бумаги, привезенныя мною изъ Балашова, съ добавленіемъ бумагъ, собранныхъ полковникомъ въ Кишиневѣ и Саратовѣ. Всѣ бумаги, слегка подобранныя мною прежде, были смѣшаны и разбиты чиновниками вѣроятно умышленно, чтобы показать невозможность ихъ разбора и извлеченія чего-нибудь путняго.

Я принялся съ усердіемъ за разборъ бумагъ; вставалъ рано и проводилъ чуть не цѣлый день за работой и часто просиживалъ надъ ними до полуночи. Ко мнѣ въ комнату часто приходили чиновники, какъ бы знакомиться со мной, но полагаю скорѣе смотрѣть, какъ на чудака провинціала, взявшагося разобрать и привесть такой хаосъ бумагъ въ порядокъ и пояснить ихъ, отъ чего они поголовно отказались. Бумаги я предположилъ разбирать въ порядкѣ по времени посѣщеній разныхъ мѣстъ и имѣній. Мой планъ одобрилъ Кофторадзевъ, а потому я началъ съ Софіевскаго имѣнія, куда прежде всего пріѣхалъ полковникъ. Я переписалъ, написанную неразборчивою рукою полковника, записку, излагавшую его взглядъ на Софіевское имѣніе, прибавивъ къ ней изъ памяти, на словахъ слышанныя мною выражаемыя имъ мнѣнія и замѣчанія, присовокупивъ отъ себя кое-что изъ того, что мнѣ поручалось дѣлать полковникомъ. Отъ себя я указалъ на недостатки конторской отчетности и полной ея зависи-

мости отъ управляющаго, ведущаго кассовую книгу своею рукою. Для поясненія недостатковъ отчетности я приложилъ послѣднюю мѣсячную вѣдомость, взятую изъ Петербургскаго архива и сдѣлалъ на ней отъ себя замѣчанія, согласно словесному объясненію полковника. Въ концѣ присоединилъ подворную опись крестьянъ Софіевскаго имѣнія, присовокупляя отъ себя мнѣніе о благосостояніи крестьянъ сказаннаго имѣнія, — высказавъ, что и теперь, не смотря на неисполненіе многихъ основныхъ старыхъ распоряженій г. г. владѣльцевъ, ихъ благосостояніе сравнительно пошатнулось, но все-таки оно лучше всѣхъ окружающихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Намекнувъ коротко о многочисленности праздной дворни и о далеко не похвальной ея нравственности, укоренившейся послѣ отправки дѣвушекъ управляющимъ Зернхаузинымъ въ Саратовъ на фабрику. Окончивъ такимъ образомъ обозрѣніе Софіевскаго имѣнія, изложивъ все въ особой запискѣ, подшивъ бумаги, я передалъ для просмотрѣнія Кофторадзеву и въ тревожномъ ожиданіи мнѣнія его, принялся за такой же подборъ другихъ бумагъ.

Дня черезъ два Кофторадзевъ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ:

— Спасибо, подборомъ и объясненіями по Софіевскому имѣнію я доволенъ. Продолжай пожалуйста въ такомъ родѣ далѣе и нестесняйся прибавлять свои мнѣнія, но съ условіемъ, что-бы они были вполнѣ правдивы и соотвѣтствовали въ натурѣ обстоятельствамъ. Знай, что этимъ дѣломъ интересуется графъ Левъ Алексѣевичъ. За всякую неправду, могущую ввесть въ заблужденіе графа, тебѣ придется отвѣтить. Повторяю, тебѣ нужно разобрать бумаги и писать докладъ по порядку времени и по посѣщеніи мѣстъ, проѣханныхъ вами, а поэтому тебѣ придется коснуться, но коснуться подробнѣе имѣній г. г. Чихачевыхъ, которыми министръ, какъ личный другъ П. А. Чихачева, интересуется не менѣе, чѣмъ всѣми другими дѣлами. Такимъ образомъ мнѣ предстояло, уклониться отъ другихъ бумагъ и описать подробно имѣнія г. г. Чихачевыхъ.

Одобренный такимъ отношеніемъ Кофторадзева къ моему труду, я еще усерднѣе принялся за разборъ бумагъ и, по предположенному плану, приступилъ къ разбору ихъ, начавъ съ Балашовскихъ имѣній г.г Чихачевыхъ, куда мы пріѣхали изъ Софіевки. Эти два имѣнія,—Гусевка и Анновка принадлежали вдовѣ генеральшѣ Чихачевой и отстояли отъ Балашова въ 20—25 верстахъ. Они управлялись главноуправляющимъ, престарѣлымъ Н. В. Галпнымъ изъ с. Дуровки Сердобскаго уѣзда, выкрещеннымъ евреемъ, никогда не занимавшимся ни конторою, ни имѣніями,—главное занятіе его было—игра на мандолинѣ и чтеніе французскихъ романовъ. Онъ игралъ и писалъ лѣвою рукою и, какъ говорили тогда, да и я лично потомъ узналъ, что онъ и правою хорошо владѣлъ, но не писалъ по какимъ то причинамъ. Изъ всего этого ясно видно, что Галинъ былъ хитрый старикъ, успѣвшій чѣмъ-то заинтересовать и втереться въ довѣренность къ г-жѣ Чихачевой, которая съ настойчивостью отклоняла отъ управленія сына, отставного гвардейскаго штабъ-ротмистра, извѣстнаго уже тогда описаніемъ Алтайскаго края на французскомъ языкѣ и похода Оренбургскаго генералъ губернатора В. А. Перовскаго въ Хиву—на русскомъ. Обѣ эти довольно объемистыя рукописи я видѣлъ у него, когда въ слѣдующее лѣто по распоряженію Л. А. Перовскаго измѣнялъ формы веденія отчечности въ его имѣніяхъ. Были ли онѣ напечатаны, сказать не могу. Съ П. А. Чихачевымъ, субъектомъ очень замѣчательнымъ, я познакомлю читателя ниже.

Въ Балашовскихъ имѣніяхъ г.г. Чихачевыхъ было много старообрядцевъ, молоканъ и безпоповцевъ поморской секты, не далеко отъ нихъ жилъ одинъ изъ агентовъ, препровождавшій бѣглыхъ за Дунай, но мы его не нашли дома, онъ за нѣсколько дней до нашего пріѣзда скрылся куда-то съ своимъ старшимъ сыномъ. Отъ двухъ его младшихъ сыновей полковникъ ничего не добился,—„знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ,“ твердили они. Имъ задали хорошую порку, но и этимъ ничего не добились; да и могло быть, что они не знали, куда ушелъ въ

послѣдній разъ ихъ отецъ и братъ. Изъ этихъ имѣній было много побѣговъ молоканъ и даже православныхъ, которые бѣжали цѣлыми семействами. И не мудренно: старый лѣнивый управляющій, жилъ въ ста верстахъ, а обоими имѣніями завѣдывали бурмистры изъ крестьянъ, изъ которыхъ, впрочемъ, одинъ былъ грамотный и начитанный изъ священныхъ православныхъ книгъ, кажется за то туда и назначенъ, къ тому же завзятый охотникъ на стрепетовъ и зайцевъ, въ изобиліи водившихся въ тамошнихъ степяхъ, и сурковъ, изрывшихъ всю степь. Охота на сурковъ черезъ годъ отдавалась въ аренду за цѣну отъ 150 до 200 рублей.

Лѣтъ двадцать спустя послѣ моего пребыванія, мнѣ писалъ одинъ знакомый изъ Балашева, что степь — около 2000 десятинъ почти вся распахана и испанское овцеводство уменьшено до минимума. Часть распаханной земли отдается въ аренду крестьянамъ отъ 12 до 15 рублей въ годъ за десятину цѣлинной земли.

Полковникъ, какъ самъ говорилъ, былъ личный другъ П. А. Чихачева и по его просьбѣ желалъ обревизировать тамошнія конторы. Но при первомъ обозрѣніи конторъ оказалось, что нѣтъ никакой возможности сдѣлать какую либо повѣрку. Во всѣхъ конторахъ, по иниціативѣ главноуправляющаго Галина, была введена двойная бухгалтерія, въ которой, какъ оказалось послѣ, онъ, Галинъ, самъ не понималъ ни бельмеса, а писаря были крѣпостные, малограмотные, вышедшіе изъ мѣстныхъ деревенскихъ школъ, и только получившихъ навыкъ въ сельскихъ конторахъ. Мѣсячныхъ отчетовъ за 6 мѣсяцевъ въ главную контору не посылалось, да ихъ и не было никакой возможности составить по безпорядочнымъ записямъ. Такъ и увѣдомилъ полковникъ Чихачева. Но такъ какъ назначеніе полковника относилось, главнымъ образомъ, къ молоканамъ и по собранію свѣдѣній о ихъ побѣгахъ, то подобныя свѣдѣнія о конторахъ въ этомъ моемъ обзорѣ выпускаю, на все вышеизложенное объ имѣніяхъ г.г. Чихачевыхъ долженъ былъ написать въ моемъ второмъ докладѣ.

XXV.

Изслѣдованія о побѣгахъ изъ Балашовскаго уѣзда и о старообрядцахъ, которыхъ въ Балашовскомъ уѣздѣ и въ самомъ Балашовѣ было очень много. —Бумаги по этому дѣлу.—Разборъ ихъ и краткій докладъ, извлеченный изъ нихъ.—Приглашеніе къ министру и разговоръ съ нимъ.—Кафторадзевъ, секретарь его, канцелярія и чиновники.—Назначеніе меня проводникомъ при переселеніи крестьянъ и дворовыхъ изъ Софіевскаго имѣнія въ Херсонское.—Отъѣздъ изъ Петербурга, прощанье и награды.

Изъ Гусевки мы выѣхали въ Балашовъ, гдѣ всѣ власти были подняты на ноги: земскій судья, исправникъ, два становыхъ пристава, почтмейстеръ, у котораго хранились перехваченныя письма, а также былъ вызванъ окружный начальникъ казенныхъ крестьянъ. Начались личныя объясненія и разныя переписки, которыя велись уже не мною однимъ, но и писарями изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Я только подъ диктовку полковника писалъ личныя его замѣчанія и донесенія для Петербурга. При словесныхъ объясненіяхъ я въ пріемной комнатѣ сидѣлъ за особымъ столомъ и дѣлалъ памятныя наброски, для того, чтобы при писаніи личныхъ замѣчаній полковника, напоминать ему о томъ, что онъ могъ изъ важныхъ сообщеній пропустить. Обо всемъ слышанномъ мною при личныхъ разспросахъ полковникомъ разныхъ должностныхъ лицъ я здѣсь говорить не буду, можетъ быть коснусь только слегка вывода изъ нихъ, такъ какъ ихъ была такая масса, что мало-мальски подробное изложеніе потребовало бы пространнаго объясненія и увеличило бы эту статью чуть ли не вдвое. Вообще, думаю, что нѣкоторые не могли быть интересны для читателей, а другихъ секретныхъ я не могу коснуться, вслѣдствіе моего обѣщанія хранить ихъ въ тайнѣ.

Повторяю, что Кафторадзевъ нашелъ нужнымъ распорядиться, чтобы я при разборѣ бумагъ и описаніи ихъ слѣдовалъ порядку изложенія сдѣланнаго мною при описаніи Софіевскаго имѣнія. Глядя на груду бумагъ, лежащихъ предомною въ безпорядкѣ, я не безъ робости приступилъ къ приведенію ихъ хотя бы въ какую-нибудь си-

стему. Среди этихъ бумагъ были показанія старообрядцевъ, сыновей бѣжавшаго вожака, разспросы и сообщенія головъ, бурмистровъ и старостъ. Потомъ слѣдовало производство въ Балашовѣ: донесенія тамошняго начальства и разные протоколы, сообщенія вышесказанныхъ лицъ и другого удѣльнаго начальства, личные допросы старообрядцевъ и ихъ отвѣты и перехваченныя письма старообрядцевъ изъ-за Дуная, отвѣты къ нимъ родственниковъ и т. д. Потомъ шли бумаги слѣдственнаго дознанія полковника, произведеннаго имъ въ Кишиневѣ, въ коихъ замѣчательно то, что мельница на Дунаѣ, служащая притономъ бѣглымъ старообрядцамъ, была уничтожена, мельникъ посаженъ въ острогъ и, кажется, было сообщено нашему посланнику въ Константинополѣ съ просьбою выдать нѣсколькихъ старообрядцевъ, виновныхъ въ разныхъ истинныхъ или возведенныхъ на нихъ неблаговидныхъ поступкахъ. Однимъ словомъ путь, по которому слѣдовали бѣглецы, былъ открытъ, кромѣ мельницы и другіе притоны уничтожены и содержатели ихъ устранены или скорѣе, заключены въ тюрьмы, откуда вѣроятно послѣдовали на поселеніе. Потомъ слѣдовала справка Саратовскаго губернскаго присутствія съ объясненіемъ: какія старообрядцы и за что были судимы, а также и наказанія ихъ, сколько было поймано бѣглыхъ и возвращено на мѣста жительства или сослано на поселеніе Это было особое дѣло, хорошо переписанное, аккуратно сшитое и подписанное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вице-губернаторомъ и другими совѣтниками губернскаго правленія, лицами къ которымъ относилось дѣло о старообрядцахъ.

Надъ разборкою этихъ бумагъ и приведеніемъ ихъ въ порядокъ и нѣкоторую систему, я провелъ, трудясь часовъ по 14 въ сутки, мѣсяца полтора. Когда я ходилъ къ Кофторадзеву за объясненіями, какъ какое дѣло подшить и какими своими замѣчаніями снабдить изъ памяти, а также онъ, давая объясненія, почти всегда присовокуплялъ, что это дѣлается для просмотра министра. Мнѣ дали писарька съ хорошимъ почеркомъ; онъ переписывалъ черновыя нужныя бумаги и мои замѣчанія, а также и

записки полковника, написанныя, какъ сказалъ выше, неразборчивымъ почеркомъ. Когда всѣ бумаги были собраны, обозначены числами и занумерованы по страницамъ, я пошелъ съ ними къ Кофторадзеву. Въ то время у него былъ секретарь и онъ приказалъ ему просмотрѣть ихъ и сдѣлать опись, сшить и принести къ нему, прибавивъ, обращаясь къ секретарю:

— Что ваши чиновники, Петербургскіе баричи, не могли сдѣлать, то сдѣлалъ простой провинціалъ. Тутъ же секретарю было, сказано какъ вамъ извѣстно предположеніе министра переселить изъ Софіевскаго имѣнія Волконскихъ въ ихъ Херсонскія имѣнія до 500 душъ и намѣченный способъ ихъ переселенія. Передайте это Кабештову, не сдѣлаетъ ли онъ какихъ-либо замѣчаній, а главное не укажетъ-ли какого-нибудь надежнаго проводника изъ тамошнихъ служащихъ. Пусть Кабештовъ ходитъ въ сельско-хозяйственную канцелярію, у него хорошій почеркъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомится съ теченіемъ дѣлъ у насъ, такъ какъ до окончательнаго просмотра министромъ пройдетъ, вѣроятно, недѣли двѣ-три.

Эта канцелярія была личная канцелярія министра; въ ней былъ столъ съ четырьмя письмоводителями и столоначальникомъ для управленія имѣніями Волконскихъ какъ я сказалъ выше, Л. А. Перовскій былъ безотчетнымъ управляющимъ. Въ этомъ же столѣ были сосредоточены дѣла по управленію его имѣній и имѣній его братьевъ,— Василія и Бориса Алексѣевичей Перовскихъ; въ этой же комнатѣ стоялъ какъ-бы частный столъ для удѣловъ. Мнѣ указали мѣсто за столомъ, изъ коего вытекали всѣ распоряженія и предписанія управляющимъ. Я охотно переписывалъ эти предписанія; нѣсколько изъ нихъ написаны были управляющему Софіевскимъ имѣніемъ. Сначала писаря косились на меня, вѣроятно потому, что секретарь передалъ нелестное мнѣніе о нихъ Кофторадзева, но потомъ я съ нѣкоторыми сошелся.

Писаря почти всѣ были на мѣстахъ въ 9 или много въ $9^1/_2$ часовъ; немного позже приходилъ секретарь. Кофторадзевъ приходилъ въ разное время, послѣ докладовъ

министру дѣлъ, касающихся имѣній, такъ какъ всѣ предписанія управляющимъ, составленныя въ канцеляріи по большей части Кофторадзевымъ, подписывались Л. А. Перовскимъ. Кофторадзевъ просиживалъ въ канцеляріи почти всегда не менѣе трехъ, а иногда и по четыре часа. Писаря, собравшись раньше секретаря, проводили время въ разговорахъ о новостяхъ Петербурга и въ пересудахъ о начальствѣ, но болѣе всего въ какомъ трактирѣ готовятъ лучшую солянку и гдѣ лучшая рябиновка. Лишь только секретарь приходилъ въ канцелярію и скидалъ шубу и галоши, какъ всѣ уже сидѣли по мѣстамъ и лѣниво строчили, скрыпя очиненными гусиными перьями, а послѣ появленія Кофторадзева пишущая машина была въ полномъ ходу.

Пріѣзжали управляющіе изъ разныхъ имѣній, которыми завѣдывалъ Л. А. Перовскій; представлялись всѣ сначала Кофторадзеву, потомъ шли къ графу. Отъ нихъ иногда требовались письменные доклады, проэкты, предположенія и т. п. По приходѣ отъ графа многіе изъ нихъ запирались подолгу въ комнатѣ у секретаря. Туда звался какой-нибудь смышленный писарь, а оттуда выходилъ съ канвою какого-нибудь доклада и просилъ управляющаго придти къ нему вечеромъ, гдѣ докладъ или проэктъ и былъ написанъ. На другой день докладъ отправлялся переписываться какому-нибудь постороннему писарю, а тогда поступалъ на просмотрѣніе Кофторадзева и графа. Были, конечно, управляющіе, не нуждающіеся въ написаніи и перепискѣ своихъ бумагъ, но такихъ было очень мало. Конечно, управляющій благодарилъ письмоводителя и, по всей вѣроятности, и секретаря: и тогда, по пословицѣ: —„сухая ложка драла ротъ,“ которая вѣроятно была въ ходу.

Секретарь передалъ мнѣ предположеніе графа о переселеніи крестьянъ изъ Саратовскихъ имѣній въ Херсонскія. При переселяемыхъ долженъ быть проводникъ съ парою лошадей и кучеромъ, какъ его помощникомъ. Проводнику будутъ выданы деньги на расходы для продовольствія людей во время пути и на фуражъ лошадей. Примѣрно предположено расходовать въ день по 25 коп.

на взрослаго, по 20 коп. на подростковъ до 15 лѣтъ, а на грудныхъ и до 5 лѣтъ по 10 копѣекъ; на каждую упряжную лошадь полагалось по 30 коп. Проводнику будетъ выдана шнуровая книга, въ которой онъ безусловно долженъ будетъ записывать всѣ каждодневныя расходы. Мотивы къ переселенію крестьянъ при такомъ способѣ были тѣ, что при переселеніи крестьянъ, изъ нижегородскаго имѣнія въ Херсонское, домохозяевамъ, по разсчету выдавались деньги на всю дорогу на руки. Но одни изъ домохозяевъ пропивали, другіе припрятывали и большая часть семействъ шла христовымъ именемъ, по просту нищенствовали. Это дошло до свѣдѣнія Волконскихъ и они были глубоко возмущены подобнымъ переселеніемъ, и дѣйствительно было чѣмъ возмущаться, такъ какъ въ имѣніяхъ Волконскихъ и въ голодные года выдавалось продовольствіе, а нищенство строго воспрещалось.

Такъ прошло недѣли три. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, я ходилъ къ сестрѣ и мнѣ накрывали въ особой комнатѣ столъ и въ 12 часовъ подавали превкусный завтракъ.

Ее я не всегда видѣлъ.

Кофторадзева я видѣлъ въ канцеляріи каждый день; однажды позвалъ онъ меня въ свой кабинетъ и сказалъ:

— Тебѣ передалъ секретарь предположенія, при которыхъ угодно министру переселять крестьянъ изъ Саратовскихъ имѣній Волконскихъ въ Херсонскія?

— Передалъ, Ваше Превосходительство.

— Понялъ-ли ты ихъ?

— Вполнѣ понялъ.

— Что же не можешь указать кого-нибудь изъ служащихъ въ Софіевскихъ имѣніяхъ годнаго въ проводники, такъ какъ изъ здѣшнихъ нѣтъ такого человѣка.

— Указать не могу, да едва-ли тамъ найдется такой, вполнѣ грамотный и надежный. Неугодно-ли вашему превосходительству назначить меня проводникомъ?

— Да ты такъ молодъ!—справишься-ли съ этимъ?

— Надѣюсь, В. П., что не хуже кого-либо другого.

— Хорошо. Я доложу министру при передачѣ всѣхъ бумагъ и доклада полковника.

Еще прошло дней 10—12. Оказалось, что письмомъ къ Пурлевскому спрашивали его о моей благонадежности. Вѣроятно отвѣтъ полученъ благопріятный. Но тутъ же выяснилось, что я не исключенъ изъ списковъ служащихъ въ Саратовской удѣльной конторы, куда попалъ при назначеніи меня для изученія геодезіи, гдѣ противъ имени моего было помѣчено, что нахожусь въ службѣ у свѣтлѣйшихъ Волконскихъ; тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ нѣсколько управляющихъ имѣніями были причислены или къ департаменту министра внутреннихъ дѣлъ или къ департаменту удѣловъ. Не пересчитывая другихъ, для доказательства сказаннаго, укажу на одного,—Герасима Ивановича Иванскаго, который, управляя Балабановскимъ имѣніемъ княгини Волконской, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ помощникомъ управляющаго Орловской удѣльной конторы, куда онъ ѣздилъ не болѣе одного раза въ годъ. Прежде онъ былъ инспекторомъ Горы-горецкой земледѣльческой школы и только предъ поступленіемъ управляющимъ Балабановскимъ имѣніемъ княгини Волконской причисленъ къ удѣламъ, откуда получалъ чины и жалованье.

По полученіи отвѣта съ мѣста моего служенія Кофторадзевъ говоритъ мнѣ:

— Тебя желаетъ видѣть министръ,—остригись пониже и одѣнься почище, держись почтительно, но по возможности смѣлѣе, а то ты иногда не кстати бываешь застѣнчивымъ и этимъ можешь повредить себѣ. Завтра въ половинѣ перваго пойдешь къ нему со мною.

Въ двѣнадцать съ половиною часовъ мы были въ квартирѣ, занимаемой министромъ, а въ часъ позваны въ его кабинетъ.

При входѣ въ кабинетъ я увидѣлъ человѣка средняго роста, скорѣе худощаваго, съ проницательнымъ взглядомъ (какъ будто косоватаго), устремленнымъ на меня.

У меня забѣгали мурашки по всему тѣлу, но я не показалъ никакого смущенія.

— Какъ твоя фамилія? почти ласковымъ голосомъ спросилъ меня министръ.

— Кабештовъ.

— Ты сводный братъ А. Я. Кичигиной, она о тебѣ хлопочетъ? Чѣмъ ты занимаешься въ Софіевскомъ имѣніи?

— Зимою занимаюсь письмоводствомъ въ конторѣ и повѣркою вѣдомостей, присылаемыхъ г. Пурлевскому, и иногда служу проводникомъ при обозахъ съ проданнымъ хлѣбомъ въ Моршанскъ и Саратовъ, а лѣтомъ завѣдываю хозяйствомъ въ деревнѣ Мокшанцевой.

— Это та самая деревня, ваше высокопревосходительство, сказалъ Кофторадзевъ, гдѣ чуть не половина раскольниковъ, безпоповцевъ, поморской секты.

— Такъ какъ отвѣтилъ министръ, я интересуюсь этимъ вопросомъ, скажи мнѣ правду объ этихъ людяхъ.

— Кромѣ истинной правды ничего не смѣю говорить предъ вашимъ высокопревосходительствомъ,—это люди трезвые, трудолюбивые и исполняютъ работы исправнѣе другихъ.

— А живутъ они состоятельнѣе православныхъ? какъ состояніе ихъ числится по подворнымъ описямъ? и обращаясь къ г. Кафторадзеву, спросилъ его: я, кажется, просилъ Васъ справиться объ этомъ, не только по отношенію къ Мокшанскимъ старообрядцамъ, но и къ другимъ, также и къ удѣльнымъ?

— Ихъ имущество почти такое же, какъ и у православныхъ.

— Не скажешь-ли ты, отчего это происходитъ?

Я нѣсколько замялся, но г. Кафторадзевъ обращаясь ко мнѣ, сказалъ, что нужно отвѣчать его высокопревосходительству смѣло правду.

— Что благосостояніе старообрядцевъ, не смотря на ихъ трудолюбіе и трезвость, не выше православныхъ, то это потому, что ихъ обираютъ ихъ уставщики..., сказавъ это я замялся, но взглядъ г. Кафторадзева подсказалъ мнѣ, что я долженъ говорить все мнѣ извѣстное,—а также

съ нихъ берутъ много полицейскія власти, окружные начальники и другіе, а попавъ подъ судъ, они расплачиваются съ судебными властями взятками.

— Вотъ всѣ мнѣ такъ говорятъ и обращаясь къ г. Кофторадзеву министръ сказалъ:

— Я давно не справлялся, какъ идутъ дѣла въ коммиссіи по прекращенію злоупотребленій въ раскольничьемъ мірѣ. Завтра пришлите мнѣ предсѣдателя коммиссіи. Затѣмъ обращаясь ко мнѣ министръ сказалъ:

— Въ будущемъ году въ августѣ мѣсяцѣ долженъ будетъ отправиться первый транспортъ переселенцевъ изъ Саратовскихъ имѣній княгини Волконской въ Херсонскую губ. По представленію г. Кофторадзева и по рекомендаціи Пурлевскаго, я назначаю тебя проводникомъ перваго транспорта переселенцевъ; тебѣ дана будетъ инструкція, г. Кофторадзевъ надѣется, что ты оправдаешь наше назначеніе.

Тѣмъ кончилась моя аудіенція у министра. Мнѣ выдали 25 рублей въ подарокъ.

Сестра при прощаніи со мною дала мнѣ 10 рублей,— значитъ я богачъ! Я поцѣловалъ у ней руку, а она въ первый и въ послѣдній разъ поцѣловала меня въ лобъ, сказавъ, что ей пріятно слышать о мнѣ хорошій отзывъ г. Кофторадзева. Теперь почти окончательно рѣшенъ вопросъ объ отпускѣ тебя на волю.

Чрезъ два дня мнѣ, какъ будущему проводнику, была дана инструкція, написанная въ томъ духѣ, какъ мнѣ передавалъ секретарь съ прибавленіемъ, чтобы я по возможности, проѣзжая губернскія города: Тамбовъ, Воронежъ, Полтаву и Харьковъ, являлся-бъ съ выданною мнѣ книгою въ губернскія правленія; черезъ три—четыре дня дѣлалъ бы дневки, приналравливая ихъ къ сказаннымъ городамъ и водилъ бы переселенцевъ въ церкви.

При прощаніи съ чиновниками они говорили мнѣ, что я имъ кажусь страннымъ человѣкомъ.—Мы слышали, что Кофторадзевъ предлагалъ вамъ остаться въ Петербургѣ и будто-бы министръ не противъ этого. Какъ де, вамъ, говорили они, хочется изъ Петербурга ѣхать въ глушь, гдѣ пожалуй трудно встрѣтить живого человѣка.

— Это вѣрно, что тамъ глушь, отвѣчалъ я, но я люблю природу, какой здѣсь нѣтъ, при томъ чувствую призваніе къ сельскому хозяйству, къ тому же.....

Но одинъ изъ чиновниковъ, съ которымъ я болѣе сошелся, перебилъ меня:

— Вѣрно невѣстой обзавелся.

Я покраснѣлъ и они засмѣялись.

— Видите угадалъ;— раненько немного—къ 30 годамъ народишь душъ десять дѣтей.

Но тутъ замѣчательно: почти всѣ письмоводители были изъ деревень,—удѣльные крестьяне разныхъ губерній. Такъ Петербургъ втянулъ ихъ въ себя.

При выдачѣ инструкціи мнѣ сказано было, что въ будущее лѣто я вѣроятно, буду командированъ въ имѣнія г.г. Чихачевыхъ, гдѣ долженъ буду установить конторскую отчетность по образцу отчетности у Волконскихъ. Инструкцію я получилъ въ концѣ января, а потому мнѣ купленъ былъ черный дубленный тулупъ и теплые валенные сапоги.

XXVI.

Мой пріѣздъ въ Софіевку и пріемъ тамъ; выходъ замужъ моей страсти.— Встрѣча съ Ежевымъ и его мораль.—Я не выдерживаю искуса и дѣлаюсь не лучше товарищей.—По счастію уѣзжаю повѣрять конторы Чихачева.

Я обратно ѣхалъ на парѣ почтовыхъ перекладныхъ; суточныхъ мнѣ отпустили по 1 рублю въ сутки. Все это мнѣ показалось въ то время большимъ благомъ и я съ гордостію возвращаясь домой, по дорогѣ заѣхалъ къ сестрѣ въ Саратовъ; она была удивлена и обрадована моими успѣхами.

По пріѣздѣ въ Софіевку мнѣ уже отвели отдѣльную комнату и управляющій со мною обращался куда благосклоннѣе и внимательнѣе.

Года четыре назадъ, возвратясь домой какъ неспособный по здоровью для продолженія ученія геодезіи, я не на-

шелъ тогдашняго моего друга—собаки Жучки, такъ и теперь меня ожидала еще большая потеря я не нашелъ моей Марфуши, вышедшей замужъ за приказчика по двору. А я все время по выѣздѣ изъ Софіевки, и во время пребыванія въ Петербургѣ, и на возвратномъ пути, много о ней думалъ, но въ концѣ пришелъ къ положительному рѣшенію: пусть будетъ, что будетъ, а я все таки на ней женюсь. Ея замужество при содѣйствіи жены управляющаго на первое время меня глубоко огорчило,—я все-таки ее любилъ и любилъ горячо, хотя въ глубинѣ души зарождалась мысль, что эта женитьба не можетъ доставить счастья, при нашей безпріютности и бѣдности.

Встрѣтившись со мной А. В. Ежевъ самымъ дружескимъ образомъ разсказалъ мнѣ, что сватался на одной хорошенькой, но простенькой дѣвушкѣ Грунѣ. Ихъ уже благословили образами, но онъ раздумалъ, и свадьба не состоялась.

— Почему? спрашиваю его.

— Да не захотѣлъ разставаться съ свободою: вѣдь такъ много у насъ хорошенькихъ дѣвушекъ, а тутъ съ одной возись.

— Да, кажется, пора уняться, и думаю, что и тебѣ стыдно и матери причиняешь не только непріятности, но и страданія, да и себя унижаешь въ своихъ глазахъ.

— Убирайся съ своими проповѣдями. Какое тутъ униженіе: общества у насъ почти нѣтъ и вся среда, окружающая насъ, относится болѣе нежели равнодушно ко всѣмъ проказамъ, а наѣзжающіе сосѣдніе, не только мелкопомѣстные, въ родѣ Бегильдѣева, Кальдѣева и другой швали, а даже и болѣе крупные, въ родѣ Журовыхъ, только то и дѣлаютъ, что производятъ незаконорожденныхъ дѣтей: Алена родила, Даша беременная, Катя тоже на пути къ этому, хотя ты знаешь какая она была недотрога-скромница. Нельзя же такихъ хорошенькихъ всѣхъ упущать на сторону.

По природѣ и по внушенію матери, я не походилъ на Ежева, и къ тому же нѣсколько отвыкъ отъ подоб-

ныхъ явленій, потолкавшись между другими людьми; меня эти разсказы коробили. Но самъ я не долго держался отъ окружающаго соблазна, позабывалъ нравоученія матери, чуть не съ головою погрязалъ въ разгулѣ, хотя не хвалясь скажу, что временами находили на меня тоскливыя, мрачныя минуты и я, видя свое паденіе, горько каялся и молилъ Бога избавить меня отъ этой бездны разврата, но потомъ опять все-таки падалъ; ходилъ на вечеринки, принималъ участіе въ разныхъ святочныхъ играхъ, наслушался разныхъ площадныхъ разсказовъ и пословицъ. Воспоминанія о всемъ этомъ и теперь въ 78 лѣтъ болѣе нежели въ прежнее время меня преслѣдуютъ. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для меня служило то, что я на лѣто долженъ былъ уѣхать для исправленія конторъ г. г. Чихачевыхъ, а въ августѣ выѣхать проводникомъ транспорта переселенцевъ въ Херсонскую губернію. Я это сообщалъ иногда Ежеву и другимъ товарищамъ, но они мнѣ отвѣчали:

— Значитъ, братецъ, ты глупъ и не знаешь, что въ молодости нужно спѣшить насладиться всѣмъ, что находится подъ руками,—молодость два раза не бываетъ.

И дѣйствительно, по моей слабохарактерности я опять бросался въ омутъ разгула, пожалуй —разврата. Припоминая теперь двѣ зимы слѣдующихъ за этою, я съ ужасомъ вижу, что я тогда падалъ нравственно все ниже и ниже и дѣлался хуже и хуже, хотя я по прежнему днемъ усердно занимался ученіемъ дѣтей до обѣда, потомъ повѣрялъ отчеты и читалъ хотя сравнительно меньше, но все-таки много, и иногда, читая хорошую книгу, просиживалъ надъ нею до свѣта, удѣляя для сна очень мало времени. Тѣмъ не менѣе ежедневныя мои занятія шли успѣшно, а управляющій глядѣлъ на всѣ проказы, если онѣ до него доходили, сквозь пальцы; большею же частью до него онѣ и не доходили. Съ развращенными дѣвушками на фабрикѣ въ Саратовѣ ничего нельзя было сдѣлать, а онѣ вліяли и на другихъ подростающихъ самымъ пагубнымъ образомъ.

Дѣйствительно, до начала весны было получено предписаніе, чтобы я по первой установившейся веснѣ ѣхалъ для исправленія конторъ г. г. Чихачевыхъ въ с. Дуровку, гдѣ была главная контора, а въ августѣ долженъ былъ-бы сопровождать транспортъ переселенцевъ въ Херсонскую губернію. Въ эту весну я успѣлъ только во время разлитія полой воды поохотиться за зайцами на островахъ, такъ-же, какъ описано было выше.

XXVII.

Отъѣздъ на повѣрку конторъ г.г. Чихачевыхъ;—невозможность повѣрки ихъ.—Дѣлаю опись бумагъ и разныхъ предметовъ, привезенныхъ въ Дуровку изъ Москвы въ 1812 году.— Каковы эти бумаги и проч. и ихъ блюститель, старый дворецкій.—Грѣшки Чихачева.—Встрѣча его съ дьячкомъ.

Хотя я въ конторахъ г.г. Чихачевыхъ долженъ былъ свести балансы и итоги всему имуществу по вѣдомостямъ, ведущимся при двойной бухгалтеріи и, провѣривъ все въ натурѣ, ввести новыя формы отчетности по образцу Волконскихъ, но по пріѣздѣ въ главную Дуровскую контору, нашелъ тамъ такой хаосъ, что никакихъ выводовъ и балансовъ нельзя было сдѣлать; мѣсячныхъ вѣдомостей не поступало въ главную Дуровскую контору за пять мѣсяцевъ, да и въ самой конторѣ таковыя не велись. Оставалось только или сначала года дѣлать и писать всѣ вѣдомости по обыкновенному образцу, или поставить надъ всею отчетностью крестъ и, провѣривъ наличность въ натурѣ на 1-е мая, ввести вѣдомости по новому, болѣе легкому образцу, возможныя и при прежнемъ составѣ конторы. Я попытался было провѣрить бывшую отчетность, но, просидѣвъ надъ нею недѣли двѣ и, увидѣвъ невозможность что-либо сдѣлать, не зналъ какъ поступить далѣе. По счастію къ этому времени прямо изъ за границы пріѣхалъ сынъ г-жи Чихачевой Платонъ Александровичъ. Онъ быстро рѣшилъ бросить всякую провѣрку прежней отчетности, а провѣривъ все въ натурѣ: деньги,

хлѣбъ, скотъ и пр., начать новую отчетность. Послѣ такого радикальнаго рѣшенія дѣло пошло быстро; запаса хлѣба въ зернѣ было немного, но стояли большія скирды немолоченнаго хлѣба, котораго до обмолота не было возможности провѣрить, а потому по пробному обмолоту нѣсколькихъ копенъ вывели количество зерна и остальной живой и мертвый инвентарь также былъ быстро провѣренъ.

Чихачевъ пожелалъ въ натурѣ познакомиться въ ближайшихъ имѣніяхъ съ полями и работою на нихъ, а мнѣ, къ моему огорченію, дескать, не въ службу, а въ дружбу, поручилъ сдѣлать опись буквально сваленныхъ въ двухъ комнатахъ разныхъ бумагъ и имущества, привезенныхъ сюда изъ Москвы еще въ 1812 году, слѣдовательно лежавшихъ здѣсь болѣе 35 лѣтъ. Разумѣется все это перевезено сюда изъ опасенія французскаго нашествія. И вся эта масса, частью цѣнныхъ вещей, но въ большинствѣ малоцѣннаго хлама, была на рукахъ того самаго дворецкаго, который почти мальчикомъ препровождалъ его изъ Москвы и находилась безъ всякой описи. Онъ уже выглядывалъ старикомъ въ 65 лѣтъ или болѣе.

Дворецкій говорилъ:

— Я все это господское добро привезъ молодымъ и вотъ преждевременно состарѣлся при немъ.

— Да отчего же ты состарѣлся развѣ это такъ трудно?

— Не такъ трудно, какъ опасливо за цѣлость. Его нужно все-таки раза два въ лѣто пересушить на воздухѣ, а тутъ вынесешь на дворъ того и гляди, кто нибудь украдетъ какую либо вещь; пойдешь на дворъ поглядѣть, тутъ въ комнатѣ что-нибудь стащатъ, да и надо отъ моли сохранять хотя табакомъ перекладывалъ вдоволь. На покупку табаку даютъ самую малость, говорятъ что я табакъ перетираю въ нюхательный, такъ какъ, по грѣхамъ, нюхаю табакъ. А вы смотрите, сколько тутъ сундуковъ и ящиковъ!

Я не безъ содроганія посмотрѣлъ на ихъ количество: всѣ эти сундуки и ящики и все въ нихъ нагруженное нужно было описать.

— Да что же, такъ уже дрожать за всѣмъ, вѣдь описи не было и никто не повѣрялъ?

— Дѣйствительно, что описи настоящей оффиціальной не было, но я кое-какъ самъ описалъ въ первый годъ все и лихая меня дернула одну опись отдать въ контору, а другую оставить себѣ. Да вѣдь я малограмотный, какая тамъ опись.

Это извѣстіе меня нѣсколько обрадовало. Я пошелъ въ контору и распорядился, чтобы мнѣ отыскали опись имущества, составленную въ 1813 году дворецкимъ Иваномъ Сторцевымъ.

Пока я вынималъ изъ сундуковъ и ящиковъ разныя бумаги, писанныя на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и, раскладывая ихъ только по діалектамъ, два писарчука описывали ихъ, конечно, какъ могли, обозначая №№, прошло дня два, а описи все таки мнѣ не приносили, говорятъ, что ее и найти трудно. Это извѣстіе меня опечалило и я, обращаясь къ Сторцеву спросилъ:

— А гдѣ же твоя опись?

— Она вотъ, и при этомъ, вынимая изъ стола какую-то желтую исписанную каракулями бумагу, говоритъ, что это черновая—вы кажись ее не разберете.

Дѣйствительно, разобрать было трудно, но все-таки, при помощи самого писавшаго ее, оказалось возможнымъ разобрать, и она принесла мнѣ не малую пользу. Чего-чего только въ ней не было записано: бѣлье столовое, постельное (и все въ дюжинахъ), разныя шелковыя матеріи, отрѣзки дорогого бархата, чулки дамскіе и пр., а также цѣлые приборы саксонскаго фарфора и богемскаго хрусталя и т. д. По словамъ Сторцева, все серебро было отослано въ Москву прежде, (а его было болѣе 10 пудовъ.)

Послѣ знакомства съ неразборчивою описью Сторцева, я, взявъ двухъ надежныхъ женщинъ, началъ разбирать все по отдѣламъ. Столовое и постельное бѣлье въ одну сторону, матеріи и прочее—въ другую, посуду,—въ третью и т. д. Но, что всего болѣе меня удивило при разборѣ, это то, что тамъ находились въ кускахъ и стопкахъ разные сыры

и даже нераспечатанныя банки какой-то дорогой французской горчицы, чернослива и проч. въ красивыхъ стеклянныхъ банкахъ съ золотыми надписями.

Когда вся эта разнообразная дрянь: сыры, горчица и проч. была собрана въ одно мѣсто, я спросилъ Сторцева:

— На что берегли эти никуда негодные деликатесы?

— А какъ же, отвѣчалъ Сторцевъ, это господское добро и мнѣ было сдано на храненіе.

Что вы противъ этого скажете! Только удивляться надо такому честному отношенію къ соблюденію порученныхъ господскихъ пожитковъ и состарѣться при нихъ.

Когда за недѣлю времени все это было разобрано по отдѣламъ, вошелъ П. А. Чихачевъ, онъ такъ и развелъ руками

— Сколько тутъ всякой всячины и куда съ ней дѣваться?

— Да здѣсь есть очень цѣнныя вещи, напримѣръ: столовая посуда, бѣлье и проч.

— На что оно намъ, матери теперь не нужно, а мы съ братомъ оба не женаты и у насъ есть все необходимое

— Вѣроятно у васъ есть небогатые родственники,— подарите имъ; дайте частичку управляющему.

— Небогатымъ родственникамъ сколько угодно, а управляющій ничѣмъ не поживится; онъ не мой управляющій, а матери и она въ него, какъ въ бездонную бочку, все пихаетъ. Все здѣсь находящееся: куски матеріи, бархата и проч. отдайте въ церковь, пошлите по полдюжины всякаго столоваго и постельнаго бѣлья Матронѣ Андреевнѣ, женѣ приказчика, а остальное сложите въ ящикъ, я прикажу его разослать кому слѣдуетъ.

Матрона Андреевна была женщина не первой молодости, но еще красивая, румяная. чернобровая. Она была не болѣе года замужемъ за вольноотпущеннымъ конторщикомъ изъ родного моего села Софіевки, а послѣ смерти мужа вышла второй разъ замужъ за приказчика с. Дуровки, человѣка не молодого и не красиваго, находящагося почти всегда въ командировкахъ.

Платонъ Александровичъ сильно за ней пріударялъ. Я столовался у приказчика или скорѣй у Матроны Андреевны, а потому я полагаю, что Платонъ Александровичъ ревновалъ меня къ ней. Однажды, какъ она говорила, онъ, не смотря на свою важность, вечеромъ стоялъ у окна, подслушивалъ и подсматривалъ за нами. Вскорѣ онъ велѣлъ подавать мнѣ кушанье отъ стола управляющаго и всячески старался, чтобы я меньше бывалъ въ Дуровкѣ.

По окончаніи разборки и составленія описи бумагамъ и остальнымъ пожиткамъ, разъ мы сходимъ со второго этажа дома; на площадкѣ ожидалъ Платона Александровича мѣстный дьячекъ съ писаннымъ прошеніемъ Платонъ Александровичъ началъ читать и вдругъ вспыхнулъ и началъ громко говорить:

— Что ты врешь, дуракъ! говоришь, что отецъ мой милосердъ былъ. Ты отца моего не видѣлъ,—онъ ни разу здѣсь не былъ. Вонъ, каналья!

Дьячекъ какъ мячикъ слетѣлъ съ площадки.

Платонъ Александровичъ передалъ мнѣ это прошеніе и я увидѣлъ, что дьячекъ просилъ помощи лѣсомъ, для постройки избы и въ концѣ прибавилъ текстъ изъ священнаго писанія: „Будьте милосердны, какъ Отецъ вашъ милосердъ есть“. Я улыбнулся.

— Чему ты смѣешься?

— Я говорю, что дьячекъ привелъ текстъ изъ священнаго писанія, сказавъ, что будьте милосердны, какъ Отецъ небесный милосердъ.

— Вотъ пойди ты, вѣдь, вѣроятно, за мое воспитаніе заплатили 40—50 тысячъ, а я и этого не зналъ. Позвать дьячка.

Оробѣвшаго и трясущагося дьяка, который удиралъ изъ барскаго двора чуть ли не бѣгомъ, возвратили, и онъ, получивъ желаемое, упалъ въ ноги.

Послѣ введенія формъ и окончанія описи, меня назначили ѣхать въ Балашовскія имѣнія: Гусевку и Анновку, въ которыхъ я былъ съ полковникомъ, гдѣ было много молоканъ и откуда бѣжало не мало, какъ ихъ, такъ и православныхъ, за Дунай. Пріѣхали мы туда вмѣстѣ съ П. А. Чихачевымъ.

XXVIII.

Платонъ Александровичъ Чихачевъ, какъ человѣкъ и сельскій хозяинъ.—Его литературные труды.—Путешествіе его за границу.—Близкое отношеніе къ министру.—Посѣщеніе его родственникомъ.—Ихъ разговоръ.—Братъ Чихачева—Петръ.—Столъ Чихачева и его день.—Бурмистръ Кутьевъ и поступокъ съ нимъ Чихачева.—Введеніе новыхъ конторскихъ формъ.—Отношенія Чихачева къ крестьянамъ: суровыя наказанія и вмѣстѣ добрыя отношенія къ нимъ.—Отношеніе къ нему мѣстныхъ властей.

Теперь мнѣ кажется, будетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о въ высшей степени интересной личности Платона Александровича Чихачева. Онъ на меня произвелъ такое сильное впечатлѣніе, какого не производило ни одно лицо, съ которыми судьба сводила меня въ жизни: онъ замѣчателенъ своими положительными и отрицательными качествами, какъ человѣкъ, и только положительными качествами, какъ хозяинъ. Тутъ человѣкъ въ немъ исчезалъ.

Повторяю, онъ былъ лейбъ-гвардіи штабъ-ротмистръ, высокій, стройный и красивый, лѣтъ 30—35, но на вискахъ у него была уже сѣдина. Онъ сдѣлалъ описаніе похода Перовскаго въ Хиву, а также и описаніе Алтайскаго края, кажется на французскомъ языкѣ, переведенныхъ послѣ на русскій. Въ русской грамматикѣ былъ не силенъ и писалъ съ ошибками и часто говорилъ, что русскій языкъ ему не дался. Послѣ выхода изъ службы онъ двѣ зимы жилъ за границей, больше въ Америкѣ, изучая тамъ сельское хозяйство, присылая оттуда разныя новости, такъ напр.: прислалъ въ концѣ 1848 года штифтовую небольшую двухъ-конную молотилку, первую въ тамошнемъ краѣ, на осмотръ которой съѣзжались издалека хозяева, и упряжь на головы воламъ, которая впрочемъ не привилась.

Я много писалъ отъ него секретныхъ писемъ къ Л. А. Перовскому, тогда министру внутреннихъ дѣлъ. Въ этихъ письмахъ писалось о разныхъ сектантахъ, о побѣгахъ ихъ и православныхъ; описывались разныя неурядицы въ администраціи и прочее. Эти письма я писалъ въ

его кабинетѣ съ его неразборчивыхъ чернетокъ или подъ диктовку. Письма подъ диктовку для меня съ непривычки при его горячемъ характерѣ были страшною тяжестью. Однажды я писалъ съ чернетки длинное, но спѣшное письмо. Докладываетъ человѣкъ, что пріѣхалъ генералъ (имя и фамилію окончательно забылъ). Послѣ узналъ, что этотъ генералъ былъ большой другъ его отца и даже недальній родственникъ. Когда доложилъ его человѣкъ о пріѣздѣ генерала, я спрашиваю Платона Александровича.

— Мнѣ можетъ быть выйти?

— Нѣтъ, говоритъ, пиши; письмо очень скоро нужно отослать, а у насъ не будетъ никакихъ секретныхъ разговоровъ.

Вошелъ генералъ, невысокій, но крѣпко сложенный, съ хорошей сѣдой шевелюрой, съ двумя георгіевскими крестами. По моему ему было около 60 лѣтъ. Онъ радостно, почти восторженно бросился къ Платону Александровичу. Тотъ тоже быстро пошелъ къ нему на встрѣчу, плотно обнялись и поцѣловались.

Вотъ тебѣ разъ! говоритъ генералъ, сѣдина на вискахъ, а еще не женился. Помнишь, какимъ мальчикомъ бѣгалъ въ моемъ саду въ Саблинѣ. Потомъ я часто тебя видѣлъ въ Петербургѣ, въ домѣ твоихъ родителей, молоденькимъ, краснвымъ офицеромъ, гдѣ мнѣ про тебя говорили, что отбоя отъ барышенъ нѣтъ, но прибавляли, что ты ведешь скромную жизнь, много читаешь и пишешь и предсказывали тебѣ блестящую карьеру. А вотъ, натко тебѣ, вышелъ изъ гвардіи, забился въ деревню и сидишь сиднемъ. Я въ Петербургѣ отъ Анны Павловны (матери Платона Александровича) узналъ гдѣ ты обрѣтаешься; возвращаясь оттуда, свернулъ немного съ маршрута и рѣшился навѣстить тебя.

— Спасибо, дядя. И началъ на эту тему говорить по-французски.

Дядя, вѣроятно понималъ, что онъ говоритъ, но отвѣтилъ по-русски, начавъ съ того, что на Кавказѣ почти забылъ французскій языкъ.

— Ты говоришь, что хочешь посвятить всего себя сельскому хозяйству, а держишь въ этихъ имѣніяхъ такого главноуправляющаго, который, по словамъ вашего повѣреннаго въ Петербургѣ, по хозяйству ни бельмеса не знаетъ, и къ тому же ничего не дѣлаетъ.

— Это любимецъ матери—вашей кузины, иначе я не сталъ бы его держать ни одного дня. Но онъ теперь, пока я буду часто наѣзжать, а лѣтомъ постоянно жить въ имѣніяхъ, будетъ только получать жалованье. Пусть живетъ, лишь бы не тревожить мать.

— Мать говоритъ, что ни ты, ни братъ не думаете жениться, для кого же ты будешь трудиться?

— Во первыхъ, по любви къ сельскому хозяйству, во вторыхъ, что какъ вамъ извѣстно, у вдовы—сестры моей, княгини Девлетъ-Кильдеевой, ничего не имѣющей послѣ смерти мужа, промотавшаго свое и ее состояніе, осталось трое дѣтей, и этихъ сиротъ мы взяли на свое попеченіе, а въ третьихъ,—братъ можетъ быть женится, да и я на старости, какъ многіе, могу сойти съ ума,—тоже, пожалуй, женюсь.

— Да, кстати, счастливо ли братъ служитъ по дипломатической части?

— Онъ теперь при константинопольской миссіи и, по отлучкѣ перваго секретаря, исправляетъ его должность. Но онъ такой странный: ведетъ жизнь скромную, не играетъ въ карты, однимъ словомъ, не мотъ, а деньгамъ у него неводъ. Чего лучше, въ позапрошломъ году я взялъ его съ собою, чтобы объѣхать имѣнія. Онъ въ русскихъ деревняхъ съ семилѣтняго возраста не былъ, а вѣдь вы знаете, что крестьяне при пріѣздѣ помѣщика, какъ-бы состоятельны ни были, притворяются всегда бѣдными и нуждающимися во всемъ. Мой Петръ роздалъ въ первомъ имѣніи всѣ деньги, какія были у него въ карманѣ, и одной красивой дѣвочкѣ замарашкѣ, утеръ носъ своимъ носовымъ платкомъ и отдалъ его ей; слѣдовательно, въ деревнѣ жить не можетъ, а будетъ на моихъ рукахъ.

Слушая ихъ разговоръ, я въ переписываемомъ письмѣ надѣлалъ много ошибокъ и, зная, что письмо скоро

нужно, попросилъ уйти мнѣ въ свою комнату, что-бы переписать тамъ.

Генералъ, пробывъ полтора сутокъ, уѣхалъ и Платонъ Александровичъ принялся за свою неугомонную дѣятельность, а дѣятельность его была дѣйствительно изумительна.

Вставалъ онъ въ 6½ часовъ; ему былъ готовъ кофе; его онъ пилъ два стакана съ бѣлымъ, свѣжимъ хлѣбомъ, съ намазаннымъ на хлѣбъ масломъ, а на масло медомъ. Почти всегда выѣзжалъ въ семь часовъ, одинъ день верхомъ на выѣзженной кавалерійской старой лошади, а на другой—на бѣговыхъ дрожкахъ изъ своей мастерской. Въ Балашовскомъ уѣздѣ было два имѣнія: Гусевка и Анновка, отстоящія одно отъ другого въ 9 верстахъ. Резиденція была въ Гусевкѣ, а въ Анновку онъ ѣздилъ чуть-ли не каждый день. Человѣкъ служащій, у него былъ лакей и вмѣстѣ поваръ. Если утромъ послѣ кофе Платонъ Александровичъ ѣхалъ въ Анновку, то тамъ приготовляли очень скромный обѣдъ: какой-либо супъ съ курицей, жаркое изъ баранины, или котлеты изъ той же баранины или курицы, но непременно съ жаренымъ картофелемъ; за обѣдомъ выпивалъ рюмки двѣ краснаго вина; потомъ опять кофе, какъ и утромъ. Къ вечеру ѣхалъ въ Гусевку, выпивалъ стаканъ чаю съ молокомъ и стаканъ молока, а иногда съѣдалъ два яйца.

Я съ нимъ ѣздилъ иногда въ Анновку, гдѣ оба, какъ и въ Гусевкѣ, бились надъ конторскою отчетностью, ведущейся по двойной бухгалтеріи, съ едва умѣющимъ писать конторщикомъ и, не придя ни къ какому заключенію, повѣряли въ натурѣ хлѣбъ и другое имущество и заносили наличность съ тѣмъ, чтобы начать отчетность, по образцу отчетности у Волконскихъ.

У Платона Александровича былъ уважаемый честный, трудолюбивый и смышленный бурмистръ П. Т. Кутьевъ. За его умѣнье и преданность дѣлу Платонъ Александровичъ уважалъ его, даже болѣе—баловалъ: привозилъ изъ-за границы разные подарки: кафтанъ, шляпу, часы и пр. Однажды во время уборки ржи съ корня (въ то время исключительно серпами) началъ падать небольшой тихень-

кій дождикъ, чуть—чуть смочившій дорогу. Мы подъѣхали къ полю убираемой ржи: работа не производилась: крестьяне лежали подъ возами, поставленными близъ дороги.

— Что вы не жнете? спросилъ у одного крестьянина Платонъ Александровичъ

Бурмистръ прекратилъ работу, отвѣтилъ крестьянинъ.

— А гдѣ онъ?

— Вонъ тамъ, лежитъ подъ возомъ.

Платонъ Александровичъ съ яростью погналъ лошадь и подъѣхавъ къ возу, подъ которымъ бурмистръ спрятался отъ дождя, сердитымъ голосомъ закричалъ:

— Зачѣмъ ты остановилъ работу? баринъ ѣздитъ по полю а ты лежишь! и, не давъ ему выговорить ни одного слова, схватилъ за волоса и началъ бить находящеюся у него въ рукахъ нагайкою. Я отъ удивленія остолбенѣлъ. Бурмистръ не произнесъ ни звука, ни слова, отошелъ къ возу, подъ которымъ сидѣлъ.

Платонъ Александровичъ самъ остановился и, кажется, удивлялся, какъ это могло случиться. Бурмистръ ушелъ за возъ и слышны были всхлипыванья старика. Платонъ Александровичъ, простоявъ минуты двѣ на одномъ мѣстѣ и видя, что бурмистръ къ нему не подходитъ, сѣлъ на дрожки, говоря какъ-бы съ собою: „вотъ вѣдь никакъ не могу совладать съ собою, хотя послѣ каждой горячки раскаиваюсь.“

Наступилъ вечеръ. Кутьевъ сидитъ въ конторѣ и нейдетъ къ барину на нарядъ. Платонъ Александровичъ посылаетъ за нимъ и приказываетъ явиться. Кутьевъ входитъ и молчитъ.

— Что же ты не идешь на нарядъ? говоритъ Платонъ Александровичъ уже мягкимъ голосомъ.

— Нѣтъ, уже увольте меня, Платонъ Александровичъ, я не могу теперь распоряжаться, назначайте вмѣсто меня другого.

— Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить? вновь вспыхнулъ Платонъ Александровичъ, но вспышка эта скоро потухла. Да я тебя запорю, сына въ солдаты отдамъ и

вообще тебѣ не сдобровать, если ты завтра не пойдешь на работы.

— Какъ угодно и что угодно дѣлайте со мною, а я на работы не пойду, хладнокровно и твердо отвѣчалъ Кутьевъ.

— Да ты съ ума сошелъ,—не признаешь надъ собою власти твоего помѣщика!

— Послѣ такого срама и съ ума можно сойти, отвѣчалъ Кутьевъ.

— Кто же будетъ въ это горячее рабочее время распоряжаться?

— Пока можетъ распоряжаться и староста Иванъ, ему давно хочется быть бурмистромъ.

— Молчать! кричитъ Платонъ Александровичъ притворно гнѣвнымъ голосомъ, не разсуждать, убирайся вонъ и не показывайся мнѣ на глаза, пока я не придумаю, что съ тобою сдѣлать!

Кутьевъ не торопясь уходитъ и дѣйствительно не показывается на глаза. Платонъ Александровичъ призываетъ старосту, спрашивая: что мы завтра будемъ дѣлать.

Обрадованный Иванъ, думая что съ этого времени онъ будетъ бурмистромъ, отвѣчаетъ: „вѣстимо надо жать хлѣбъ, но послѣ того, какъ вы изволили наказать Кутьева, крестьяне всѣ бросились жать: нажали и связали много мокраго хлѣба,—его надо будетъ просушить".

Платонъ Александровичъ поморщился:

— Да вѣдь это не должно послужить къ невыполненію уроковъ.

— Нѣтъ, батюшка, уроки всѣ будутъ выполнены, хотя бы весь хлѣбъ пришлось пересушить.

А это значитъ, что тягло,—мужикъ и баба,—должны въ три дня выжать, связать и сложить въ копны десятину хлѣба, какъ бы ни былъ великъ урожай, хотя бы онъ достигалъ и 20 копенъ (тамъ копна считалась въ 52 снопа). Работа очень тяжкая. Крестьяне, не смотря на короткія лѣтнія ночи, работали и по ночамъ, и во время уборки такъ измучивались, что къ концу уборки худѣли, старѣли а нѣкоторые скорѣе походили на тѣни.

Это еще гдѣ требуютъ только три дня въ недѣлю и въ воскресенье посылаютъ возить хлѣбъ, а у нѣкоторыхъ работаютъ и по четыре дня. Сверхъ сего нужно же и свой хлѣбъ убрать.

Избитый бурмистръ дня два не приходилъ въ контору. Я разъ или два навѣщалъ его и заставалъ облокотившимся на столъ—мрачнымъ и грустнымъ. Жена его, провожая меня, говорила, что по ночамъ встаетъ и подолгу молится со слезами.

На третій или на четвертый день Чихачевъ послалъ за Кутьевымъ и позвалъ его прямо въ комнату. Я прошелъ почти незамѣтно за перегородку, гдѣ лежали бумаги и слушалъ, что будетъ.

— Ну что, Кутьевъ, говоритъ Платонъ Александровичъ мягкимъ голосомъ, пора перестать грубить, а то ты, пожалуй, выведешь меня изъ терпѣнія..... на этомъ словѣ онъ остановился.

Кутьевъ глядѣлъ прямо и смѣло ему въ глаза, что-то хотѣлъ сказать, но вмѣсто того, губы его задергались и на глазахъ показались слезы.

— Что ты, баба что-ли—хочешь плакать?

— Нѣтъ, батюшка Платонъ Александровичъ, это такъ, почти твердо отвѣтилъ Кутьевъ.

— Ну давай заключимъ миръ; своей горячкой я испортилъ свою служебную карьеру. Вотъ и въ тотъ разъ не съумѣлъ себя удержать. Я тебѣ и сыну (у Кутьева былъ одинъ сынъ) даю вольную и послалъ въ Балашевъ за стряпчимъ для этого.

Кутьевъ со всего маху упалъ на землю и со слезами говорилъ:

— Я не достоинъ этого, но спасибо тебѣ на добромъ словѣ. Я вѣдь люблю дѣло и васъ, мнѣ безъ дѣла хоть въ гробъ ложись, да и тебѣ я преданъ всею душею.

Два раза Кутьевъ въ порывѣ чувствъ сказалъ въ единственномъ числѣ, но Чихачевъ не обратилъ на это вниманія.

— Ну будетъ, вставай и ступай на работу, а то тамъ не ладно: нечисто жнутъ. Да скоро нужно и молотить купленною молотилкою.

Въ конторахъ были введены новыя формы; хлѣбъ и все остальное имущество было провѣрено, но Платонъ Александровичъ зятѣялъ сдѣлать десятилѣтнюю таблицу прихода и расхода денегъ. Я ее кончить не могъ, во-первыхъ, потому, что точныхъ данныхъ почти не было, а во-вторыхъ, мнѣ предстояла необходимость ѣхать въ Софіевку и готовиться къ отправкѣ переселенцевъ въ Херсонское имѣніе. Такимъ образомъ я разстался съ Платономъ Александровичемъ Чихачевымъ и П. Т. Кутьевымъ, съ послѣднимъ съ большимъ сожалѣніемъ. Не смотря на уваженіе къ трудолюбію и практичности Платона Александровича, я разстался съ нимъ безъ сожалѣнія; его необузданная вспыльчивость, строгія наказанія розгами не только крестьянъ, но и крестьянокъ и частыя употребленія нагайки во время вспышекъ горячаго до бѣшенства характера по дѣлу и безъ дѣла, дѣлали его несимпатичнымъ и даже опаснымъ. Кстати объ нагайкѣ, съ каждымъ возвращеніемъ изъ за границы онъ привозилъ новую нагайку—тоньше прежней и, какъ мнѣ говорили, пускалъ ее въ дѣло рѣже, но все-таки она нѣсколько времени ходила по многимъ спинамъ, и только въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ была окончательно заброшена.

Въ Гусевской церкви, какъ почти во всѣхъ великорусскихъ церквяхъ, было нѣсколько бабъ-кликушъ, которыя предъ причастіемъ начинали рыдать дикимъ голосомъ и выкликать кого-то и что-то иногда въ истерикѣ, въ истинномъ или притворномъ экстазѣ падали на земь. Тогда покрывали ихъ епитрахилью, или другимъ какимъ-нибудь священнымъ покровомъ, и когда онѣ успокаивались, ихъ выводили изъ церкви. Однажды Платонъ Александровичъ былъ въ обѣднѣ, объявились двѣ такихъ кликуши, и онѣ тотчасъ послѣ обѣдни были позваны въ контору и Платонъ Александровичъ сказалъ имъ, чтобы непремѣнно каждое воскресенье и праздникъ ходили въ церковь и молили усерднѣе Бога объ избавленіи ихъ отъ

этой болѣзни, но если она не пройдетъ, то въ слѣдующую недѣлю за припадкомъ, должны по обыкновенію отбывать три дня барщины, а въ остальные три дня должны работать при церкви: мыть полы, чистить ограду, копать ямы для посадки деревьевъ, и если тамъ не достанетъ работы, то ихъ будутъ высылать на огородъ и садъ при барскомъ домѣ. Ѣсть имъ будутъ выдавать хлѣба вдоволь и одну только воду, и больше ничего: и это для того, де, чтобы вы въ это время, на тощій желудокъ молились усерднѣе Богу, какъ это дѣлали угодники. Тутъ же при нихъ отдано строгое приказаніе бурмистру объ исполненіи въ точности его распоряженія на счетъ кликушъ. Всѣмъ было извѣстно, что его приказанія исполнялись свято. Эти двѣ бабы еще повторили раза два въ уменьшенномъ видѣ выкликаніе, плаканіе и рыданіе, и когда къ нимъ была примѣнена во всей точности сказанная мѣра, то они окончательно излѣчились. Такая же мѣра была примѣнена въ другомъ имѣніи его, с. Анновкѣ и въ Сердобскихъ имѣніяхъ и привела къ тѣмъ же результатамъ.

Когда эти бабы перестали рыдать и выкликать, то между крестьянами прошелъ слухъ, что Платонъ Александровичъ знаетъ такое слово. Особенно крестьянки, одержимыя прежде этимъ крикомъ, желая оправдаться предъ другими, говорили, что когда онѣ къ нему были позваны въ первый разъ, то онъ что-то шепталъ. Когда дошелъ этотъ слухъ до Платона Александровича, то онъ отъ души посмѣялся надъ ними.

Странно, что въ Малороссіи и Украинѣ я въ теченіи 25 лѣтъ никогда не встрѣчалъ этихъ кликушъ. Меня въ то время этотъ вопросъ о кликушахъ очень интересовалъ, въ особенности, когда я послѣ этого встрѣчалъ очень много кликушъ въ великорусскихъ имѣніяхъ Волконскихъ, которыхъ безполезно отчитывали мѣстные священники и монахи въ монастыряхъ, и вотъ на дняхъ я наткнулся на книгу: „Порча кликушъ и бѣсноватые, какъ явленія русской народной жизни.“ Д-ра мед. Н. В. Краинскаго, директора Коломянской психіатрической больницы. Новгородъ 1901 года. Въ этой книгѣ говорится, что кликуше-

ство происходитъ отъ разныхъ бытовыхъ причинъ и требуетъ широкаго изслѣдованія, и считаетъ эту болѣзнь подражательно эпидемическою.

Послѣ описанныхъ фактовъ представляю судить объ этой болѣзни спеціалистамъ, я же, съ своей стороны, ручаюсь за безусловную вѣрность сообщенныхъ выше фактовъ.

Другіе помѣщики, употребляя суровыя мѣры строгости, въ видѣ тѣлеснаго наказанія, не достигали такихъ благихъ результатовъ. Кликуши не ходили въ свои церкви, а уходя въ сосѣднія церкви, или въ монастыри, предавались тамъ усиленному кликушеству.

Еще особенность Платона Александровича Чихачева: онъ каждое утро изъ двухъ находящихся у него въ ящикахъ пистолетовъ стрѣлялъ чрезъ окно въ поставленную особую желѣзную цѣль, въ серединѣ которой былъ желѣзный же кружекъ, вершка въ полтора въ діаметрѣ. Если пуля попадала въ этотъ кружекъ, то выскакивалъ сзади небольшой флагъ, но если послѣ двухъ выстрѣловъ флажекъ не показывался, то онъ еще стрѣлялъ два или три раза. Пороху у него было много, а пуль несмѣтное количество. Когда онъ уѣзжалъ и оставлялъ пистолеты не запертыми, то мы съ его человѣкомъ стрѣляли изъ нихъ по нѣскольку разъ, но почти никогда не попадали въ цѣль, тогда какъ онъ очень рѣдко промахивался. На что ему были упражненія въ стрѣльбѣ въ цѣль, я такъ и не узналъ, хотя человѣкъ его говорилъ, что онъ по пріѣздѣ въ Петербургъ долженъ драться на дуэли. Онъ назвалъ мнѣ и имя этого господина, но я забылъ его, и не знаю, дрался-ли г. Чихачевъ или нѣтъ.

По отношенію къ приходящимъ къ нему крестьянъ или крестьянокъ, если онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и имѣлъ свободное время, то говорилъ съ ними по цѣлымъ часамъ: узнавалъ всю ихъ жизнь, и даже жизнь сосѣдей и другихъ крестьянъ, такъ что ему была извѣстна хозяйственная и семейная жизнь почти каждаго крестьянскаго дома. Разныя основательныя просьбы о вспомоществованіи хлѣбомъ, деньгами, лѣсомъ для постройки до-

мовъ почти всегда удовлетворялись. Такъ, что если бы не строгія, переходящія иногда въ жестокія наказанія, то по отношенію къ крестьянамъ онъ могъ быть названъ строгимъ, но справедливымъ отцомъ. Между его крестьянами не было бѣдныхъ и никто не имѣлъ права просить милостыню.

Платонъ Александровичъ жилъ уединенно: ни къ кому не ѣздилъ, ни кого у себя не принималъ. Въ свободные, особенно ненастные дни, читалъ или занимался конторскими дѣлами. Мѣстныя власти Балашовскаго и Сердобскаго уѣздовъ, исправники и становые, его боялись и не одинъ изъ нихъ не подъѣзжалъ къ его дому съ колокольчикомъ, а снималъ его съ дуги за ½ версты. Да и другія власти тоже относились къ нему съ уваженіемъ и нѣкоторымъ подобострастіемъ: они знали, что вскорѣ послѣ отъѣзда изъ его имѣній и изъ Балашова жандармскаго полковника, уѣздный судья и окружный начальникъ лишились мѣстъ.

Потомъ ему справедливо или нѣтъ, но приписывали смѣщеніе и кажется отдачу подъ судъ предсѣдателя Саратовской уголовной палаты С-пина, извѣстнаго всей губерніи за страшнаго взяточника и безнравственнаго человѣка, имѣющаго чуть ли не гаремъ изъ дамъ вполнѣ пріятныхъ. Я это, впрочемъ, основываю на томъ, что послѣ выѣзда его изъ Саратовскихъ имѣній въ Петербургъ нѣкоторыя власти, какъ сказалъ выше, поплатились отставками. Министру писались частью на французскомъ языкѣ, частью на русскомъ — разныя сообщенія; на русскомъ я переписывалъ разныя записки, написанныя небрежно и не разборчивою рукою, въ коихъ перечислялись разныя беззаконія. Въ концѣ переписанной мною записки, я подъ диктовку Платона Александровича написалъ, что это суть не оффиціальныя свѣдѣнія, для провѣрки которыхъ не мѣшало бы послать чиновника или жандармскаго офицера. Даже и мнѣ, видящему не разъ многія злоупотребленія и знакомому съ нашими порядками не вѣрится прописаннымъ выше злоупотребленіямъ разныхъ властей, — до того они чудовищны. Но на нихъ ука-

зывали благонадежныя люди и готовы были доказать и подтвердить ихъ фактическую справедливость.

Послѣ отъѣзда изъ имѣній Платона Александровича, я видѣлъ его не надолго года черезъ два: онъ ѣхалъ верхомъ и что замѣчательно,—безъ нагайки, а съ легенькимъ хлыстикомъ, такимъ же добрымъ, свѣжимъ, но крайне загорѣлымъ. Потомъ изрѣдка получалъ изъ имѣнія письма отъ Кутьева, что Платонъ Александровичъ рѣже началъ выѣзжать за границу и въ Петербургъ; уменьшилъ строгости и по мѣрѣ уменьшенія ихъ становился добрѣе и внимательнѣе къ нуждамъ крестьянъ и еще болѣе началъ улучшать хозяйство. Объ немъ много говорила сельско-хозяйственная пресса. Онъ умеръ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ преклонной старости.

XXIX.

Снаряженіе крестьянъ къ переселенію и сборы въ дорогу.—Разставаніе ихъ съ родными и насиженными мѣстами.—Продовольствіе ихъ дорогою.—Устройство на новыхъ мѣстахъ, гдѣ они быстро привыкли и начали звать къ себѣ родныхъ.—Надѣленіе ихъ землею.—Дорожная отчетность.—Происшествіе дорогой.

Пріѣхавъ въ концѣ іюля въ свою родную Софіевку, я началъ приготовлять назначенныя къ переселенію семейства крестьянъ и дворовыхъ: осмотрѣлъ ихъ повозки, лошадей и ихъ пожитки, урезонивая брать, какъ можно менѣе, узнавъ еще въ Петербургѣ, что на новыхъ мѣстахъ для нихъ приготовлено все: отъ образа, стола—до ухвата. Переписавъ и перечисливъ семейства, я назначилъ по согласію съ управляющимъ, сколько нужно для каждаго семейства лошадей и возовъ. Семейныхъ, такъ сказать, кушающихъ изъ одной миски было мало: большая часть была изъ раздѣлившихся, вопреки воли Перовскаго, семействъ и потому для большинства понадобилось по одной лошади, и повозкѣ, но все-таки для 130—140 душъ назначалось около 35 лошадей. Я имъ совѣтовалъ запа-

сать какъ можно болѣе сухарей и толокна (изъ отваренаго и высушеннаго овса крупная мука), разъяснивъ имъ при этомъ, что пшена, сала, масла постного можно вездѣ купить, можно иногда купить овцу или свинью, но хлѣба, пожалуй, для такого количества не вездѣ найдешь. Для каждаго семейства я поручилъ купить по двѣ желѣзныхъ цебарки (ведра нѣсколько къ низу съуженныя) одно для поенія лошадей, другое для варенія горячей пищи на открытомъ воздухѣ. Сдѣлавъ именные списки, съ обозначеніемъ, сколько взрослыхъ (тягловыхъ), подростковъ и дѣтей менѣе 5 лѣтъ, и высчитавъ сколько каждому семейству на каждый день нужно было считать къ выдачѣ денегъ или на какую сумму, напримѣръ дня на два, на три купить провизію и овса для лошадей. Я выше сказалъ, что на каждаго взрослаго полагалось въ сутки по 25 коп., подросткамъ и до 10 лѣтъ—по 15, а менѣе 5—по 10 копеекъ. На фуражъ каждой лошади должно быть отпускаемо по 30 коп. Всѣ деньги употребленныя для расходовъ на продовольствіе, или выданныя на руки, каждодневно должны быть записаны въ двѣ выданныхъ мнѣ шнуровыхъ книги. Но я успѣвалъ вести только одну, а въ другую писалъ уже на мѣстѣ. Въ тѣ дни, когда дѣйствительно трудно или совершенно невозможно было купить хлѣба, то я, имѣя ввиду запасные сухари, выдавалъ имъ купленную провизію: пшено, сало, масло или мясо, а за ихъ сухари выдавалъ на руки отъ 3 до 5 коп. на душу, смотря по возрасту. Пищу они варили большею частью на воздухѣ, чѣмъ были очень довольны и рѣдко заѣзжали на постоялые дворы, и то только для того, чтобы купить овса и сѣна, или въ дождикъ перестоять подъ крышей. Въ инструкціи сказано, чтобы я безъ нужды денегъ не выдавалъ имъ на руки и дѣлалъ это только въ крайности, или выдавалъ только въ городѣ, гдѣ они могли купить сами все нужное для продовольствія и даже на день на два въ запасъ. Купленное ими почти всегда самъ или помощникъ мой осматривали. Мы ѣхали чрезъ губернскіе города: Тамбовъ, Воронежъ, Харьковъ и Полтаву. Во всѣхъ губернскихъ городахъ я долженъ былъ

останавливать обозъ дневать и являться съ книгою въ губернское правленіе. Чиновникъ долженъ былъ, опрашивая переселенцевъ, узнавать нѣтъ-ли больныхъ и недовольныхъ. Изъ всѣхъ выше перечисленныхъ городовъ, во всѣ три раза только въ Воронежѣ и Полтавѣ выѣзжали чиновники особыхъ порученій и узнавъ, что нѣтъ больныхъ и всѣ довольны, давали мнѣ удостовѣренія. Мнѣ и моему помощнику изъ переселенцевъ же, какъ болѣе надежному человѣку, всегда почти ѣдущему со мной на парѣ лошадяхъ запряженныхъ въ полукрытый нѣмецкій фургончикъ, отпускалось 2 руб. въ сутки какъ на насъ, такъ и на пару лошадей. Имѣть мнѣ съ собою надежнаго человѣка, а иногда и двухъ было необходимо, потому что я почти каждодневно, устроивъ на ночлегъ переселенцевъ, заплативъ всѣ расходы и записавъ ихъ въ книгу, ѣхалъ съ вечера въ то селеніе, гдѣ предполагался обѣдъ. Когда переселенцы, вставшіе рано, пріѣзжали обыкновенно около 9—10 часовъ къ тому мѣсту, гдѣ предстояло остановиться на постояломъ ли дворѣ или на воздухѣ для обѣда, у нихъ было все готово, оставалось только сварить себѣ пищу, какая мною была пріобрѣтена заблаговременно, пообѣдать и покормить лошадей. Если останавливались на постояломъ дворѣ, что, повторяю, случалось рѣдко, то обѣдъ для нихъ былъ готовъ. Я, устроивъ переселенцевъ и оставивъ помощника для разсчета, ѣхалъ съ кѣмъ-нибудь, тоже изъ переселенцевъ, до слѣдующей станціи и приготовлялъ все нужное къ ужину и ночлегу.

Мнѣ кажется, не лишнимъ будетъ сказать о проводахъ переселенцевъ ихъ родными и знакомыми: дочерьми, сестрами и болѣе дальними родственниками и даже знакомыми съ переселенцами, такъ, что на проводы собралось почти все село, изъ коихъ многіе уже были выпивши. Обозъ собрался на площади, гдѣ служился молебенъ съ водоосвященіемъ и все окроплялось святою водою. Послѣ этой церемоніи начался плачъ и рыданіе, въ родѣ плача плѣненія вавилонскаго. Трудно было обозъ тронуть съ мѣста. Всѣ ближніе и дальніе родственники провожали

до ближайшаго Аничковскаго кабака, версты $2^1/_2$, гдѣ производилась выпивка; другіе родственники ѣхали до другого кабака, верстъ за 7 и, наконецъ, самые близкіе провожали верстъ за 25 до большого селенія Бекова, гдѣ уже было послѣднее разставаніе и самая большая выпивка, такъ какъ тамъ была ночевка, а въ ночь были слышны уже пѣсни; начало одной пѣсни я и теперь помню:

Ты злодѣйка, ты злодѣйка,
Чужа дальня сторона!
Ахъ, зачѣмъ же ты, злодѣйка, разлучила
Съ отцомъ, матерью меня!

Откуда эта пѣсня позаимствована и кѣмъ сложена, я не могъ узнать, между тѣмъ прежде я никогда ее не слыхалъ.

Такимъ же точно образомъ изъ Софіевки, Саратовской губерніи Сердобскаго уѣзда, совершены три переселенія въ деревню Балабановку, Херсонской губерніи и уѣзда (отъ Николаева въ 12 верстахъ). Каждый разъ на эту поѣздку употреблялось 40—45 дней, смотря по погодѣ и состоянію пути. Разстояніе между Софіевкою и Балабановкою было около 1400 верстъ. Изъ назначенныхъ мнѣ на первый транспортъ денегъ, у меня осталось четыреста слишкомъ рублей, и всѣ переселенцы при опросѣ ихъ управляющимъ остались довольны. Въ два слѣдующихъ транспорта оставалось тоже отъ 300 до 400 рублей. За всѣ три транспорта я получилъ наградныхъ всего 100 рублей, впрочемъ для меня въ это время это были большіе деньги.

Дѣйствительно переселенцы нашли на мѣстѣ переселенія все нужное: хорошія каменныя, обмазанныя, выбѣленныя хаты (по-русски избы); въ хатахъ по одному образу, хорошія печи, столъ и скамейки, два ведра, кадку для воды и проч.,— до ухвата включительно. Пайки на продовольствіе выдавались изъ экономическаго магазина: по полтора пуда муки ржаной, по 20 фунтовъ пшена, на взрослаго рабочаго—тягловаго; въ половинномъ количествѣ на полурабочаго и по 15 фун. на десятилѣтнихъ; это выдавалось не въ ссуды, а безвозвратно, за тотъ хлѣбъ, который у нихъ

взятъ на родинѣ, въ Софіевкѣ. Полутягловые старики, старше 45 лѣтъ и подростки работали въ три недѣли одну недѣлю, а въ остальное время могли работать за плату; многіе чрезъ мѣсяцъ—два поступили къ овцамъ въ чебаны, за такую же плату, какъ получали посторонніе чебаны, большею частью молдаване, за вычетомъ одной трети, за обязательныя работы какъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Вырученныя за проданныя постройки и другое имущество на родинѣ, въ Софіевкѣ, деньги были получены въ Балабановкѣ по особому разсчету и по мѣрѣ надобности выдавались переселенцамъ. Земли въ трехъ клинахъ отведенныхъ для крестьянъ было съ излишкомъ вдоволь, а потому всякій изъ нихъ сѣялъ, почти столько сколько могъ. Барщина была недѣльная (называемою тыждневкою). Но имъ немало не вредило неумѣнье работать на волахъ и даже отвращеніе къ нимъ, но все-таки мало по малу и они начали привыкать къ работѣ на волахъ и даже пріобрѣтать ихъ. Къ концу лѣта и зимою переселенцы начали уже писать на родину утѣшительныя письма, зовя къ себѣ родныхъ, а потому при второмъ транспортѣ переселенія плачу было менѣе; при третьемъ было около половины охотниковъ къ переселенію, а въ четвертомъ еще болѣе оказалось охотниковъ и плача при проводахъ почти не было. Четвертый транспортъ, который, впрочемъ, провожалъ уже не я, могъ быть составленнымъ изъ однихъ охотниковъ, но отпускали къ переселенію съ разборомъ, оставляя лучшихъ хозяевъ на мѣстѣ. Я оставшись на жительство въ Балабановкѣ, уже не препровождалъ четвертаго транспорта Всѣ три транспорта переселенцевъ доставлены мною вполнѣ благополучно. При переселеніи двухъ послѣднихъ было два приключенія: одно могло кончиться печально, другое передамъ только какъ замѣчательное, скорѣе похожее на комическое. Оно произошло при обратной моей поѣздкѣ и свело меня съ замѣчательнымъ субъектомъ офицеромъ.

XXX.

Два дорожныхъ приключенія.—Встрѣча переселенцевъ съ пьяными рекрутами.—Драка съ ними и ея послѣдствія.—Пьяные извозчики на постояломъ дворѣ.—Барщина.—Дочь полковника, идущая въ монастырь.—Офицеръ съ Кавказа узнаетъ барышню.—Его заступничество за барышню и расправа офицера съ извозчиками.

Первое происшествіе случилось при провожденіи второго транспорта, въ Курской губерніи, близъ города Корочи.

Я выѣхалъ на ночь и сторговался недорого съ дворникомъ, обязавшимся изготовить зеленые щи съ 1/4 фунта мяса на каждаго и гречневою кашею. Выѣхавъ изъ этого селенія (названіе, котораго не помню) версты за 1 1/2—2 на встрѣчу переселенцамъ, засталъ у нихъ драку съ выѣхавшими на встрѣчу пьяными рекрутами. Выпившіе рекрута молодые ребята—оставленные безъ присмотра, стали гоняться за дѣвками и молодыми бабами; двѣ изъ нихъ спрятались въ кибитку и оттуда отбивались, какъ изъ крѣпости находящимися въ ихъ рукахъ батогами, въ одной изъ повозокъ въ углу сидѣла беременная женщина. Рекрута не долго думая, взявъ подъ оси повозку, опрокинули ее: беременная женщина взвыла, одна дѣвка кричала, что ей вывихнули руку. Тутъ всѣ взрослые крестьяне и молодыя бабы, съ имѣющимися у нихъ въ рукахъ батогами, бросились на рекрутовъ и началась опасная драка. Я хотѣлъ вступиться,—разнять ихъ, но въ меня полетѣли комки земли и одинъ рекрутъ выхватилъ изъ рукъ старика палку, пустилъ ею въ меня: она со свистомъ пролетѣла около моего уха. Чѣмъ бы это кончилось, сказать трудно, но одинъ изъ провожатыхъ, болѣе благоразумный, поскакалъ верхомъ въ волость села, откуда на двухъ парахъ скакали: старшина, засѣдатель и сдатчикъ рекрутовъ. Они разогнали битву, но нашли у двухъ рекрутовъ лица разбитыя палками переселенцевъ, и изъ ранъ текла кровь. Одинъ изъ переселенцевъ валялся на землѣ и кричалъ:

— Посылай за попомъ,—умираю!

Около беременной женщины собрались бабы и она вопила, что ей придется выкинуть; дѣвица, прижавши руку къ груди, кричала, что ей вывихнули руку.

Власти, отпустившія рекрутовъ безъ присмотра, накинулись на меня какъ, де, я позволилъ этимъ кацапамъ изуродовать физіономіи рекрутовъ и теперь ихъ не примутъ въ рекрутскомъ присутствіи. Я рѣшительно потребовалъ замолчать и выслушать меня. Разъяснивъ, что переселенцы не могли начать драки, и разсказавъ, какъ описано выше, показалъ инструкцію изъ Петербурга. Понявъ свое упущеніе, власти скомандовали, чтобы рекруты двигались въ Корочу. Тутъ уже я ихъ остановилъ, что безъ составленія акта на мѣстѣ, *я не могу* ихъ отпустить и сейчасъ ѣду въ Корочу къ исправнику, окружному начальнику и попрошу доктора осмотрѣть больныхъ.

При такомъ положеніи дѣла власти совершенно растерялись и начали просить меня окончить дѣло миромъ, предлагая мнѣ 25 рублей. Но я, не разговаривая съ ними, поѣхалъ въ Корочу, отстоящую отъ мѣста происшествія верстахъ въ 7—8. Власти, оставивъ при рекрутахъ сдатчика рекрутовъ и благонадежныхъ людей для охраненія переселенцевъ, двинулись за мною тоже въ Корочу.

Городскія власти: исправникъ, окружный начальникъ и докторъ, выслушавъ меня и прочитавъ инструкцію, подписанную министромъ, немедленно выѣхали со мною къ мѣсту происшествія. Тутъ послѣ краткаго объясненія началась ручная расправа съ сельскими властями: исправникъ отхлеставъ по зубамъ и потаскавъ за бороду сдатчика, принялся за старосту, а окружный управлялся такимъ же образомъ съ старшиною и сельскимъ засѣдателемъ. Докторъ осматривалъ больныхъ, побитыхъ рекрутами.

Послѣ этого упражненія начались переговоры, какъ дѣло кончить. Мнѣ совѣтовали власти окончить дѣло миромъ и предлагали уже 50 руб., но понявъ, что я этого не могу сдѣлать безъ согласія пострадавшихъ, а потому я совѣтовалъ имъ спросить больныхъ и доктора. Послѣдній объявилъ, что важныхъ поврежденій нѣтъ, и по его

мнѣнію можно продолжать путь съ переселенцами. Я предварительно пошелъ самъ къ больнымъ и не найдя ничего опаснаго, съ умысломъ спросилъ ихъ, какъ они думаютъ,—остаться ли здѣсь въ больницѣ или могутъ ѣхать. Они взмолились, чтобы не оставлять ихъ здѣсь, а ѣхать далѣе по назначенію. Я имъ сказалъ, чтобы они сами мирились съ властями и взяли бы на мировую что нибудь съ виновныхъ.

— Сколько намъ просить съ нихъ?

— Постарайтесь получить по больше, такъ какъ всѣ они признаютъ себя виновными.

Этого было достаточно съ нихъ, чтобы заломить на мировую большіе деньги.

Возвратясь къ властямъ, я просилъ доктора еще разъ обойти больныхъ, и если онъ не видитъ ничего опаснаго, то пусть власти вступятъ съ ними въ переговоры, лично безъ моего присутствія и я по понятнымъ причинамъ не могъ принять ни какого участія, а потому уѣхалъ на постоялый дворъ готовить обѣдъ.

Послѣ переговоровъ съ больными, власти и старшина прислали за мною въ волость. Они передали мнѣ:

— Ну же и кацапы ваши! (рекруты были изъ малороссовъ)—крестьянинъ запросилъ за побои 100 руб, но съ трудомъ сошелся на 50 руб.; баба требовала 50, но согласилась получить 25 руб.; дѣвкѣ дали 10 рублей. Такимъ образомъ старшина, засѣдатель и отдатчикъ вмѣстѣ съ зачинщиками драки должны заплатить 85 рублей, которые и предложили сейчасъ получить мнѣ.

— Я лично взять этихъ денегъ не могу, но пошлите къ нимъ кого нибудь и онъ пусть вручитъ при мнѣ эти деньги больнымъ, тогда я возьму отъ нихъ подписки и вручу вамъ.

Такъ и было сдѣлано: такимъ образомъ и кончилось это происшествіе. Власти уѣхали въ городъ, а мы двинулись подъ охраненіемъ старосты къ мѣсту для ночлега, гдѣ между переселенцами происходила успленная выпивка, такъ какъ въ селѣ, гдѣ произошло примиреніе, я запретилъ переселенцамъ брать водку.

Второй случай относился всецѣло ко мнѣ.

Я, согласно инструкціи обратно изъ Херсонской губерніи для слѣдованія въ Саратовскую, имѣлъ право ѣхать на почтовыхъ, въ своемъ нѣмецкомъ полуфургончикѣ. Такъ какъ не предвидѣлось срочнаго дѣла на моей родинѣ, — въ Софіевскомъ имѣніи, — то я спросилъ дозволеніе возвращаться на купленныхъ мною лошадяхъ, чрезъ что, соблюдая нѣкоторую экономію въ прогонахъ и продавая иногда на мѣстѣ лошадей съ пользою, имѣлъ нѣкоторое приращеніе къ моимъ небольшимъ средствамъ.

Изъ Херсонскаго имѣнія, — Балабановки, — я выѣхалъ послѣ 20 числа сентября. При выѣздѣ была порядочная грязь, дожди перепадали почти ежедневно и грязь усиливалась со дня на день и обратилась въ непроѣздную. Подъѣзжая къ Харькову мы могли на нашихъ сытыхъ лошадкахъ и въ легонькомъ фургончикѣ едва дѣлать верстъ по 20—25 въ сутки. Наконецъ съ трудомъ добились до Красныхъ постоялыхъ дворовъ подъ Харьковомъ. Въ грязь они были биткомъ полны извозчиками, везшихъ въ Харьковъ на Покровскую ярмарку товары. Въ одномъ, въ другомъ и въ третьемъ постояломъ дворѣ, но переполненію ихъ извозчиками, мнѣ отказали въ ночевкѣ. Въ четвертомъ или пятомъ, — теперь не помню, но знаю, что еще новенькомъ и небольшомъ, насъ пустили за усиленную плату на ночь. Но и въ этомъ дворѣ стояло около 20 подводъ, съ 10 или 12 обоянскими одиночными извозчиками, сидѣвшими за столомъ уже пьяными и еще пьющими водку и страшно сквернословящими. Въ помѣщеніи, гдѣ извозчики обѣдали, ходила приличная старушка, въ черномъ платьѣ съ чернымъ ременнымъ поясомъ, въ родѣ монашескаго и слезно просила извозчиковъ прекратить сквернословіе, говоря:

— Вѣдь она барышня, дочь полковника, добровольно желающая принять монашество.

— А наше какое дѣло: за свои деньги мы сами монахи и господа! отвѣчали извозчики.

Слышу довольно симпатичный молодой голосъ съ палатей.

— Няня, не трогай ихъ: уже пошли на то,—надо все терпѣть.

Лица говорившей не было видно.

Я съ своей стороны началъ урезонивать извозчиковъ, но это не помогало: мнѣ отвѣчали еще съ большею грубостью, и въ доказательство того, что они ни за что не считаютъ меня, еще усилили сквернословіе и похабныя пѣсни.

Въ это время входитъ высокій офицеръ, лѣтъ 50—55, въ мундирѣ съ высокимъ стариннымъ воротникомъ и длинными обшлагами на рукавахъ; на груди два ордена Георгія. Лицо въ морщинахъ; взглядъ пронзительный и строгій, усы подстрижены вплотную; и постоянно находящіеся въ движеніи. Не спрашивая хозяина, скинулъ съ плечъ офицерскую шинель и бросилъ на мой тюфячишко, разостланный на единственной свободной лавкѣ, на которой я рѣшился провести ночь. Офицеръ обратился къ хозяину скорѣе съ требованіемъ, нежели съ просьбою поставить самоваръ.

— Да гдѣ же вы спать-то будете,—видите, какъ у насъ тѣсно?

— Спать буду я на своей повозкѣ; дайте безъ задержки самоваръ и углей,—поставитъ его мой солдатъ и я, напившись чаю, уйду на повозку, не желая оставаться съ этими пьяницами или задамъ имъ по военному.

Онъ отодвинулъ съ конца стола хлѣбъ и прочее и указалъ вошедшему солдату:

— Вотъ на этомъ концѣ соберешь мнѣ чай,— самъ началъ ходить молча по комнатѣ.

Извозчики сначала немного примолкли, но вскорѣ запѣли пьяными голосами сквернословную пѣсню:

„Акулинкина мать собиралась помирать,
Умереть не умерла — своево кума позвала,
Съ собою рядомъ положила, пригалубила яво“...

И опять скверный припѣвъ и одинъ изъ извозчиковъ началъ приплясывать.

Офицеръ ходилъ по небольшому пространству избы и только искоса посматривалъ на извозчиковъ; его усы

быстро двигавшіеся еще быстрѣе задвигались изъ стороны въ сторону.

Деньщикъ принесъ самоваръ и поставилъ на концѣ стола, тихо сказалъ извозчикамъ:

— Уймитесь, а то вамъ достанется.

За что?—мы сами здѣсь господа—ты то что?

Въ это время старушка въ черномъ платьѣ, то съ той, то съ другой стороны заглядывала въ лицо офицеру и, наконецъ, нерѣшительно спросила:

— Это вы, Василій Михайловичъ?

Офицеръ внимательно всматривается въ лицо старушки и, наконецъ, съ удивленіемъ спрашиваетъ.

— Да это вы, няня? Назвалъ ее по имени и отчеству,—какъ вы сюда попали?

— Я съ барышней,—кажется она назвала ее Катериной Александровной,—мы ходимъ по святымъ мѣстамъ и она собирается въ монахини:

— Да гдѣ же она?

Няня указала на полати, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывая на извозчиковъ сказала, что ее загнали на полати вотъ эти сквернословы. На краю полатей показалось еще молодое загорѣлое и красивое лицо брюнетки, покрытое чернымъ платкомъ.

Офицеръ сдѣлался еще какъ бы выше и помолодѣлъ, съ неподдѣльнымъ восторгомъ протянулъ руки къ полатямъ.

— Катя!.... простите,—я привыкъ васъ такъ звать, когда вы были очень маленькой.—Катерина Александровна! какъ вы попали сюда? Помните вы, какъ я васъ въ Редутъ-Коле крошкой носилъ на рукахъ? Сходите ко мнѣ съ полатей на руки.

Извозчики, видя, что на нихъ никто не обращетъ вниманія, еще выпили по стакану водки и посыпалась изъ ихъ пьяныхъ глотокъ еще болѣе крупная отборная брань.

Няня, обращаясь къ офицеру, говоритъ:

— Слышите, какъ они сквернословятъ? развѣ можно это слышать барышнѣ?

Офицеръ съ быстротою раненнаго звѣря бросился къ столу, за которымъ сидѣли извозчики: двухъ сидѣвшихъ

на концѣ скамейки схватилъ за растрепанные волоса и черезъ скамейку бросилъ на полъ. Остальные извозчики, сидѣвшіе на скамейкѣ, встали,—скамейка упала, а офицеръ началъ колотить безъ разбора первыхъ попадавшихся ему подъ руку, осыпая ихъ площадною руганью. Они бормоча что то пьянымп языками:—такъ нельзя,—нѣтъ правовъ,—но всѣ гурьбою бросились къ двери, быстро выходя изъ избы; имъ мѣшала скамейка; въ дверяхъ одинъ изъ нихъ, болѣе пьяный упалъ. на него упалъ другой и такимъ образомъ образовалась какая-то движущаяся масса. Офицеръ, работая руками и нанося имъ подзатыльники, а въ заднія части упавшихъ толкалъ ногами, не переставая осыпать площадною бранью, приговаривалъ:

— Знаете ли вы, такіе-сякіе,—это дочь перваго полковника на Кавказѣ, убитаго на моихъ глазахъ. И при этомъ ушибъ себѣ объ косякъ двери руку до крови.

Но уже ни одного извозчика не осталось въ избѣ и они за дверью сдержано выкрикивали протесты.

Офицеръ, пріотворивъ дверь, закричалъ:

—Молчать! и, обращаясь къ деньщику, сказалъ:

— Принеси саблю, я ихъ плашмя еще попотчиваю, а то я вонъ какъ ушибъ о косякъ руку. Дѣйствительно изъ щиколодки руки текла кровь.

Извозчики, услышавъ о саблѣ, изъ сѣней бросились на дворъ и начали вооружаться палками.

Все это произошло скорѣе, нежели тутъ разсказано. Въ это время барышня при помощи няньки слѣзла съ полатей и начала просить или скорѣе молить и удерживать офицера не трогать болѣе извозчиковъ и не замѣтно для него самого обернула своимъ платкомъ руку, изъ которой дѣйствительно шла кровь.

Офицеръ, постоявъ немного, тяжело дыша и обратясь къ барышнѣ, заговорилъ жалобнымъ и умоляющимъ голосомъ:

— Простите меня, ради дружбы вашего отца,—простите меня бѣшеннаго,—и онъ намѣревался стать на колѣни, но барышня не допустила его до этого.

— Вы столько услыхали отъ меня площадной брани и скверныхъ словъ, сколько вѣроятно не слыхали отъ этихъ пьяныхъ извозчиковъ. Скажите хоть одно слово,— прощаете меня, извиняете?

— Извиняю, Василій Михайловичъ, вѣдь я знаю васъ—кавказцевъ. Не безпокойтесь!

Онъ схватилъ обѣ руки ея и горячо прижалъ ихъ къ губамъ и, взявъ за руку, подвелъ ее къ столу, на которомъ солдатъ приготовилъ чай. Началось чаепитіе и воспоминанія, а извозчики, пріотворя дверь, и обращаясь къ хозяину, просительнымъ тономъ говорили:

— Выкиньте наши шапки и одежу,—мы сейчасъ уѣдемъ.

Барышня, обращаясь къ офицеру и хозяину, говорила:

— Пусть извозчики войдутъ и ночуютъ,—куда ѣхать въ такую темь и грязь? И она, не дождавшись отвѣта офицера и хозяина, пріотворила дверь, говоря извозчикамъ: -Идите въ избу,—васъ никто не тронетъ, за это я ручаюсь.

Офицеръ прибавилъ отъ себя, чтобы ни одного скверная слова не было сказано вами, входите.

Первыхъ два извозчика вошли, перешагнули черезъ порогъ двери и говорятъ:

— Не скажемъ, ни Боже мой,—это мальчишки; и обращаясь къ барышнѣ, поклонились ей и нянѣ,—простите насъ—пьяныхъ мужиковъ, а вамъ барышня, за вашу доброту дай Богъ здоровья! Куда бы мы поѣхали?—Лошади чуть-чуть ноги передвигаютъ, а дождь такъ и льетъ.

И они начали по немногу входить и становиться въ кучку около печки, разглаживая руками свои растрепанные волоса. Достали гдѣ-то полумокрой соломы, постлали на полу, близъ печки и стали укладываться спать.

Начались разговоры и разспросы между офицеромъ и барышнею. Первый заговорилъ офицеръ:

— Гдѣ теперь ваша матушка и какъ она поживаетъ? Она была добрая и любила пожить; развлекала нашу каторжную жизнь на „Погибельномъ Кавказѣ“ Вы хотя и

маленькою были, но неутѣшно плакали когда я принесъ вашего раненаго батюшку. Онъ былъ при мнѣ раненъ черкесомъ, кинжаломъ въ бокъ. Вашъ батюшка и я почти вмѣстѣ устремились вырвать большое знамя, которое держалъ старый сѣдой горецъ, похожій на Шамиля, что еще болѣе возбуждало наше стремленіе къ нему. Батюшка вашъ подбѣжалъ къ нему первый и, ударивъ его шашкой по головѣ, ухватился за знамя, но тутъ же былъ раненъ въ грудь кинжаломъ. Другой горецъ хотѣлъ вырвать у него знамя, но старикъ-горецъ и полковникъ покатились подъ гору. Подбѣжавшаго горца я удачно ранилъ шашкою, а онъ меня довольно таки тяжело ударилъ въ пахъ кинжаломъ. Но тутъ сбѣжалось нѣсколько горцевъ и подоспѣли наши солдаты и началась свальная штыковая работа, но я, истекая кровью, поспѣшилъ къ полковнику. Онъ былъ еще живой, а горецъ пытался даже встать, но я его уложилъ на мѣстѣ, взявъ знамя и передавъ его молодому офицеру, а самъ съ солдатами понесъ полковника въ домъ. Я уже не видѣлъ похоронъ полковника, потому что лежалъ въ госпиталѣ, гдѣ провалялся не малое время, а ваша мама вмѣстѣ съ вами вскорѣ уѣхала изъ лагеря, не оставивъ извѣстія. Съ тѣхъ поръ я васъ не видѣлъ и не знаю какъ передали вашей мамѣ о смерти полковника, а потому теперь рѣшился передать вамъ этотъ глубоко-печальный случай. Съ тѣхъ поръ и я началъ прихварывать, а тутъ насъ вскорѣ перевели въ еще въ болѣе безпокойный и лихорадочный пунктъ,— Сухумъ-Коле. Вотъ теперь я вижу васъ красавицею и, какъ догадываюсь, почему-то обрекшей себя въ монахини, а вы меня—почти слабымъ старикомъ, а няня, я думаю, помнитъ меня какимъ я былъ молодцемъ и силачемъ,— другого въ полку не было.

— Вы спрашивали о мамашѣ, заговорила барышня,— она живетъ въ своемъ имѣніи близъ Чернигова, отданномъ въ аренду. Двѣ сестры живутъ съ нею, а братъ, кончивъ въ Пажескомъ корпусѣ, теперь офицеръ. Дѣйствительно, я рѣшилась поступить въ монастырь. Идемъ теперь въ Воронежъ, гдѣ послѣ поклоненія угоднику Мит-

рофану, поступлю тамъ въ монастырь, названіе котораго запомнила. Неприглядна мнѣ свѣтская пустая жизнь.

Офицеръ съ грустью посмотрѣлъ на нее сказалъ:

— Рано хотите это сдѣлать, успѣли бы еще.

Пока офицеръ и барышня говорили, я спросилъ у няни фамилію офицера.—„Лопасовъ“, отвѣтила она. Изъ головы не выходила у меня фамилія офицера, я эту фамилію почему то помню хорошо, подумалъ я.

— А вы откуда и куда ѣдете? спросила барышня.

— Я съ Кавказа, изъ Сухумъ-Коле, ѣду въ Саратовскую губернію, Сердобскій уѣздъ, на свою родину, въ Софіевку, гдѣ у меня дочь и зять. Но предварительно заѣду въ Балашовскій уѣздъ къ Муханову, няня, навѣрно его помнитъ? Онъ у васъ былъ принятъ: это молодой красивый гвардеецъ, сосланный на Кавказъ за дуэль и дерзость начальству. Онъ при всѣхъ стычкахъ лѣзъ, какъ говорятъ, на рожонъ, ища какъ бы умышленно смерти. Но смерть его щадила: онъ два раза былъ раненъ, отличался, получивъ Георгія и повышеніе, выѣхалъ въ чинѣ штабсъ-капитана на родину. Няня тоже, я думаю, помнитъ, какъ я возился съ нимъ, какъ съ малымъ ребенкомъ, охраняя его отъ горячности и другихъ непріятностей въ полку. Такъ какъ его родина Мухановка всего кажется въ семи верстахъ отъ Софіевки, то онъ просилъ меня, когда я выйду въ отставку, пріѣхать къ нему жить. По дорогѣ я заѣду къ нему и сколько проживу у него—не знаю, но все-таки думаю въ родномъ селѣ попросить мѣстечко у княгини Волконской, а лѣсу навѣрно дастъ Мухановъ. Такъ какъ мой путь лежитъ на Воронежъ, то я васъ туда и довезу.

— Благодарю, отвѣчаетъ барышня,—я обѣщалась идти пѣшкомъ: мнѣ мама давала лошадь съ кучеромъ, но я отказалась.

— Ну нѣтъ, какъ вамъ угодно, а пѣшкомъ васъ не отпущу: если вы не сядете, будемъ вмѣстѣ идти пѣшкомъ около возa.

XXXI.

Въ офицерѣ Василіи Михайловичѣ Лопасовѣ узнаю своего земляка, отданнаго въ рекруты изъ крестьянъ Софіевки. —Исторія его поступленія. — Жена, дочь и зять его.—Его братъ скрывшійся отъ рекрутства и исторія его бѣгства.—Слѣдованіе наше вмѣстѣ до Воронежа.

Странное совпаденіе. Офицеръ оказался мой землякъ изъ той же Софіевки. Я зналъ его дочь и зятя, крѣпостныхъ крестьянъ, а также зналъ по слухамъ исторію поступленія на службу Лопасова, памятную всему селенію. Эта исторія не лишена нѣкотораго интереса и я для поясненія тогдашняго крѣпостнаго быта коснусь ея ниже.

Когда я узналъ въ офицерѣ своего земляка, то рѣшился подойти къ бесѣдующимъ и почтительно заявилъ:

— Простите, что я на нѣкоторое время перебью вашу интересную бесѣду.

— Что вамъ нужно? нетерпѣливо и почти сурово спросилъ меня офицеръ.

Я самъ уроженецъ Софіевки.....

— Какимъ это образомъ попали сюда? какъ бы не довѣряя, спросилъ офицеръ.

Я разсказалъ, что былъ проводникомъ переселенцевъ крестьянъ изъ Софіевки въ Балабановку—имѣніе тоже княгини Волконской, Херсонской губерніи. Теперь возвращаюсь изъ Херсонской губерніи на родину въ Софіевку.

Офицеръ вскочилъ, выпрямился во весь ростъ и сказалъ:

— Можетъ быть вы знаете мою дочь, мужа ея и дѣтей— внучатъ моихъ.

— Даже очень коротко знаю, когда я завѣдывалъ дер. Мокшанцевою, какъ приказчикъ, гдѣ жила и живетъ дочь ваша, то читалъ вашему семейству ваши очень рѣдкія письма; получалъ изъ конторы деньги, посылаемыя вами дочери и передавалъ ихъ. Сколько помнится, кажется писалъ отъ нихъ вамъ письма. Изъ вашихъ писемъ и, рѣдко возвращающихся въ отставку солдатъ съ Кавказа, я зналъ кое-что о вашей жизни и подвигахъ на

Кавказѣ; особенно много говорилъ о васъ Мухановъ, называя васъ лучшимъ другомъ и братомъ.

Офицеръ, какъ будто бы помолодѣлъ; подстриженные его усы задвигались изъ стороны въ сторону быстро, глаза начали мигать часто. Онъ стремительно обнялъ меня, говоря:

— Родной мой, началъ офицеръ заискивающимъ голосомъ, вы вѣроятно не откажетесь мнѣ передать все, что вамъ извѣстно о моемъ семействѣ и скажите всю правду, умоляю васъ, только одну правду, чтобы я теперь же зналъ, что меня ожидаетъ.

Я обѣщалъ разсказать все подробно и правдиво, хотя зналъ, что извѣстія его не порадуютъ.

— Я также зналъ по слухамъ и обстоятельства, при коихъ вы поступили на службу.

— Разсказывайте все, что знаете. Милая барышня проститъ насъ и не много поскучаетъ, пока вы передадите все, что знаете о моемъ семействѣ. И, обращаясь къ барышнѣ, сказалъ:—пожалуйста извините великодушно.

— Ради Бога говорите не стѣсняясь,—намъ будетъ также пріятно знать ваши семейныя обстоятельства.

— По слухамъ я вотъ что знаю, началъ я и просилъ офицера поправить меня, если слухи окажутся не вѣрными. Вашъ средній братъ Филиппъ, здравствующій и теперь, какъ вы знаете за его безпокойный характеръ и поочереди былъ назначенъ въ службу и взятъ вмѣстѣ съ другими подъ стражу. Онъ занимался извозомъ и, говорятъ, наживалъ деньгу, а вы за него и за себя отбывали барщину. Чрезъ сутки рекрутовъ должны были вести въ Саратовъ, но онъ бѣжалъ въ ночь: его не нашли и взяли васъ, почти неожиданно. Такъ ли было это? —вамъ извѣстно лучше.

— Такъ, съ грустью въ голосѣ подтвердилъ офицеръ. Но пожалуйста скорѣе о семействѣ, а объ этомъ послѣ.

Вы съ такою страшною тоскою разставались, съ красавицею на все село, вашею женою и дочерью, оставшеюся въ колыбели. О грустномъ моментѣ вашей разлуки мнѣ разсказывала ваша супруга, года три тому назадъ.

— Неужели она помнитъ меня до сего времени, еще съ большею грустью сказалъ офицеръ.

— Нужно думать, что помнила, такъ какъ разсказывала это со слезами, выкормила дочь и отдала ее замужъ за хорошаго человѣка—крестьянина.....

— Договаривайте, пожалуйста,—я слышалъ вскользь, что она отдала дочь за старообрядца. Правда-ли это?— Говорите, не стѣсняйтесь.

— Если вы желаете,—я разскажу все по порядку. Когда братъ вашъ, спасаясь отъ рекрутщины, ночью бѣжалъ изъ подъ стражи, то, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, онъ захватилъ тройку лошадей и повозку, на которыхъ прежде извозничалъ, и скрылся. Его до обѣда того дня не нашли, хотя за нимъ погнались во всѣ стороны, а ждать не было времени. Васъ взяли и заковали вмѣстѣ съ другими рекрутами. Говорили, что вы были слишкомъ въ взволнованномъ состояніи, тогда къ вамъ принесли дочь вашу, вы ее такъ крѣпко къ груди прижали, что она чуть не умерла въ вашихъ объятіяхъ, вы не желали ее отдавать, насильно съ трудомъ ее отъ васъ взяли. Въ рекрутскомъ присутствіи когда сказали: „лобъ“, что по тогдашнему означало: принятъ, съ вами былъ продолжительный обморокъ. Все это разсказываю подробно, можетъ быть болѣе, нежели нужно, какъ для того чтобы дать понятіе этимъ дамамъ о вашемъ поступленіи на службу, которыя, какъ я вижу, слушаютъ съ интересомъ, такъ и для того, чтобы напомнить вамъ всѣ событія о поступленіи на службу. Все это слыхалъ отъ вашей жены. Если желаете, я разскажу и исторію побѣга вашего брата Филиппа. Вы, вѣроятно, не знаете подробностей этого побѣга?

— Дѣйствительно не знаю, разскажите пожалуйста. Обращаясь къ дамамъ,– если вы скучаете, то мы прекратимъ до времени этотъ разговоръ.

— О нѣтъ, мы глубоко заинтересованы всѣмъ этимъ. И обращаясь ко мнѣ, барышня сказала:—продолжайте пожалуйста.

— Послѣ побѣга брата вашего, его вблизи нигдѣ не нашли и слѣдъ его простылъ. Да и искать его серьезно не стали. Онъ взялъ своихъ лошадей; будучи немного грамотенъ, нацарапалъ записку и оставилъ на столѣ: „не ищите, черезъ полгода пріѣду . Теперь буду разсказывать, что слышалъ отъ вашего брата—оригинала, разсказы котораго не менѣе оригинальные и занятные я любилъ слушать; особенно мнѣ нравился разсказъ его о побѣгѣ и свиданіи въ Оренбургѣ съ княземъ Г. С. Волконскимъ, тогда военнымъ генералъ-губернаторомъ Оренбургскимъ и тогдашнимъ владѣльцемъ Софіевки. Братъ вашъ какъ-то умѣлъ добраться до Самары, гдѣ раздобылъ фальшивый паспортъ. Взялъ тамъ съ залогомъ за исправность доставки какую то кладь, для доставленія въ Оренбургъ. По пріѣздѣ туда, сдавъ кладь и продавъ лошадей и повозку, предварительно познакомился съ дворецкимъ и камердинеромъ князя, задобривъ ихъ подарками. Они разсказали князю съ извѣстными прикрасами, что пѣшкомъ изъ Софіевки пришелъ къ нему крестьянинъ Лопасовъ просить его защитить отъ напрасныхъ обидъ Софіевскихъ властей. Князь, тоже въ своемъ родѣ чудакъ, былъ въ хорошемъ расположеніи духа, выслушалъ благосклонно, принявъ въ немъ участіе, велѣлъ сшить ему хорошую русскую, крестьянскую одежду, вымыть, вычесать и на другой день во время какого-то бала пли вечера велѣлъ привесть въ гостинную, гдѣ было множество разныхъ гостей. Князь разсказалъ гостямъ исторію его побѣга, конечно съ прибавленіемъ, что не смотря на такую даль къ нему обращаются за правосудіемъ. Вашъ братъ долженъ былъ простоять весь вечеръ въ гостинной и видѣть все, что происходило на балу. По окончаніи бала князь спросилъ его, какъ ему все это понравилось. Онъ, какъ смѣтливый и неглупый человѣкъ, чуть-ли не со слезами отвѣтилъ:

— Я былъ не на землѣ, а какъ бы въ раю, и этого до моей смерти не забуду.

На завтра была назначена охота въ степи; князь велѣлъ взять его на охоту. Наряженъ былъ цѣлый полкъ

казаковъ. Казаки лавою съ гамомъ и крикомъ гнали въ кругъ, составленнымъ изъ господъ и хорошихъ охотниковъ, лисицъ, волковъ, дикихъ козъ и изъ мочевинъ и озеръ—кабановъ.

Князь, отпуская его изъ Оренбурга, велѣлъ купить лошадь съ упряжью, далъ денегъ на дорогу и предписалъ въ Софіевку, чтобы съ него никакого взысканія не было. Князь отпуская его, такъ и не узналъ, что онъ пріѣхалъ на своей тройкѣ. Конечно онъ щедро подѣлился съ дворецкимъ и камердинеромъ князя и другими, кто зналъ стороною о его пріѣздѣ на тройкѣ съ товаромъ. И безъ того онъ былъ человѣкъ съ деньгами, но продавъ своихъ лошадей и повозку, еще увеличилъ деньгу, но будучи добръ даже слабъ, любя выпить, подъ старость раздавалъ деньги безъ росписки людямъ ненадежнымъ: большая часть этихъ долговъ пропала или пропадетъ.

Извините, я кажется слишкомъ долго занялъ васъ разсказомъ о братѣ, а главное, о чемъ вы желаете знать, о вашемъ семействѣ пока ничего не сказалъ.

Послѣ возвращенія брата Филиппа изъ Оренбурга, братья ваши раздѣлились; жена ваша съ дочерью осталась въ семействѣ брата вашего Петра. Хотя Петръ былъ человѣкъ добрый, но все-таки жилось ей вѣроятно не легко и она переѣхала къ матери въ дер. Мокшанцеву. Но мать ея, какъ вы знаете, ярая старообрядка: послѣ выхода замужъ за васъ и перехода въ православіе, она ее не благословляла и видѣть не хотѣла, и до тѣхъ поръ, пока та не отреклась отъ православія, къ себѣ не принимала. Перекрещивали ее вновь, какъ это у нихъ почти всегда дѣлается. Я знаю, что года четыре или пять назадъ отдали вашу дочь за старообрядца—человѣка молодого, красиваго, трезваго и настолько зажиточнаго, насколько можетъ быть состоятеленъ старообрядецъ, обираемый полицейскими властями и начетниками. Еще долженъ прибавить, что у вашей жены была оспа и испортила чрезвычайно красивое лицо.

Вотъ все, что могу сказать о вашемъ семействѣ.

Лопасовъ, облокотясь на руку, грустный слушалъ мой разсказъ, спросилъ:

— Все-таки они люди честные и трудолюбивые?

— Я положительно подтверждаю это, и онъ сказалъ:

— Если это такъ, то пусть какъ знаютъ, такъ и вѣруютъ. Но не пора ли спать? и, обращаясь къ барышнѣ, сказалъ:

— Вы вѣроятно скучали, слушая разсказъ о моемъ семействѣ?

— О нѣтъ, дорогой Василій Михайловичъ, я съ большимъ интересомъ прослушала разсказъ и благодарю молодого человѣка за него.

— Спасибо вамъ, сказалъ Лопасовъ, крѣпко по военному пожавъ мою руку.

Послѣ этого мы всѣ легли спать, а Василій Михайловичъ ушелъ на дворъ въ свою будку.

Утромъ дождикъ пересталъ, грязь конечно не уменьшилась, но мы все-таки рѣшились ѣхать понемногу отъ постоялаго двора до другого, хотя бы по 20—25 верстъ въ сутки. Въ будкѣ Василія Михайловича большею частью сидѣла барышня, въ моей—няня. Иногда обѣ женщины сходились въ одну повозку, а другая служила для насъ. Когда мы ѣхали съ Василіемъ Михайловичемъ, онъ непрестанно спрашивалъ о семействѣ, о житьѣ бытьѣ другихъ крестьянъ, также о Балабановкѣ, куда переселяли крестьянъ, и говорилъ, что онъ радъ былъ бы переѣхать туда съ зятемъ. Я его увѣрилъ въ легкомъ исполненіи его желанія. Говорю объ этомъ потому, что съ четвертымъ транспортомъ онъ дѣйствительно переѣхалъ съ своимъ семействомъ въ Балабановку. Въ моихъ воспоминаніяхъ я нѣсколько разъ еще долженъ буду коснуться этой замѣчательной личности, проявившей еще разъ свою энергію во время Крымской войны въ особенности во время встрѣчи транспортовъ больныхъ и раненыхъ воиновъ; тутъ мы были не праздными зрителями, но принимавшими нѣкоторое участіе въ улучшеніи пищи раненыхъ и уходѣ за ними.

Сдавъ второй транспортъ и рѣшаясь послѣ третьяго остаться въ Херсонскомъ имѣніи, я всю зиму, весну и лѣто занимался часа по 2—3 въ сутки съ дѣтьми управляющаго и въ одиночку самоучкою учась грамматикѣ, ариѳметикѣ и Закону Божьему. Во все это время только разъ былъ командированъ въ Нижегородскую и Владимирскую губерніи для сбора оброка съ тамошнихъ оброчныхъ крестьянъ. За всѣмъ тѣмъ оставалось много праздннаго времени для разгула, кутежей и свиданій, въ которые я втягивался все болѣе и болѣе и конечно, если бы не охота въ лѣсахъ и на рѣкѣ, я бы совсѣмъ погрязъ въ праздности и разгулѣ, который тѣмъ не менѣе наложилъ мрачный колоритъ на мой нравственный обликъ. Книгъ достать было негдѣ, все, что можно было достать—было прочитано.

XXXII.

Переѣздъ въ Херсонское имѣніе и главныя побудительныя причины переѣзда.—Описаніе степного Херсонскаго имѣнія.—Мое первое знакомство съ нимъ.—Управляющій Г. И. Ивановскій.—Его характеристика.—Малая доходность имѣнія и причины малой доходности.

Третій транспортъ переселенцевъ изъ Саратовской губерніи въ Херсонскую былъ для меня послѣднимъ. Послѣ сдачи второго транспорта я получилъ предложеніе управляющаго Балабановскимъ имѣніемъ Г. И. Ивановскаго переѣхать на жительство въ Балабановскую экономію на должность помощника. Предложеніе выражено было въ лестныхъ словахъ съ увеличеніемъ жалованья вдвое. Я принялъ предложеніе не изъ-за прибавки жалованья, но мнѣ желалось заняться совершенно новымъ степнымъ хозяйствомъ и чтобы уѣхать отъ разгульной жизни, затягивающей меня болѣе и болѣе. Вскорѣ было получено изъ Петербурга разрѣшеніе на мое переселеніе. Такимъ образомъ я прощался и прощался вѣроятно навсегда съ дорогою могилою моей матери, тѣмъ болѣе съ угнетен-

нымъ грустнымъ чувствомъ и тоскою, потому что растерявши почти всѣ идеалы матери, я не считалъ себя достойнымъ попирать грѣшными ногами прахъ ея. Прощаясь съ тѣнистыми садами и лѣсами, съ рыбными рѣками, съ пѣніемъ соловьевъ, я переѣзжалъ въ ровную степь, гдѣ ничего не было привлекательнаго, но гдѣ была новая для меня отрасль, громадное овцеводство, пасшееся на цѣлинной степи.

При Балабановскомъ имѣніи было 17 тысячъ десятинъ земли, около 25 тысячъ испанскихъ малорослыхъ съ легкимъ тонкошерстнымъ руномъ овецъ. И это овцеводство составляло главный доходъ имѣнія; для него было выстроено пять сараевъ, называемыхъ кошарами; при нихъ пять глубокихъ, въ 19 сажень колодцевъ, обложенныхъ срубомъ изъ дикаго камня. Овцы съ ранней весны до глубокой осени, а иногда и большую часть зимы паслись по цѣлинной степи. Для передвиженія съ мѣста на мѣсто чебановъ (пастуховъ) съ стадами овецъ (отарами) было 12—13 арбъ (возовъ) съ будками, запрягаемыхъ парою воловъ. Живой и мертвый инвентарь въ Балабановкѣ былъ не великъ, потому что посѣвъ хлѣбовъ экономическими средствами производился въ небольшомъ количествѣ. Въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ часть цѣлиной земли, отъ 150 до 200 десятинъ отдавались подъ баштаны (бахчи) по 4—5 рублей за десятину. Вышедшая изъ подъ баштановъ земля сдается за очень низкую скопщину: четыре копны посѣвщику, а пятая привозилась въ господскій токъ.

Администрація состояла изъ управляющаго, глухого конторщика, онъ же вмѣстѣ ключникъ, старосты и двухъ объѣздчиковъ.

Уже изъ вышеизложеннаго перечня доходныхъ статей Балабановскаго хозяйства можно заключить о малодоходности его, такъ что годовой чистый доходъ былъ въ 8—10 тысячъ рублей,—и это отъ 17 слишкомъ тысячъ десятинъ черноземной цѣлинной земли и отъ 25 тысячъ испанскихъ овецъ;—дико,—но между тѣмъ это истина.

Такую малую доходность могли терпѣть и выносить безъ протеста одни богатые и обезпеченные владѣльцы, вродѣ Волконскихъ. Впрочемъ такихъ помѣщиковъ было очень много: они не только не получали надлежащаго дохода, но и ни гроша не употребили на какія бы то ни было полезныя хозяйственныя улучшенія для увеличенія дохода. Однако все таки меня поразила такая малая доходность Балабановскаго имѣнія, и я началъ искать причину бездоходности его, и она для меня скоро выяснилась.

Вышеупомянутый управляющій Балабановскимъ имѣніемъ Г. И. Ивановскій, еще бодрый старикъ лѣтъ 50, до поступленія управляющимъ былъ сначала учителемъ, а потомъ инспекторомъ сельско-хозяйственнаго института въ Горы-Горкахъ. Попалъ въ управляющіе по протекціи владѣлицы Горы-Горецкаго имѣнія графини Толстой сестры графа Льва Алексѣевича Перовскаго, какъ выше сказано, безотчетнаго управляющаго Волконскихъ. Лишенный инспекторства, но чтобы не лишиться службы, чиновъ и права на пенсію, онъ былъ прикомандированъ помощникомъ управляющаго Орловской удѣльной конторы, куда ѣздилъ одинъ разъ въ годъ на нѣсколько дней. Такихъ управляющихъ въ имѣніяхъ Волконскихъ и Перовскаго было нѣсколько.

Вѣроятно будучи учителемъ и инспекторомъ въ Горы-Горкахъ, г. Ивановскій зналъ кое что изъ тамошняго научнаго хозяйства, но для здѣшняго степного—всѣ эти познанія едва ли были годны: онъ и не примѣнилъ ни одного пріема тамошняго хозяйства, да и не могъ примѣнить, а изъ практики ничего не зналъ Онъ и не занимался сельскимъ хозяйствомъ, буквально никогда не выѣзжая на полевыя работы, и только рѣдко выходя въ сарай во время стрижки овецъ, но за то усидчиво велъ почти всю конторскую отчетность, въ особенности денежную часть, которая и была вся въ его рукахъ. Впрочемъ и вся то контора сосредоточивалась въ его кабинетѣ и небольшой комнаткѣ близъ кабинета для конторщика и ключника. Управляющій велъ самъ денежную книгу и писалъ черновыя безъ всякой системы вѣдомости. Ком-

натка, гдѣ занимался конторщикъ, если его тамъ не было, была всегда на замкѣ.

Съ перваго взгляда объяснилось, что имѣніе и управляющій другъ для друга не нужны: управляющій г. Ивановскій для имѣнія былъ особою статьею, а Балабановское имѣніе для него особая статья, но статья выгодная. Иначе для чего было самому управляющему усидчиво заниматься конторою, когда у него подъ руками былъ испытанный знатокъ конторскаго дѣла въ лицѣ моемъ, о чемъ Ивановскому было извѣстно.

Всѣ покупки по хозяйству производилъ его крѣпостной человѣкъ и ему отдавалъ счета, а матеріалы принималъ глухой писарь, тоже имъ привезенный изъ Горы-Горокъ. Если онъ не желалъ соединить должность приказчика и конторщика въ одинъ рукавъ, то я самъ вскорѣ по пріѣздѣ, въ простотѣ души, заявилъ, что я, не имѣя усиленныхъ занятій, какъ приказчикъ, готовъ былъ принять на себя обязанность вести денежную или матеріальную отчетность. Но это было первымъ чернымъ котенкомъ, проскочившимъ между нами. Онъ тутъ только узналъ чрезъ конторщика, что я былъ въ Петербургѣ, гдѣ разобралъ довольно сложное дѣло полковника и получилъ порученіе преобразовать отчетность въ имѣніяхъ г.г. Чихачевыхъ, исправить въ нѣкоторыхъ частяхъ контору въ Саратовскомъ имѣніи княгини Волконской. Онъ по ошибкѣ принялъ меня за исправнаго писарька, хорошо сдавшаго отчетъ о переселенцахъ и по аттестату изъ Софійскаго имѣнія,—что, де, я исправенъ, честенъ и не пьяница, а я былъ прельщенъ тѣмъ, что онъ Ивановскій, не употреблялъ тѣлесныхъ наказаній и его обманчивой мягкостью характера, скорѣе безволіемъ: Значитъ онъ во мнѣ увидалъ что-то повыше писарька, а что я въ немъ узналъ — это пойметъ каждый изъ нижеслѣдующихъ объясненій.

Дѣлать нечего, жить нужно было намъ вмѣстѣ. Онъ, Ивановскій, тотчасъ бы уволилъ меня, но зналъ, что мнѣ извѣстенъ путь въ Петербургъ, а я, не видя ничего лучшаго и весь отдавшись дѣлу, котораго впереди видѣлось масса, рѣшилъ терпѣть уколы самолюбія и мелкія,

хотя очень частыя, придирки и непріятности, покрайней мѣрѣ до того времени, пока хватитъ терпѣнія. Впереди я видѣлъ очень серьезныя и для меня полезныя дѣла, именно: усиленіе сбора кормовъ и улучшеніе овцеводства. А тутъ текущей зимой случилось слѣдующее:

Истекшее лѣто было сухое; урожай травы всегда малый на степи, не превышающій въ лучшіе урожайные годы въ сложности 45 пуд. съ десятины, истекшимъ лѣтомъ былъ совсѣмъ ничтожный: сѣна собрали мало и сложили его какъ разъ во время шедшихъ нѣсколько дней дождей послѣ уборки сѣна, а потому оно въ скирдахъ согрѣлось и частію загнило. Скирды складывали 10 саж. длиною и 3 шириною и считали вѣсъ въ скирдѣ 1000 пудовъ. Хотя подъ осень отъ перепадающихъ дождей трава подросла и подножный кормъ явился, но овецъ осенью нельзя было пасти по степи, такъ какъ рано начались дожди и холода; снѣгъ тоже выпалъ рано и въ изобиліи. На довольно большой снѣгъ упалъ дождь; послѣ дождя морозъ и на поверхности снѣга образовался твердый слой, въ родѣ наста, а дороги покрылись гололедицею. Такое состояніе зимы продолжалось съ малыми перерывами мѣсяца два. Между тѣмъ кормъ, заготовленный въ экономіи,—сѣно, полова и солома—вышелъ; скупили по дорогой цѣнѣ близко находящіеся корма, но ихъ хватило не надолго. Начали покупать сѣно верстъ за 25—30 отъ экономіи. Бывало срядятъ воловый транспортъ подводъ въ 30—40, поѣдутъ верстъ за 20—25 по хорошей зимней дорогѣ, но выпадалъ дождь и дороги обращались опять въ ледъ, по которому на волахъ нельзя везть сѣно. Пока находили кузнеца, умѣющаго ковать воловъ, пока надѣлали воловыхъ подковъ, волы съѣдали все купленное сѣно, за коимъ были посылаемы. А между тѣмъ овцы голодали и начали съ жадностью ѣсть одна съ другой шерсть. Начался усиленный, никогда не бывалый падежъ. Отыскали въ Одессѣ, какого то знаменитаго ветеринара Зомерфельда; онъ долженъ былъ осмотрѣть овецъ, опредѣлить, согласно видамъ Ивановскаго, болѣзнь и происходящій отъ нее падежъ. И Зомерфельдъ написалъ на французскомъ языкѣ

актъ, хотя могъ написать по русски. Я шутилъ надъ нимъ и говорилъ, что актъ можетъ быть написанъ въ нѣсколькихъ словахъ: „падежъ происходитъ отъ голода и поѣданія шерсти.“ Эти слова конечно переданы Ивановскому, но произвели неожиданную перемѣну въ немъ: онъ перемѣнилъ со мною обхожденіе, какъ бы заискивая меня— измѣнилъ мою квартиру на лучшую, для меня одного назначилъ порядочную кухарку и усилилъ провизію. Онъ навѣрно опасался, что я донесу объ этомъ въ Петербургъ. Но если бы онъ остался ко мнѣ только равнодушенъ, я бы не сталъ писать въ Петербургъ, зная какою сильною поддержкою онъ пользуется тамъ въ лицѣ графини Толстой, сестры графа Льва Алексѣевича Перовскаго.

Для покупки кормовъ израсходовано болѣе 10000 рублей; овецъ пало безъ малаго 10000 головъ, т. е. чуть не половина, и это только потому, что весна началась рано, въ первой половинѣ марта. Однихъ овецъ кое-какъ выгнали на зелень, а другихъ, буквально скелетовъ, вывозили или на рукахъ выносили. Шерсти при стрижкѣ почти ничего не получили и два года, 1850 и 51-й, закончились безъ всякаго дохода, но все это сошло благополучно для Ивановскаго. Только кажется, получено имъ не очень серьезное замѣчаніе на донесенія о падежѣ и усиленной покупкѣ корма. Но и это перетревожило Ивановскаго; были сдѣланы справки, не донесъ-ли чего я. Но я даже и частнымъ образомъ не писалъ объ этомъ, зная заблаговременно безполезность этихъ сообщеній. Это временно измѣнило отношеніе ко мнѣ, и мнѣ было предоставлено, право распоряжаться почти всѣми работами, самостоятельно, взыскивать съ его любимцевъ служителей, старосты, объѣздчиковъ и дѣлать замѣчанія шафмейстеру-овцеводу.

Пользуясь перемѣнившимся расположеніемъ ко мнѣ, я началъ настойчиво проводить мысль и совѣтывать раньше готовиться къ покосу. Нужно было купить запасныхъ косъ, косьевъ, наперстниковъ и брусковъ; необходимо предстояло заготовить 3—4 большихъ бочки для воды и боченковъ 7—8 для развозки воды по партіямъ косарей и

гребцовъ, котловъ для варева пищи, такъ чтобы было 3—4 кухни и не посылать косарей за версту или $1^1/_2$ отъ стана; куплено также въ достаточномъ количествѣ деревянныхъ граблей, вилъ длинныхъ и короткихъ. Ничего этого не было въ запасѣ. Все это пріобрѣталось во время работъ и вызывало постоянныя недоразумѣнія такъ напримѣръ: партія косарей сидитъ въ тырсѣ и играетъ въ карты. Къ ней подъѣзжаетъ смотритель и начинаетъ выговаривать: „что вы сидите?“

— Воды нѣтъ, пить нечего и въ ведрахъ для точенія косъ тоже нѣтъ, а въ такую жару безъ воды не покосишь.

Всѣ свѣдѣнія объ этомъ я собралъ заблаговременно и все нужное заготовилъ. Сдѣлалъ изъ тонкихъ досокъ подвижную будочку, похожую на домикъ, какъ для своего ночлега, такъ и для храненія провизіи. Она перевозилась парою воловъ. Въ ней помѣстилъ подъемную кроватку, столикъ и стулъ, хотя съ трудомъ, но все таки добился всего, что нужно, увѣривъ, что заблаговременное приготовленіе удешевитъ сборъ сѣна копѣйки на 2 въ пудѣ. Послѣ достаточнаго заготовленія кормовъ, когда ни при какомъ неурожаѣ травъ не могло встрѣтиться недостатка въ сѣнѣ, я занялся улучшеніемъ овцеводства: покупалъ цѣнныхъ барановъ за большую цѣну; разсчиталъ нѣмца Шафмейстера и эту обязанность принялъ на себя; будучи помощникомъ и даже управляющимъ уѣзжалъ съ семействомъ на лѣто въ степной домикъ близъ кошаръ. Изучая овцеводство и улучшая его, написалъ, во время начинающагося кризиса, паденія цѣнъ на шерсть, брошюру: „Что намъ дѣлать съ нашимъ овцеводствомъ,“ и получилъ за нее отъ Императорскаго Ю.-Р. Од. общества премію Рафаиловича.

XXXIII.

Нѣкоторыя улучшенія въ имѣніи.—Конный заводъ и его паденіе.—Смерть графа Льва Алексѣевича Перовскаго.—Смѣна управляющаго Ивановскаго.—Присылка управляющихъ изъ Одессы и Петербурга, ихъ быстрыя смѣны.—Мое завѣдываніе имѣніемъ какъ помощника и конторщика. Дѣлаюсь полнымъ управляющимъ.—Перемѣна къ лучшему и какъ это улучшеніе подѣйствовало на мой нравственный обликъ, тогда я былъ уже свободнымъ.

Устранивъ прежній безпорядокъ, царившій во время уборки сѣна, я доказалъ Ивановскому конторскими счетами, что собранное при моемъ присмотрѣ сѣно, обошлось на 2—3 коп. на пудъ дешевле, противъ прежняго.

Прежде накашивалось и убиралось отъ 20 до 25 скирдъ, 10 сажень длины въ каждой, считая по 1000 пуд. въ скирдѣ, т. е. набирали сѣна 20000—25000 пудовъ. При 20 тыс. пудовъ сѣна, хотя бы на 20 тыс. овецъ, 80 лош. и 50 рабочихъ воловъ, это было очень скудное содержаніе, усиливаемое добавкою соломы и половы и въ безснѣжныя и теплыя зимы, овцы большую часть зимы паслись по цѣлинной степи, по которой, въ особенности послѣ сырой осени, былъ всегда кормъ.

Но тѣмъ не менѣе почти всегда прежде ощущался недостатокъ въ кормахъ для содержанія скота, ихъ почти каждогодно прикупали въ окрестныхъ хозяйствахъ.

Но какъ только земля была съ порядочнымъ снѣгомъ и болѣе холодная, то овцы и скотъ не доѣдали, а лошади, разбивая копытомъ снѣгъ, кормились, какъ дикія, подножнымъ кормомъ, вытягивая шеи; а на ночь загонялись въ некрытые загоны всегда въ грязь по щиколодку, иногда въ эту грязь на ночь кидали возъ или два соломы. Такъ содержался конный заводъ, какъ сказалъ выше, основанный въ 1820 г. декабристомъ С. Г. Волконскимъ, саксонской крови, при такомъ содержаніи почти совершенно переродился и обратился въ какую то неизвѣстную породу, хотя въ конторѣ на стѣнкѣ въ рамкѣ висѣло распоряженіе, чтобы саксонскую кровь не мѣшать ни съ какою другою. Для поддержанія чистоты крови должны были выписываемы изъ извѣстныхъ заводовъ племян-

ные производители. Лучшихъ молодыхъ лошадей водить въ Петербургъ для своего выѣзда и на продажу. Такъ и дѣлалось сначала, но годовъ черезъ 10—15 на конскій заводъ перестали обращать вниманіе и, какъ выше сказано, отъ подножного пастбища лошади вытянули шеи, отъ загона въ грязные некрытые дворы щиколодки ногъ ввытянулись и ни въ одномъ экземплярѣ нельзя было видѣть ни капли саксонской крови. Объ этомъ пишу подробно, чтобы показать какъ у насъ въ крѣпостное время безслѣдно исчезали добрыя начинанія:—и это не единичный случай.

Выше было описано, что чуть-чуть отъ безкормицы и овцеводство не исчезло.

Возвращусь опять объ описанномъ выше покосѣ, собралъ сѣна около 60000 пудовъ, сложилъ въ хорошее время въ скирды. Пусть сѣно обошлось противу прежней уборки, по меньшей мѣрѣ по 2 к. и тутъ оказалось экономіи не менѣе 1200 р.

Съ этого года никогда не ощущалось недостатка въ кормѣ и его всегда оставалось почти на цѣлый годовой запасъ.

Съ этого-же времени мои отношенія съ Ивановскимъ, какъ-будто-бы еще улучшились, но все таки одинъ другого очень недолюбливали. Совмѣстная жизнь наша продолжалась не долго: въ 1855 году умеръ графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій и сводная сестра моя Аграфена Кичигина. Назначенъ былъ главноуправляющимъ Севастопольскій купецъ Егоръ Ивановичъ Грегеръ. Всѣмъ извѣстна компанія Грегеръ, Горвицъ и Коганъ, доставлявшій провіантъ и фуражъ въ дунайскую армію во время турецкой войны. Ивановскій, будучи уже коллежскимъ ассесоромъ, не пожелалъ служить при главномъ управленіи купца и вышелъ въ отставку.

Послѣ этого началась частая смѣна управляющихъ, высылаемыхъ изъ Одессы и Петербурга, совершенно не знакомыхъ съ какимъ-бы то ни было хозяйствомъ. Объ нихъ бы стоило нѣсколько словъ сказать, но я это оставляю до второй части, а тутъ въ заключеніе скажу, что

я, будучи помощникомъ управляющихъ и завѣдывающій конторою и овцеводствомъ, хотя и стѣсняемый нѣсколько, но распоряжался всѣмъ хозяйствомъ до того времени, пока не назначенъ былъ управляющимъ съ полною довѣренностью.

Отсюда я не буду продолжать свое жизнеописаніе, такъ сказать изо-дня въ день, а только во второй части намѣренъ коснуться болѣе или менѣе замѣчательныхъ, или чѣмъ нибудь выдающихся событій въ этомъ періодѣ моей жизни. Но въ заключеніе считаю не лишнимъ сказать, что судьба наконецъ улыбнулась мнѣ: крѣпостная жизнь моя кончилась и я получилъ свободу, всѣ начинанія и предпріятія мои кончились счастливо; я сталъ пользоваться нѣкоторымъ избыткомъ, а избытокъ вскорѣ отучилъ меня отъ постоянно сопутствующаго мнѣ правила безъ ропота довольствоваться малымъ: началась прививаться разная привычка, о которой я, вѣроятно, при прежней жизни никогда бы не помышлялъ. Идеалы матери почти совершенно улетучились, но вмѣсто этого съ необыкновенной силою начали возникать и преслѣдовать меня недостатки сдѣланные въ молодости и, что я въ край не испортился нравственно, то только благодаря усиленному труду: вставалъ почти всегда въ 4 часа утра, два, или три стакана чаю стояли на столѣ, а запряженныя лошади — у крыльца и я уѣзжалъ по имѣнію до обѣда, а иногда на цѣлый день. (Отъ одного конца имѣнія до другого было 25 верстъ) Впрочемъ, и во второй части есть что разсказать, но успѣю ли это сдѣлать?

Н. Кабешитовъ.